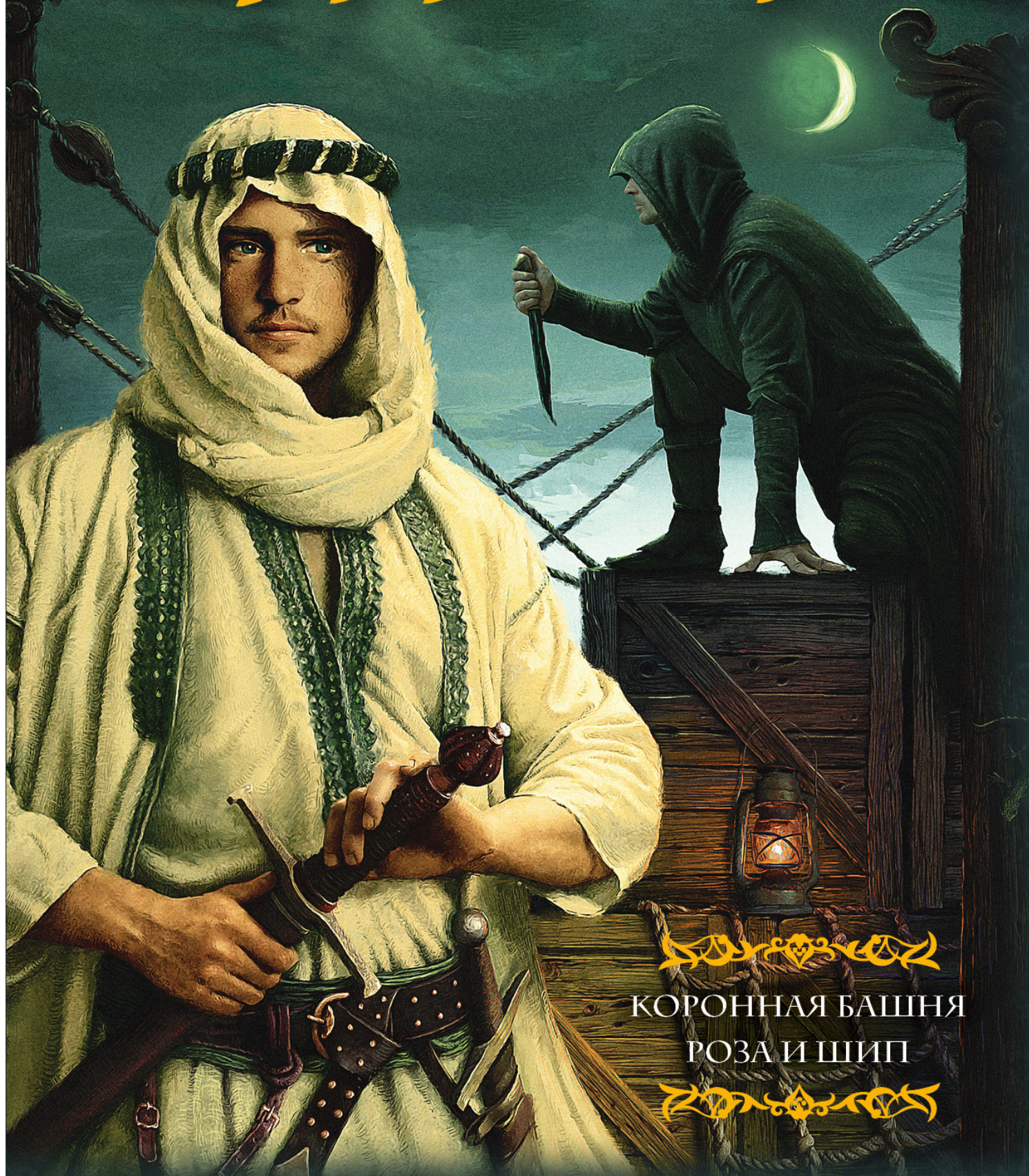

Майкл САЛЛИВАН

КОРОННАЯ БАШНЯ
РОЗА И ШИП

Рийрия

Майкл Салливан

**Коронная башня.
Роза и шип (сборник)**

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Салливан М. Д.

Коронная башня. Роза и шип (сборник) / М. Д. Салливан —
«АСТ», 2013 — (Рийрия)

ISBN 978-5-17-106942-1

КОРОННАЯ БАШНЯ Все начинается с того, что подающий блестящие надежды молодой солдат-наемник Адриан Блэкуотер становится свидетелем жестокого убийства пассажиров на речной барже. Подозрение падает на угрюмого незнакомца, который держится особняком, скрывая лицо под черным капюшоном... **РОЗА И ШИП** Изрядно поиздержавшиеся Ройс и Адриан приезжают в Медфорд в поисках работы и немедленно впутываются в таинственную историю о бесследном исчезновении хорошенькой «ночной бабочки»...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106942-1

© Салливан М. Д., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

От автора	6
Коронная башня	10
Глава первая	10
Глава вторая	19
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Глава пятая	45
Глава шестая	56
Глава седьмая	64
Глава восьмая	70
Глава девятая	80
Глава десятая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Майкл Дж. Салливан

Коронная башня. Роза и шип

Michael J. Sullivan

THE CROWN TOWER: BOOK 1 of THE RIYRIA CHRONICLES

THE ROSE AND THE THORN: BOOK 2 of THE RIYRIA CHRONICLES

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Michael J. Sullivan, 2013

© Перевод. М. Прокопьева, 2017

© Перевод. К. Егорова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается читателям, верившим в меня, когда никто не верил.

От автора

Добро пожаловать в «Хроники Рийрии».

Если вы новичок в мире Элана, возможно, вам следует прочесть это вступление, чтобы определить, с чего начать, потому что начинать, наверное, нужно не отсюда. Даже тем, кто давно знаком с «Рийрией», может быть небезынтересно узнать немного о том, как появилась эта серия и чего ожидать от нее в будущем.

«Хроники Рийрии» – это приквел к моей дебютной серии «Рийрия» (первоначально выпускавшейся издательством «Орбит», начиная с романа «Похищение мечей» в ноябре 2011-го и заканчивая «Наследником Новрона» в январе 2012-го). Если вы предпочитаете читать книги в хронологическом порядке, начинайте с этого романа – я позаботился о том, чтобы в «Хрониках» не попадались спойлеры. Вам также не потребуется сначала ознакомиться с «Рийрией». Я хотел угодить читателям из обоих лагерей (тем, кто предпочитает хронологический порядок, и тем, кому больше нравится порядок публикации). С учетом вышесказанного, «Хроники» на самом деле лучше читать *после* «Рийрии», и старожилы найдут в них маленькие сюрпризы, которые будут им понятны, потому что они уже знают всю историю целиком. На важные сюжетные ходы это никак не повлияет, это просто маленькие бонусы *для тех, кто в курсе дела*. Главное, что читатели могут начать путешествие по Элану как с «Коронной башни», так и с «Похищения мечей».

Я бы хотел уделить минутку внимания различиям в структуре этих двух серий. Для тех, кто не в курсе, я написал все шесть романов «Рийрии» до того, как начал издавать их. В той серии это имело колоссальное значение. Несмотря на то что в каждой книге имелся собственный конфликт и развязка, там было несколько сюжетных линий, общих для всех книг серии. По всему тексту я разбросал намеки на тайны, и читателю надлежало пережить немало погонь за знанием, ведь все было выстроено как подготовка к великому финалу, где, скажем так, раскрывались все секреты. Поскольку это была моя первая работа, я мог позволить себе подобную роскошь. В конце концов, никто не ждал продолжения.

При написании «Хроник Рийрии» я избрал иной подход. Я не знаю, сколько частей будет в этой серии, поэтому даю ей открытую концовку вместо того, чтобы создавать единое повествование, поделенное на эпизоды. Эти истории больше похожи на отдельные романы и не составляют настолько целостную картину, как предыдущая серия. Таким образом я смогу перестать писать книги о Рийрии в любое время, не оставляя при этом вопросов без ответа и неразрешенных конфликтов. У меня на это несколько причин. Прежде всего я очень трепетно отношусь к Рийрии. Я очень горжусь своими достижениями, но все мы видели некогда великие сериалы, которые продолжались куда дольше, чем следовало. Во-вторых, я не знаю, захотят ли люди и дальше читать про этих героев. Все-таки я написал и опубликовал восемь романов. Возможно, этого достаточно.

Так что же все-таки такое «Хроники Рийрии»? И почему я решил писать предысторию вместо продолжения? Многим уже известно, что «Рийрия» в переводе с эльфийского значит «двое»; это также название, которое Адриан Блэкуотер и Ройс Мельборн выбрали для обозначения своего дуэта наемных воров. Таким образом, неудивительно, что в «Хрониках Рийрии» эта парочка играет значительную роль. Тщательно продуманная серия «Рийрия» заканчивается концом эпохи, и я очень доволен тем, как завершились описываемые события. После всех усилий, которые я приложил, чтобы подыскать идеальную концовку, я боялся, что любое продолжение покажется своего рода приложением и, вполне вероятно, разрушит нечто очень ценное для меня. Поэтому стало очевидным, что лучше исследовать начало, а не конец.

По сути, «Хроники» – это история возникновения Рийрии. В начале «Рийрии» Ройс и Адриан уже были лучшими друзьями. Проработав вместе двенадцать лет, они были связаны

узами, благодаря которым многие читатели восприняли их с такой теплотой. Для меня как для автора было очень интересно выяснить, как два столь разных человека повлияли друг на друга и как зародилось то безграничное доверие, которое существует между ними. Мне пришло в голову, что при первой встрече они бы вовсе не понравились друг другу, вернее, они бы, скорее всего, друг друга возненавидели. Самым трудным для меня стало реалистично показать, как сложился их союз, но в творчестве я больше всего люблю трудности.

Кто-то выдвинул предположение, что взяться за «Хроники» меня вынудил издатель, который хотел, чтобы я вернулся к уже проверенной золотой жиле. Это не так. Все, кто меня знает, в курсе, что никакая сумма не соблазнит меня писать то, что мне неинтересно. Но если в ответе за «Хроники» не «Орбит», то кто же? Я бы сказал, что это в основном читатели, которые настаивали, что 685 000 слов им мало. Благодаря вашей поддержке у меня есть еда на столе и крыша над головой. Я во многом чувствую себя художником эпохи Возрождения, а вы – мои покровители. Но есть еще один человек – наверное, единственный человек, который на самом деле может заставить меня что-либо делать. Этот человек запланировал «Хроники». Она тайно манипулировала мной, и то, как я оказался жертвой ее коварных махинаций, само по себе целая история.

Это классический сюжет о муже, чья жена влюбилась в другого мужчину – более удачного и очаровательного. Звучит трагично, но это немного другая история, потому что роман произошел между реальной женщиной и вымышленным мужчиной. Моя жена – назовем ее Робин (потому что это ее имя) – влюбилась в Адриана Блэкуотера. Не уверен, должен ли я поощрять отношения своей жены с другим мужчиной, но по крайней мере я знаю, что этот парень достоин доверия. Дочитав серию «Рийрия», Робин огорчилась, ведь пришла пора попрощаться с миром Элана и особенно с Адрианом, но потом она поняла, что я могу вернуть и его, и Ройса, чтобы рассказать их предысторию. Эта мысль привела в движение дьявольский план по воскрешению дуэта.

Все началось с того, что она убедила меня написать рассказ, чтобы чем-то порадовать читателей во время перехода от самиздата к традиционному изданию. Предзаказ на «орбитовские» издания «Рийрии» уже существовал (но сами книги еще не вышли), а мои более ранние варианты пришлось удалить, чтобы освободить место. Впервые за многие годы мне нечего было выложить, а поскольку контракт позволял мне выпускать тексты короче романов и поскольку рассказы и должны быть короткими, Робин попросила меня написать рассказ о прошлом Ройса и Адриана.

Дело в том, что я вообще-то не очень хорошо пишу рассказы. Так что я решил относиться к делу, как к написанию главы – первой главы романа. Совершив путешествие во времени, я написал простой рассказик о том, как Ройс и Адриан познакомились с виконтом Альбертом Уинслоу. Это случилось примерно через год после того, как сами герои встретились впервые. Я выпустил рассказ бесплатно под названием «Виконт и ведьма», и читателям, похоже, понравилось. Когда я написал этот рассказ, зерно было посеяно, и пока я работал над другими проектами, оно начало прорастать. Когда стало ясно, что «Рийрия» запущена, я начал работать над книгой, которая превратилась в «Розу и шип».

Уже приближаясь к концу романа, я осознал проблему. Не мог же я издать книгу о том, что случилось на второй год совместной работы Ройса и Адриана. О чем я думал? Возвращение к истокам требовало ответа на вопрос: с чего все началось? Какой смысл в легенде без истории ее возникновения? Чем больше я об этом думал, тем яснее сознавал, что мне нужно написать о первой встрече Ройса и Адриана. Когда я рассказал об этом жене, она выказала сдержанную поддержку: «Если ты считаешь, что так будет лучше, дорогой». Выйдя из комнаты, я услышал приглушенное «Ура!» и представил, как Робин трясет кулаком в воздухе, будто забила выигранный гол. Вот так и появилась «Коронная башня».

Случайно написав книги, действие которых происходит с разницей в один год по эланскому времени, я теперь задумываюсь о серии из двенадцати книг – по одному роману на каждый год до событий «Рийрии». Напишу ли я когда-нибудь все эти истории? На этот вопрос невозможно ответить, пока не увижу, как идут дела у этих двух романов. Но как всегда и бывает в писательстве, я открыл дверь, и теперь через нее заходят идеи. Пока что я коллекционирую их, как красивые ракушки, пока работаю над другими проектами.

Вот так все и сложилось. Счастливый случай, ставший реальностью благодаря страсти хитроумной жены к вымышленному мужчине и легиону читателей, которые захотели читать дальше. Если вы давно знакомы с «Рийрией», надеюсь, эти книги понравятся вам так же, как предыдущие. Если мое творчество для вас в новинку, надеюсь, вы заведете новых друзей, и если так, то впереди вас ждет еще шесть романов, в которые можно окунуться.

Наконец, после прочтения прошу вас написать мне пару слов на адрес michael.sullivan.dc@gmail.com и поделиться впечатлениями. Именно благодаря подобным отзывам и появились «Хроники». Так что если вы захотите читать дальше, самый лучший способ осуществить это желание – высказаться.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Коронная башня

Роза и шип

Смерть леди Далгат

Похищение мечей

Восход империи

Наследник Новрона

Коронная башня

Хроники Рийрии

Книга первая

Глава первая

Пиклз

Адриан Блэкуотер сошел с корабля и не успел сделать и пяти шагов, как его ограбили.

Из рук вырвали сумку – его единственную сумку. Адриан даже не сумел разглядеть вора. В освещенной фонарями сутолоке на пирсе он вообще мало что различал. Расталкивая друг друга, одни пассажиры спешили поскорее убраться подальше от трапа, другие же, наоборот, стремились приблизиться к судну. За время долгого плавания Адриан привык к ритму постоянно качавшейся палубы и теперь думал только о том, как удержать равновесие на неподвижном причале в сжимавшей его со всех сторон толпе. Очевидно, подобные ощущения испытывали и прочие пассажиры, многие из которых передвигались с чрезмерной осторожностью, создавая тем самым заторы. Люди на берегу, пришедшие к прибытию корабля, выискивали друзей и родных, кричали, подпрыгивали, размахивали руками, пытаясь привлечь чье-то внимание. Среди них выделялись те, кто явился сюда по делу: они высоко поднимали факелы, выкрикивали предложения жилья и работы. Какой-то лысый человек, взобравшись на ящик, трубным голосом возвещал о том, что в трактире «Черная кошка» подают самый крепкий эль по самым низким ценам. В двадцати футах от него балансировал на шаткой бочке его конкурент, утверждавший, что лысый лжет. Более того, настаивал он, «Счастливая шляпа» – вот единственный из здешних трактиров, где вас не накормят собачьим мясом, выдав его за баранину.

Адриан не обратил внимания на выкрики местных зазывал. Сейчас он мечтал лишь об одном: поскорее выбраться из толпы, чтобы разыскать вора, стащившего его сумку. Однако уже через несколько минут стало понятно, что ничего у него не получится. Что ж, значит, остается только уберечь от подобной участи кошельки да считать, что еще повезло. По счастью, ничего ценного не пропало – в сумке лежала только одежда, хотя перспектива остаться без нее холодной авринской осенью не слишком радовала.

Адриан следовал по течению. Впрочем, иного выбора и не было: мощный поток тел, над которым он возвышался на голову, нес его вперед. Причал скрипел и стонал под ногами пассажиров, бегущих прочь из тесных кают, более месяца служивших им домом. На смену свежему, с соленым привкусом воздуху, к которому они привыкли за несколько недель, проведенных в море, пришли едкие запахи рыбы, дыма и дегтя. Огни города, видневшиеся высоко над тускло освещенным портом, казались яркими маяками в звездном мире.

Адриан шел следом за четырьмя темнокожими калианцами, тащившими ящики с разноцветными птицами, которые издавали пронзительные крики и с грохотом бились о прутья

клеток. Сразу за ним плелись бедно одетые мужчина и женщина. Мужчина нес *две* сумки – одну через плечо, другую под мышкой. Судя по всему, *их* пожитки никого не заинтересовали. Адриан понял, что допустил ошибку: конечно, надо было одеться как-то иначе. Его восточные одежды – белый льняной сауб и тонкий плащ с золотой каймой – совсем не защищали от холода, зато сразу привлекали к себе внимание в стране кожи и шерсти, намекая на то, что их обладатель *богат*.

– Эй! Сюда! – послышался чей-то голос, едва различимый в какофонии криков, свиста, стука колес и звона колоколов. – Сюда! Да-да, вы, идите сюда. Ну же, скорее!

Преодолев большую часть заторов, Адриан наконец добрался до конца пирса, где заметил одетого в лохмотья худосочного подростка, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ярком свете качающегося фонаря. В руке он держал сумку Адриана. На лице сияла широкая радостная улыбка.

– Да-да, вы! Подойдите, пожалуйста. Сюда-сюда! – звал он, размахивая свободной рукой.

– Это моя сумка! – воскликнул Адриан, пытаясь пробраться к пареньку сквозь остатки толпы, запрудившей узкий пирс.

– Да! Да! – Босоногий юнец улыбнулся еще шире. Глаза его светились воодушевлением. – Вам очень повезло, что я забрал ее у вас, а то бы ее непременно украли!

– Ты ее и украл!

– Нет! Нет! Вовсе нет. Я преданно защищал ваше самое ценное имущество. – Подросток расправил костлявые плечи и приосанился, будто собираясь отдать честь. – Не пристало такому человеку, как вы, самому носить свои вещи.

Адриан протиснулся мимо трех женщин, которые остановились успокоить плачущего ребенка, но тут перед ним вырос какой-то старик, тащивший невероятных размеров сундук. Тощий, словно бесплотное привидение, и седой как лунь, старик перегородил узкий проход, который и без того уже был завален горой сумок, небрежно сброшенных на пирс с корабля.

– Что значит «такой человек, как я»? Что ты хочешь этим сказать? – прокричал Адриан из-за сундука.

– Ну как же! Разве вы не прославленный рыцарь?

– С чего ты взял?

Мальчишка вскинул руку в сторону Адриана.

– Меня не проведешь! Вон вы какой высоченный! Да еще мечи носите – целых три! А на спине-то какой огромный! Такие бывают только у рыцарей.

Сундук застрял между опалубкой и пирсом. Адриан вздохнул, наклонился и высвободил его, за что получил от старика несколько благодарственных слов на непонятном языке.

– Ну, что я говорил! – вскричал мальчишка. – Только рыцарь окажет помощь попавшему в беду незнакомцу, как это сделали вы!

На кучу рядом с Адрианом обрушилось еще несколько сумок. Одна из них скатилась вниз и с глухим всплеском нырнула в темную воду. Адриан метнулся вперед, чтобы уберечь голову от очередных сброшенных с корабля вещей, а главное – вернуть свои собственные.

– Я не рыцарь. А теперь отдай мне сумку!

– Я ее понесу. Меня зовут Пиклз. Однако нам пора. Идемте скорее! – Паренек прижал к груди сумку Адриана и затрусил прочь.

– Эй!

– Скорее, скорее! Не стоит здесь задерживаться.

– Куда ты торопишься? О чем ты вообще говоришь? И верни мне наконец сумку!

– Вам очень повезло, что у вас есть я! Я превосходный проводник. Знаю, где найти все, что вам нужно. Со мной вы будете иметь все самое лучшее за меньшие деньги.

Наконец Адриан догнал мальчишку, ухватился за сумку и потянул ее, но вместе с сумкой подтащил к себе и Пиклза, который намертво вцепился в парусиновую ткань.

– Ха! Видите? – ухмыльнулся тот. – Из *моих* рук никто не вырвет вашу сумку!

– Послушай... – Адриан остановился на минутку, чтобы перевести дыхание. – Мне не нужен проводник. Я не собираюсь здесь оставаться.

– Куда вы направляетесь?

– На север. Далеко на север. В место под названием Шеридан.

– А! В университет...

Слова Пиклза изрядно удивили Адриана. Парнишка не производил впечатления человека, хорошо знающего мир. Скорее он напоминал брошенную собаку, которая когда-то, возможно, имела хозяина и носила ошейник, но теперь у нее были только блохи, торчащие ребра и обостренный инстинкт выживания.

– Так вы собираетесь стать ученым? Как же я сразу не догадался! Прошу меня простить, если нечаянно оскорбил вас. За такую мою оплошность вы должны лишить меня чаевых. По всему видно, вы очень умны – разумеется, из вас получится великий ученый. И мне это даже больше по душе. Я знаю, куда мы с вами сейчас двинемся. По реке Бернум ходит баржа. Да, баржа – вот что нам нужно, и она как раз отправляется сегодня вечером. Следующая будет только через несколько дней, но вы ведь не хотите задерживаться в этом ужасном городишке. Мы быстренько доберемся до Шеридана.

– Мы? – усмехнулся Адриан.

– А я вам еще пригожусь! Ведь я хорошо знаю не только Вернес, но и весь Аврин – исколесил его вдоль и поперек. Я буду сопровождать вас, стану вашим помощником, буду защищать ваши интересы и оберегать вещи от воров, пока вы заняты учением. Согласитесь, уж с этой работой я великолепно справляюсь!

– Я не студент и не собираюсь им становиться. В Шеридане мне всего лишь нужно повидаться с одним человеком, и никакой помощник мне не нужен.

– Ну конечно, зачем вам помощник, раз вы не собираетесь становиться ученым! Но как сын благородного лорда, только что вернувшийся с востока, вы, несомненно, захотите обзавестись слугой, а из меня получится отличный слуга. Я позабочусь о том, чтобы ваш ночной горшок всегда был пуст, а зимой всегда жарко горел огонь. Летом же я буду обмахивать вас опахалом и отгонять надоедливых мух.

– Пиклз, – твердо сказал Адриан. – Я не сын лорда, и мне не нужен слуга. Я... – Он замолчал, заметив, что внимание паренька привлекло что-то другое, а радостное выражение на его лице сменилось испугом. – В чем дело?

– Я же говорил, нужно поторопиться. Мы должны немедленно убраться из порта!

Обернувшись, Адриан увидел, как по пирсу маршируют вооруженные дубинами здоровяки. От их тяжелых шагов сотрясаясь весь причал.

– Вербовщики, – тихо пояснил Пиклз. – Не успеет причалить корабль, как они тут как тут. Отлавливают новоприбывших вроде вас, и потом те просыпаются уже в трюме отплывшего корабля. О нет! – Судя по этому восклицанию, один из вербовщиков их заметил.

Здоровяк похлопал товарищей по плечам. Раздался короткий свисток, и все четверо повернулись в сторону Адриана и Пиклза. Мальчишка вздрогнул и, слегка согнув ноги в коленях, чуть подался вперед, как человек, который в следующую секунду пустится наутек, но затем, взглянув на Адриана, только прикусил губу и не сдвинулся с места.

Люди с дубинами бросились к ним, но, увидев мечи Адриана, замедлили шаг и в нерешительности остановились. Всех четверых легко можно было принять за родных братьев, настолько одинаковыми выглядели их заросшие щетиной лица, неопрятные сальные волосы, задубевшая кожа и злобное выражение, которое, похоже, редко покидало их лица, о чем свидетельствовали глубокие, похожие на вмятины складки, образовавшиеся между вечно насупленными бровями.

С минуту они в замешательстве рассматривали Адриана. Затем вперед выступил верзила в замызганной рубахе с разодранным рукавом и спросил:

– Ты рыцарь?

– Нет, я не рыцарь, – закатывая глаза, сердито сказал Адриан.

Другой верзила рассмеялся и с силой толкнул товарища с драным рукавом.

– Ну ты и тупица! Он же немногим старше этого мальчишки.

– Да не пихайся ты на скользком причале, болван! – Вербовщик вновь перевел взгляд на Адриана. – Не так уж он молод.

– Да кто их разберет, – пожал плечами один из его товарищей. – Благородные иной раз такое вытворяют! Слыхал я, один король как-то посвятил в рыцари своего пса. Его называли сэр Шарик.

Вербовщики захохотали. Адриану эта история тоже показалась забавной, и он чуть было к ним не присоединился, но его остановило выражение ужаса на лице Пиклза.

Верзила с разорванным рукавом приблизился к ним еще на один шаг.

– Наверняка он какой-нибудь оруженосец. Милостивый Марибор! Вы только гляньте на все эти железяки! Где твой господин, парень? Поблизости?

– Я не оруженосец, – ответил Адриан.

– Нет? А откуда тогда столько железа?

– Не ваше дело.

Вербовщики зловеще ухмыльнулись.

– Думаешь, ты такой крепкий орешек, а?

Верзилы окружили Адриана и Пиклза, крепче стиснув дубины. У одного из них через дырку в рукоятке был пропущен кожаный шнурок, обернутый вокруг запястья.

«Знают, видно, что так надежнее», – подумал Адриан.

– Лучше оставьте нас в покое, – дрожащим голосом сказал Пиклз. – Разве вы не знаете, кто это? – Он указал на Адриана. – Это знаменитый мечник – прирожденный убийца.

Снова слышались смешки.

– Да неужели? – спросил стоявший ближе всех вербовщик и сплюнул сквозь редкие желтые зубы.

– О да! – настаивал Пиклз. – Он ужасен – настоящее чудовище – и чертовски обидчив! Представить себе не можете, до чего он опасен!

– Это сопляк-то? – Вербовщик окинул Адриана оценивающим взглядом и презрительно скривил губы. – Вымахал, конечно, на славу, ничего не скажешь, но сдается мне, у него еще молоко на губах не обсохло. – Он перевел взгляд на Пиклза. – Ну а ты-то ведь не жестокий убийца, а, малец? Ты – грязный уличный крысеныш, вчера я видел тебя в пивной, где ты подбирал с полу объедки. Тебе, мальчик мой, предстоит начать новую жизнь в море. Для тебя это наилучший вариант. Там тебя накормят и научат работать – трудиться в поте лица. Станешь настоящим мужчиной.

Пиклз попытался увернуться, но верзила схватил его за волосы.

– Отпусти его, – сказал Адриан.

– Как ты там говорил? – усмехнулся здоровяк, державший Пиклза. – *Не ваше дело?*

– Это мой оруженосец, – заявил Адриан.

Снова раздался дружный хохот.

– Ты же сказал, что не рыцарь, помнишь?

– Он работает на меня, этого достаточно.

– Нет, недостаточно, и теперь он работает на морское судоходство.

Обхватив мускулистой рукой шею Пиклза, вербовщик заставил мальчишку нагнуться, а другой громила, вытащив из-за пояса моток веревки, вплотную подошел к нему.

– Я сказал, отпусти его, – повторил Адриан громче.

– Эй! – рявкнул верзила с разорванным рукавом. – Ишь, раскомандовался, сопляк! Можешь убираться восвояси! У тебя наверняка есть хозяин, ведь кто-то же всучил тебе аж три меча, и этот кто-то как пить дать заметит твое исчезновение. А нам такие неприятности ни к чему, ясно? Но и ты не нарывайся на неприятности. Еще раз попадешься нам на глаза, все кости тебе переломаем. Будешь упрямитесь и грубить, закинем в лодку. А если совсем встанешь как кость в горле, так и без лодки обойдемся.

– Как же я ненавижу таких типов, как вы! – сказал Адриан, печально качая головой. – Я только что сюда приехал. Месяц провел в море – целый *месяц*! – чтобы убраться подальше от подобных делишек. – Он с отвращением скривился. – И вот на тебе, тут же нарвался на вас – да и на тебя тоже! – Адриан ткнул пальцем в сторону Пиклза, которому вербовщики связывали руки за спиной. – Я не просил тебя о помощи. Я не искал проводника, помощника или слугу. Я и один неплохо со всем справляюсь. Так нет, надо же было тебе схватить мою сумку да еще выказать столько дружелюбия! А хуже всего то, что ты вовремя не смылся. Не знаю, может, тебе для этого мозгов не хватило... Но мне почему-то кажется, что ты остался мне помочь.

– Жаль, не получилось... – грустно посмотрел на него Пиклз.

Адриан вздохнул.

– Черт подери! Ну вот, снова-здорово! – Он оглянулся в сторону вербовщиков, уже зная, чем все обернется – чем всегда оборачивалось нечто подобное! – но решил прежде хотя бы попытаться их урезонить. – Послушайте, я не рыцарь и не оруженосец. Эти мечи принадлежат мне, и хотя Пиклз думает, что блефовал, я и в самом деле...

– Ой, да заткнись ты!

Верзила с разорванным рукавом сделал шаг к Адриану и замахнулся на него дубиной. На скользком причале Адриану не составило труда схватить громилу за руку и так вывернуть локоть и запястье, что раздался треск – как будто раскололась скорлупа ореха. Он оттолкнул орущего от боли вербовщика, и тот со всплеском рухнул в воду.

Адриан мог бы обнажить мечи – и по привычке чуть было так и не сделал, – но он дал себе слово, что теперь в его жизни все будет иначе. Кроме того, прежде чем столкнуть вербовщика в воду, он выхватил у него дубину – кусок твердого пеканового дерева более фута длиной и диаметром примерно дюйм. От частого ее применения на протяжении долгих лет рукоятка дубины сделалась гладкой, а другой конец побурел от крови, вьезшейся в древесину.

Один вербовщик удерживал Пиклза, а двое атаковали Адриана. Окинув опытным взглядом положение их ног и рассчитав вес и направление удара, Адриан увернулся от замаха первого нападавшего, поставил второму подножку и, пока тот падал, ударил его по затылку. При соприкосновении дубины с черепом раздался глухой звук, словно удар пришелся по тылке, и рухнувший на деревянный настил верзила уже больше не двигался. Другой снова замахнулся. Адриан отразил удар пекановой палкой и попал вербовщику по пальцам. Тот заорал и выпустил из рук дубину. Адриан ухватился за нее, болтающуюся на кожаном шнуре, резко дернул, заломив руку противника назад, и с силой потянул. Кость не сломалась, но вывих плеча был бедолаге обеспечен. Ноги вербовщика задрожали, боевой дух окончательно его покинул, и Адриан толкнул его в воду вслед за товарищем.

Когда Адриан повернулся, чтобы сразиться с последним из четверки, Пиклз уже стоял в одиночестве, потирая шею. Его потенциальный пленитель уносил ноги с невероятной быстротой.

– Как тебе кажется, он приведет друзей на подмогу? – спросил Адриан мальчишку.

Пиклз промолчал. Он лишь тараторил на Адриана с открытым ртом.

– Думаю, нет смысла оставаться, чтобы это выяснить, – ответил самому себе Адриан. – Так где, говоришь, эта твоя баржа?

* * *

Вдали от морского причала город Вернес был все таким же гнетущим и удушливым. Узкие, мощенные булыжником улицы образовывали лабиринт в тени почти касавшихся друг друга балконов. Свет фонарей и луны едва проникал сюда, а некоторые одинокие улочки и вовсе тонули во мраке. Теперь Адриан был рад, что судьба послала ему Пиклза. Оправившись от пережитого страха после столкновения с вербовщиками, «уличный крысеныш» вел себя скорее как охотничий пес. С легкостью, выдававшей немалый опыт, он уверенно бежал по городским закоулкам, перепрыгивая через лужи, от которых несло отходами, и ловко обходя бельевые веревки и строительные леса.

– Здесь живут в основном корабельщики, а вон там, возле пристани, – общежитие портовых рабочих. – Пиклз указал на мрачное трехэтажное здание с одной дверью и немногочисленными оконцами. – Большинство в этой части города живут здесь или в таком же бараке на южной окраине. Здесь все связано с судоходством. А вон там, высоко на холме – видите? Это цитадель.

Адриан поднял голову и разглядел темные очертания освещенной факелами крепости.

– Это не совсем замок, скорее, контора, где работают спекулянты и купцы. Чтобы сберечь все то золото, что они там хранят, нужны высокие, прочные стены. Вот куда идут деньги с моря. Все бежит под гору, но золото течет вверх.

Пиклз обогнул перевернутое ведро и спугнул пару крыс размером с хорошего кота, которые шмыгнули под защиту более густой темноты. Почти проскочив мимо какой-то двери, Адриан вдруг понял, что куча тряпья на крыльце – на самом деле древний старик с всклокоченной седой бородой и изборожденным морщинами лицом. Старец сидел неподвижно, казалось, даже не моргал, и Адриан заметил его только после того, как чашка его курительной трубки запылала ярким оранжевым светом.

– Грязный городишко, – бросил через плечо Пиклз. – Я рад, что мы уезжаем. Тут слишком много чужеземцев – особенно с востока, а сколько еще, наверное, прибыло на одном с вами корабле! Станный народ эти калианцы. Их женщины занимаются ворожбой и предсказывают будущее, но по мне, так лучше поменьше знать о своем будущем. На севере, к счастью, нам не придется сталкиваться с подобными вещами. В Уоррике ведь зимой жгут как дрова. Ну... во всяком случае, так мне рассказывали... – Пиклз резко остановился и обернулся к Адриану. – Как вас зовут?

– Наконец решил спросить, а? – усмехнулся Адриан.

– Мне нужно знать, чтобы обеспечить вас местом на барже.

– Я и сам могу об этом позаботиться. Если, конечно, ты действительно ведешь меня к барже, а не в какой-нибудь темный уголок, где шарахнешь по голове, чтобы наконец обчистить до нитки.

– Я бы никогда так не поступил, – обиделся Пиклз. – Неужели вы считаете меня таким дураком? Я же видел, что ожидает того, кто попытается *шарахнуть вас по голове*. Да к тому же мы уже прошли с десятков отличных темных уголков. – Пиклз улыбнулся своей удивительной широкой улыбкой, отчасти озорной, отчасти гордой, но более всего простой и радостной от того, что он вообще живет на свете. Адриан и припомнить не мог, когда сам в последний раз чувствовал себя так, как выглядел сейчас Пиклз.

Главарь вербовщиков верно угадал возраст мальчишки. Пиклз был всего на четыре-пять лет моложе Адриана. «Пять, – подумал он. – Парень на пять лет младше меня. Он – это я, до того как ушел из дома. Неужели и я тогда так улыбался?»

Адриан задумался над тем, как долго Пиклз прожил в одиночестве и сумеет ли он сохранить эту свою улыбку через пять лет.

– Адриан. Адриан Блэкуотер. – Он подал Пиклзу руку.

Мальчишка кивнул.

– Хорошее имя. Очень хорошее. Лучше, чем Пиклз. А впрочем, любое получше будет.

– Тебя мать так назвала?

– Ох, ну конечно! По слухам, она и зачала, и родила меня на одном и том же ящике с пиккулями. Как не поверить в подобную историю? Даже если это вранье, так вполне могло быть.

Оставив позади мрачный лабиринт, они вышли на широкую улицу, пролежавшую в более высокой части города. Внизу Адриан увидел пирс и мачты корабля, на котором он прибыл из Калиса. На берегу все еще толпился народ – кто-то искал ночлег, а кто-то свои вещи. Адриан вспомнил упавшую в воду сумку. Сколько еще людей окажутся в незнакомом городе без своего единственного добра?

Где-то рядом залаяла собака. Адриан повернул голову, и в конце небольшой узкой улочки ему почудилось едва уловимое движение. Впрочем, он не был в этом уверен. Во всем кривом переулке горел один-единственный фонарь. Большая же его часть тонула во мраке, местами неравномерно разгоняемом сизым сиянием луны. Тут квадрат, там треугольник – видно при таком освещении было плохо, и определить расстояние удавалось с трудом. Может, еще одна крыса? Да нет, не похоже... Вроде бы что-то побольше. Адриан ждал, вглядываясь в темноту. Никакого движения.

Он обернулся и увидел, что Пиклз уже пересек большую часть площади, дальняя сторона которой, к радости Адриана, вплотную примыкала к очередному порту. Этот порт располагался в устье реки Бернум, в ночное время походившей на широкую полосу тьмы. Адриан бросил последний взгляд на узкие улочки. Там по-прежнему не было никакого движения. *Призраки*. Вот в чем дело – его преследовало собственное прошлое.

От Адриана разило смертью. Смерд этот не ощущали окружающие, но, прилипчивый, как запах пота после долгой ночной пьянки, и не смываемый водой, он повсюду преследовал Адриана. Однако не выпивка была причиной отвратительной вони, а кровь. Нет, Адриан не пил ее, хотя знал и таких, кто этим не брезговал. Просто весь он, с головы до ног, был пропитан кровью. Но теперь этому настал конец. Во всяком случае, он убеждал себя в этом со страстью недавно протрезвевшего человека. Того, другого, Адриана, совсем юного, он оставил на другом краю света и теперь что было сил бежал от него.

Вспомнив, что так и не забрал свою сумку у Пиклза, Адриан бросился ему вдогонку, однако не успел он подбежать к мальчишке, как тот влип в очередную неприятную историю.

– Это его сумка! – кричал Пиклз, указывая на Адриана. – Я помогал ему добраться до баржи, пока она не отплыла.

Парня окружили шестеро солдат, облаченных в кольчуги и с квадратными щитами в руках. Грудь и плечи того, который, судя по всему, был главным, защищала пластинчатая броня, оканчивающаяся латной юбкой из шипованной кожи. Шлем был украшен роскошным плюмажем. К этому человеку обращался Пиклз, тогда как двое других удерживали мальчишку на месте. Все они повернулись, когда подошел Адриан.

– Твоя сумка? – спросил стражник.

– Да, и парень говорит правду. – Адриан указал в сторону реки. – Он сопровождает меня к той барже.

– Торопишься покинуть наш прекрасный город, не так ли? – В голосе стражника слышалось подозрение, и он внимательно рассматривал Адриана.

– Не хочу оскорбить Вернес, но это действительно так. У меня дела на севере.

Стражник шагнул ближе.

– Как тебя зовут?

– Адриан Блэкуотер.

– Откуда ты?

– Изначально из Хинтиндара.

– Изначально? – скептически переспросил стражник, и его брови поползли вверх.

Адриан кивнул.

– Я несколько лет прожил в Калисе, – пояснил он. – Только что вернулся из Дагастана вон на том корабле.

Стражник бросил взгляд в сторону порта, затем посмотрел на одежду Адриана: сауб до колен, свободные хлопковые штаны и куфия на голове. Подавшись вперед, он потянул носом воздух и скривился.

– Действительно только с корабля, и наряд у тебя калианский. – Он вздохнул и повернулся к Пиклзу. – Но этот мальчишка ни на каком корабле не был. Утверждает, что едет с тобой на север. Это так?

Адриан покосился на Пиклза и увидел в глазах паренька надежду.

– Да. Я нанял его в качестве... э... слуги.

– И чья это была идея? Его или твоя?

– Его. Но он мне очень помог. Без него я бы не нашел эту баржу.

– Ты только что с одного корабля, – проговорил стражник, – и уже торопишься сесть на другой. Мне это кажется странным.

– Ну, вообще-то я никуда не тороплюсь, но Пиклз говорит, что баржа скоро отходит, а следующая будет только через несколько дней. Это правда?

– Да, – ответил стражник. – Очень удобно, не так ли?

– Могу я спросить, в чем наша вина? Или существует какой-то закон, запрещающий нанимать провожатого и платить ему за то, чтобы он с тобой путешествовал?

– Нет, но в городе творятся ужасные вещи – прямо скажем, отвратительные. Так что мы, естественно, интересуемся каждым, кому не терпится уехать, а в особенности теми, кто ошивался в городе последние несколько дней, – стражник уставился на Пиклза.

– Я ни в чем не виноват, – пробурчал мальчишка.

– Ты уже это говорил. Но даже если это правда, возможно, тебе что-нибудь известно. Сдается мне, ты стараешься сделать все возможное, чтобы поскорее исчезнуть, и лучший способ это осуществить – прибиться к кому-нибудь, кто находится вне подозрений, правильно?

– Я ничего не знаю об убийствах!

Стражник повернулся к Адриану.

– Ты свободен. Можешь идти своей дорогой, но тебе лучше поторопиться. Пассажиров уже созывают.

– А как же Пиклз?

Стражник покачал головой.

– Я не могу отпустить его с тобой. Вряд ли мальчишка виновен в убийствах, но он может знать, кто их совершил. Уличные сироты видят много такого, о чем не хотят говорить, если полагают, что им удастся избежать расспросов.

– Я уже сказал, что *ничего* не знаю. Я даже не был на том холме!

– Тогда тебе не о чем беспокоиться.

– Но... – Казалось, Пиклз вот-вот заплачет. – Он собирался увезти меня отсюда. Мы хотели ехать на север. Мы собирались ехать в университет.

– Эй! Эй! Заканчивается посадка! Баржа в Колнору! Заканчивается посадка! – проорал кто-то на причале.

– Послушай... – Адриан развязал кошелек. – Ты оказал мне услугу и заслуживаешь вознаграждения. Возьми эти деньги. Когда тебя закончат допрашивать, отправляйся в Шеридан, если еще не оставишь мысль работать у меня. Сядешь на следующую баржу или повозку на север, не важно. Я пробуду там около месяца или, по крайней мере, пару недель. – Адриан

вложил монету в руку юноши. – Когда приедешь, спроси профессора Аркадиуса. Я еду к нему, и он тебе расскажет, где меня искать. Хорошо?

Пиклз кивнул с несчастным выражением на лице. Затем он посмотрел на монету, выпучил глаза, и на губах его заиграла широченная улыбка.

– Да, сэр! Приеду, как только смогу. Конечно же, вы можете на меня положиться. А теперь бегите, пока баржа не отошла без вас.

Адриан кивнул, подобрал сумку и помчался к причалу, где у трапа, ведущего на продолговатую плоскую лодку, ждал портовый служащий.

Глава вторая

Гвен

Со второго этажа донеслись крики, и Гвен поняла, что уже ничем не сможет помочь. Она опоздала. Потолок задрожал, и в кружки пьянчуг у барной стойки посыпался мелкий мусор. Глухой стук наверху походил на удары дубиной по голове.

«Нет, не дубиной, – догадалась Гвен. – Он бьет Эйвон головой об пол».

– Эйвон! – закричала она, взбегая по лестнице.

На повороте с лестничной клетки в коридор она со всего маху врезалась плечом в стену. Висевшее там маленькое зеркало упало на пол и разлетелось на тысячи осколков. Гвен помчалась по коридору, туда, откуда слышались нечеловеческие вопли, напоминавшие о скотобойне – полные безысходности крики обреченных на смерть.

«Стейн убьет ее», – в ужасе подумала Гвен.

Она рванула дверь на себя, однако та оказалась заперта изнутри на задвижку. Тогда Гвен попыталась вышибить дверь, но крепкое дерево не шелохнулось под натиском ее легкого миниатюрного тела. Между тем звук глухих ударов в комнате, казалось, стал мягче, не такой резкий и теперь напоминал влажное чавканье. Крики стихли и сменились слабыми стонами.

Гвен ворвалась в комнату напротив, где Мэй развлекала рыжеволосого клиента из Восточной марки, но жуткие вопли Эйвон вынудили их прекратить то, чем они занимались. Мэй испуганно вскрикнула, а Гвен с ходу пнула шатавшийся столбик в изножье кровати. Плотник сколотил каркас из цельных кусков клена, но неплотно подогнал фрагменты друг к другу. Еще два удара, и ножка отвалилась. Матрас, а вместе с ним и Мэй с рыжеволосым клиентом из Восточной марки скатились на пол.

Разбежавшись, Гвен, словно рыцарь на турнире, врезала ножкой в дверь комнаты Эйвон. Таран вылетел у нее из рук, однако оставил на дверном полотне внушительную вмятину. На косяке появилась трещина. Гвен судорожно подхватила с пола ножку кровати, и в этот момент в коридоре появился Рэйнор Гру.

– Черт подери, тупая сука! Что ты вытворяешь?!

Из последних сил Гвен снова ударила по двери, стараясь попасть в то же самое место. Ей это удалось. Косяк сломался, и дверь с треском распахнулась. Гвен влетела в дверной проем и рухнула на пол, поскользнувшись в луже крови.

– Борода великого Марибора! – выругался замерший на пороге Гру.

Стейн, сидевший без штанов верхом на Эйвон, прижимал ее к полу, стискивая пальцами шею девушки.

– Она все никак не замолкала, – пробормотал он.

Невидящие глаза Эйвон были открыты, волосы залиты кровью.

– Убирайся отсюда! – рявкнул Гру, хватая Гвен и выволакивая ее в коридор. – Иди вниз! Ты мне должна за новую дверь и сломанную кровать, черт возьми!

– Она мертва? – спросил Стейн. Тело его блестело от пота, на груди виднелись брызги крови.

Носком сапога Гру тронул голову Эйвон.

– Ага, ты ее пришиб.

– Ублюдок! – Гвен бросилась на Стейна.

– Заткнись! – рявкнул Гру, схватил ее и отшвырнул в сторону. Споткнувшись, Гвен снова упала на пол.

* * *

– Прости, Гру, – промямлил Стейн.

Тот скривился и покачал головой, рассматривая брызги крови на деревянном полу. По его позе и брезгливой гримасе на лице Гвен стало ясно, что в мертвой Эйвон он видит не красивую девушку, безвременно покинувшую этот мир, а всего лишь досадный беспорядок, устранение которого потребует дополнительных хлопот.

Гру вздохнул.

– Не нужны мне твои извинения, Стейн. Придется тебе за это заплатить. Эйвон пользовалась популярностью.

– Сколько?

Гру задумался. Он покусал зубочистку, которую редко вынимал изо рта, и почмокал губами, как делал всегда в минуты размышлений.

– Восемьдесят пять серебряных тенентов.

– Серебряных? Восемьдесят пять? Да она стоила всего шесть медяков!

– Ты ее пришиб, безмозглый сукин сын! Я потерял все, что она могла бы заработать в будущем. Да я с тебя золотом должен брать!

– Нет у меня таких денег.

– Придется раздобыть.

Стейн кивнул:

– Ладно, раздобуду.

– Прямо сегодня!

Стейн помедлил, но все же согласился:

– Хорошо, сегодня.

– Гвен, возьми ведро и приберись тут, – приказал Гру. – Ты тоже, Мэй. Рыжий, с тебя на сегодня хватит. Убирайся отсюда! И скажи по пути Уилларду, чтобы поднялся наверх. Поможет мне стащить тело.

– Ты позволишь ему уйти безнаказанным? – поднимаясь с пола, прошипела сквозь стиснутые зубы Гвен.

До сих пор она не проронила ни слезинки и сама удивлялась, как ей это удастся. Может быть, от злости? Пока она колотила в дверь, у нее вскипела кровь, и Гвен никак не могла успокоиться.

– Он оплатит ущерб, так же как и ты.

– В таком случае я еще не закончила наносить ущерб!

Гвен схватила ножку кровати и бросилась на Стейна. Она бы раскроила ему голову, но Гру схватил ее за руку, круто развернул и наотмашь ударил ладонью по щеке. Девушка снова упала. Ножка кровати отлетела в раскуроченный дверной косяк и, не нанеся никаких повреждений, откатилась в коридор.

– Иди вниз, черт бы тебя побрал! Мэй, тащи ведро! И где Уиллард? *Уиллард!*

Гвен в оцепенении сидела на полу. Ударь он ее кулаком, она бы некоторое время не могла подняться, может даже, сплевывала бы выбитые зубы. Но Гру знал, как обращаться со своими девушками, и, по возможности, не оставлял следов побоев. Щека горела, а боль, от которой свело зубы, растекалась по всему лицу. Гвен встала и помчалась вниз. Посетители пивной смотрели на нее кто с недоумением, кто с ужасом. Девушка вылетела через главную дверь трактира «Гадкая голова» на улицу и напрямик направилась в приемную шерифа.

Порывистый ледяной ветер пробирал до костей, ночь была холодная, но Гвен, ничего не замечая, неслась по покрытым потрескавшейся грязью улицам Медфорда. Вокруг было пусто – все приличные люди давно легли спать.

Даже не удосужившись постучать, она просто толкнула дверь и ворвалась в комнату шерифа.

Итан спал в кресле, положив голову на скрещенные на столе руки. Гвен ударила ногой по ножке стола, и шериф подскочил, будто испуганная куропатка.

– Что за?!.

Прекрасно!

Она хотела, чтобы он рассердился. Она хотела, чтобы он рассвирепел.

– Стейн только что убил Эйвон в «Гадкой голове»! – прокричала Гвен. Итан вздрогнул. – Этот мерзавец бил ее головой об пол, пока не раскроил ей череп. Я предупреждала Гру, что рано или поздно это случится! Я говорила ему больше не пускать Стейна, но он меня не слушал. А теперь идите туда!

– Хорошо, хорошо... – Итан снял со спинки стула португую и на ходу принялся ее застегивать.

– Три дня назад этот негодяй поставил Джоллин синяк под глазом, – рассказывала Гвен, пока они шли по Кривой улице. Итан едва плелся, и его медлительность раздражала девушку, хотя время уже не имело значения – Эйвон не вернешь, а Стейн вряд ли поумнеет. И все же она хотела, чтобы свершилось правосудие – и поскорее. Стейн не должен был namного пережить Эйвон, он этого не заслуживал. Гвен считала, что каждый его вздох может привести к новому преступлению. – А за месяц до этого сломал руку Эбби. Только такой идиот, как Гру, мог заставить Эйвон пойти с ним. Она хорошо знала, что собой представляет этот тип, и жутко его боялась, но Стейну как раз это и нравится. Страх его возбуждает, а чем больше он возбуждается, тем больше причиняет вреда. А Эйвон – упокой Марибор ее душу, – не помнила себя от ужаса. Гру должен был знать, чем это закончится!

Дверь трактира все еще была распахнута настежь. С крыльца на исполосованную рытвинами дорогу падал длинный косой луч света. Может, она и эту дверь сломала? Было бы неплохо. Пьянчуг и след простыл; скорее всего, их выставили за порог. Гру и Уиллард несли вниз тело, завернутое в одеяло, и за ними по ступеням тянулся кровавый след.

– Что ты здесь делаешь, Итан? – От натуги на шее Гру вздулись жилы. Он уже не кричал, просто злился, а значит, пришел в себя.

– В смысле? За мной прибежала твоя девчонка...

– Я ее не посылал.

– Я спал, как мертвец, а она меня разбудила, вот я и пришел. Что здесь случилось?

– Ничего, – сказал Гру.

– Что-то не похоже... Кто это в одеяле? Эйвон?

– А тебе-то что?

– Я обязан следить за порядком. И чтобы никто не нарушал закона. Стейн наверху?

– Ага.

– Ну так зови его сюда.

Гру нахмурился, помедлил, затем опустил свою ношу на пол.

– Уиллард, сходи за ним, – велел он своему помощнику.

Гвен задыхалась от ненависти к Стейну и Гру, и все же не могла не чувствовать за собой вины. Кому, как не ей, было знать, что должно произойти? Ей следовало что-нибудь предпринять, увести отсюда Эйвон – вот только она и сама не могла уйти. Но обязана была сделать хоть что-то, хотя бы попытаться. Она не сделала ничего. А теперь Эйвон мертва.

Гвен смотрела, как возле края одеяла собирается маленькая лужица, и удивлялась, что до сих пор не утратила способности держаться на ногах. Ее раздирало чувство вины. «Разве возможно стоять прямо, когда тебя выворачивает наизнанку?» – отстраненно думала она.

Стейн спустился по лестнице, на ходу застегивая штаны. На его выцветшей от солнца рубахе виднелись размазанные пальцами следы крови. Кровь была и на лице, под носом.

– Ты убил эту девушку? – спросил Итан.

Стейн не ответил, только молча кивнул и шумно засопел.

– Серьезное преступление. Ты ведь это понимаешь?

– Да, сэр.

Гвен перехватила злобный взгляд Гру. Позже она за все заплатит, но увидеть, как Стейна постигнет та же участь, что и Эйвон, стоит побоев. Хотя, конечно, это не одно и то же. Итан не станет снова и снова бить его головой об пол. Убийцу просто повесят. Однако это будет публичное действо. Перед смертью ему придется вытерпеть унижения. Хотя бы что-то.

Итан откинул с лица волосы и помассировал шею сзади. Прикусив нижнюю губу, он пристально смотрел на завернутый в одеяло труп. Наконец шериф вздохнул и обратился к Стейну:

– Придется тебе выплатить компенсацию за нанесенный ущерб.

– Что-что? – нервно спросил Стейн.

– Ты должен возместить Гру убытки. Заплатить ему за утраченное имущество.

– Мы это уже обговорили, – сказал Гру. – Он заплатит мне восемьдесят пять.

– Серебром... верно? – уточнил Итан, кивая. – Думаю, это справедливо. Еще какой-нибудь ущерб имеется?

– Сломанная дверь, зеркало и кровать, но в этом виновата она. – Гру указал на Гвен. – И мне за это заплатит.

– Она все это поломала, пытаясь вытащить вон ту? – Итан махнул рукой в сторону завернутого в одеяло тела.

– Наверное.

– Сдается мне, она бы этого не сделала, если б он не взялся колотить Эйвон, так что пускай это тоже Стейн оплачивает. Ясно?

– Да, сэр.

Шериф кивнул:

– Тогда все.

Итан шагнул назад, и Гвен увидела, что он поворачивается, намереваясь уйти.

– Как это все? – воскликнула она. – Так нельзя! Он должен заплатить.

– Заплатит. Восемьдесят пять и...

– Девушка мертва! Он убил ее и заслуживает смерти!

– Шлюха, – поправил Гру.

Гвен бросила на него гневный взгляд.

– *Шлюха* мертва, а это не то же самое. Никто не станет казнить рабочего только за то, что его слегка занесло.

– Она *мертва*!

– И пострадавшая сторона в этом деле – я. Если я говорю, что наказание справедливо, значит, так оно и есть. Тебя это вообще не касается. Так что заткнись!

– Вы не можете этого допустить! – крикнула Гвен Итану.

– У нее есть родственники? – спросил тот.

Девушка грустно покачала головой.

– Будь у кого-нибудь из нас родственники, – сказала она, – неужели вы думаете, мы бы здесь работали?

– Ну, значит, ответственность за нее несет хозяин. Он удовлетворен, стало быть, вопрос закрыт. – Шериф снова повернулся к Гру. – Вывези тело из города до полудня, понял? Иначе главный констебль надерет мне задницу, а тогда и тебе не поздоровится. Все ясно?

Гру кивнул, и Итан ушел.

Двое мужчин снова подняли мертвое тело и понесли к входной двери. Проходя мимо Гвен, Гру сказал:

– Угадай-ка, кого ожидает взбучка, когда я вернусь?

Гру и Уиллард вышли, а Гвен осталась на месте, глядя на Мэй и Джоллин. Между ними стоял Стейн. Он гнусно улыбнулся и подмигнул ей.

– Уж я с тобой повеселюсь, – сказал он и, шагнув к ней, прибавил шепотом: – Как только скоплю еще восемьдесят пять.

– Он больше никогда тебя сюда не пустит!

– Кто? Гру? – Стейн рассмеялся. – Эйвон не первая. Была еще девка в Роу. Если я буду при деньгах, мне тебя преподнесут на блюдечке с голубой каемочкой. – Он покосился на Мэй, а затем на Джоллин. – Не переживайте, про вас я тоже не забуду!

Стейн снова ухмыльнулся, и Гвен почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Он приблизился к двери, но не вышел из трактира, а только выглянул на улицу и осмотрелся, а затем закрыл дверь и похотливо улыбнулся, уставившись на Гвен.

– Беги! – закричала Джоллин.

Бросившись к черному ходу, Гвен услышала сорвавшееся с губ Стейна проклятие. Он тяжело рухнул на пол, вероятно, поскользнувшись в луже крови Эйвон. Судя по грохоту, он опрокинул то ли стул, то ли стол, но Гвен к тому времени уже бежала сквозь тьму, придерживая юбку. Она промчалась по переулку мимо кожанной лавки и выскочила на мостки – узкие деревянные доски, переброшенные через канаву со сточными водами, которая пролежала за домами. Не помня себя от страха, Гвен неслась, не разбирая дороги и не видя ничего перед собой. Нога соскользнула с шатких, покрытых слизью досок, и девушка упала в грязь. Руки по локоть погрузились в вонючую жижу, но хотя бы лицо удалось уберечь.

Гвен содрогнулась от ужаса, что негодяй догонит ее, сожмет горло окровавленными руками и утопит в мерзком месиве, от которого несло мочой и отходами. Она резко обернулась, но никто за ней не гнался. Поблизости вообще никого не было. Гвен осталась одна.

Девушка вытащила руки из грязи и принялась вытирать их о платье. У нее мало что получалось, и Гвен наконец заплакала от отчаяния. Сидя на краю вонючей канавы, она всхлипывала так сильно, что у нее разболелся живот. Каждый вдох душил ее запахом нечистот.

– Я не знаю, что делать! – выкрикнула Гвен. – Скажите, что мне делать! – Схватив пригоршню навоза и грязи, девушка что было сил швырнула ее в никуда, запрокинула голову и закричала, обращаясь к небесам: – Вы слышите меня? Я недостаточно сильна. Я такая же, как моя мать, я не выдержу! – Дрожа, она судорожно захватила ртом воздух. – А если и выдержу, то он все равно меня убьет! Меня, Джоллин, Мэй и всех остальных. Я не могу... Я не могу больше ждать. Слышите? Не могу! Прошло пять лет! Я больше не могу *его* ждать.

Она тяжело дышала и ждала ответа, но не услышала ничего, кроме воя ветра.

Глава третья

Баржа на реке Бернум

Две сильные ломовые лошади тянули баржу вверх по реке Бернум. На палубе, сжавшись от холода, стоял Адриан. Подняв голову, он вглядывался в утренний туман в надежде увидеть что-нибудь родное, привычное. Фермерские уголья, зажатые меж холмов за линией берега, смутные очертания маленьких городков – все выглядело незнакомым. Чужая земля, населенная странными людьми со странными обычаями и непривычным языком. В родном краю он чувствовал себя чужаком и не был уверен, когда и что надо говорить и как себя вести. Ему казалось, что и окружающие видят в нем чужестранца, хотя от дома, где он родился и прожил первые пятнадцать лет своей жизни, его отделяли всего лишь полдня пешего пути.

Из каюты вышел тучный мужчина, ударил себя в грудь и глубоко вдохнул.

– Утречко бодрит, а? – сказал он, глядя на небо.

Может быть, он обращался к богу Марибору, но Адриан все же счел нужным ответить:

– Прохладно. Я отвык от холода.

Он выбрал это место на палубе, потому что здесь можно было укрыться от ветра. Адриан надел всю имевшуюся у него одежду: две пары мешковатых штанов, дорожный и выходной саубы, кушак, плащ и головной убор, но все равно замерз. В Колноре первым делом надо купить что-нибудь из шерсти, подумал он, что-нибудь тяжелое, что весит, как доспехи. Без лишних фунтов на теле он чувствовал себя обнаженным.

– Вы только что из Дагастана, не так ли? Там, наверное, тепло.

Адриан поплотнее закутался в сауб.

– Когда я уезжал, достаточно было тонкой льняной одежды.

– Завидую. – Мужчина тоже плотнее запахнул плащ. Осмотревшись вокруг, он разочарованно нахмурился, будто ожидал, что за ночь здесь все чудесным образом преобразится. Затем пожал плечами и присел напротив Адриана, вроде бы тоже укрываясь от ветра. – Я Себастьян из Ибера, – представился он и протянул Адриану руку.

– Адриан, – ответил тот, пожимая мужчине руку. – Вы путешествуете вдвоем?

Адриан заметил их прошлой ночью. Себастьян и двое его спутников были одеты в одинаковые роскошные плащи. Когда Адриан наконец добежал до баржи, выяснилось, что ему незачем было так торопиться: отплытие задержали из-за многочисленных сундуков этой троицы. Троица же только покрикивала на портовых рабочих и сыпала на их головы проклятия, будто в сундуках были какие сокровища, могущие разбиться от неловкого обращения.

Мужчина кивнул:

– С Сэмюэлем и Юджином. Мы занимаемся одним делом.

– Купцы?

Себастьян улыбнулся.

– Вроде того. – Он перевел взгляд на мечи, висевшие по бокам у Адриана. – А вы кто будете? Солдат?

Адриан тоже улыбнулся.

– Вроде того.

– Хороший ответ, – усмехнувшись, сказал Себастьян. – Но если серьезно, вам нет нужды носить при себе оружие. Кроме вас, тут никто не вооружен, так что не знаю, зачем вы... Ах, ну да... Понятно!

Адриан рассматривал Себастьяна. По опыту он знал, что люди делятся на два типа: те, кому можно доверять, и *другие*. За последние пять лет Адриан привык полагаться на мужчин, облаченных в металл, украшенных шрамами и свистевших сквозь дыры от выбитых зубов. Себастьян был одет в плотный плащ – роскошный и дорогой – и на каждой руке носил по

золотому кольцу. С этим типом людей Адриан тоже успел свести знакомство. Что бы сейчас ни сказал Себастьян в продолжение своей мысли, Адриан был уверен, что ему это не понравится.

– *Что* вам понятно?

– Вы слышали про убийства? – понизив голос до шепота, спросил Себастьян. – Когда мы отплывали, весь город был наводнен стражниками, и они всем задавали вопросы.

– Вы говорите об убийствах в Вернесе?

– Да, именно. Три убийства за три ночи.

– И вы подозреваете меня? – поинтересовался Адриан.

Себастьян усмехнулся.

– Разумеется, нет! Вы же только что сошли с «Восточной звезды», которая прибыла из Калиса. Вас выдает одежда. Логичнее было бы подозревать меня. По крайней мере, у меня имелась такая возможность. Вас-то даже в городе не было.

– То есть мне следует подозревать вас?

– Вовсе нет! Мои товарищи могут поручиться за меня, а рулевой скажет вам, что мы оплатили проезд авансом несколько недель назад. Кроме того, разве я похож на ассассина?

Адриан никогда не встречал ассассина, но ему казалось, что Себастьян не очень подходит на эту роль. Круглый и мягкий, с пухлыми пальцами и заразной улыбкой, он, скорее, больше походил на того, кто заказывает убийства посредством письма без подписи.

– Я скажу вам, кто похож. – Себастьян выразительно взглянул на нос баржи, где стоял человек в плаще с поднятым капюшоном. Он стоял к ним спиной и вместо того, чтобы выйти погреться на солнце, предпочитал скрываться в тени, отбрасываемой ящиками. – Вот *он* похож на ассассина.

– Почему вы так думаете? Плащ с капюшоном?

– Нет, дело в его глазах. Вы видели его глаза? Холодные, уверяю вас. Мертвые. Глаза человека, который привык не только видеть смерть, но и раздавать ее.

– И все это вы можете понять по глазам человека? – с усмешкой спросил Адриан.

– Разумеется! У человека, привыкшего убивать, взгляд волка – бездушный и жадный до крови, – Себастьян наклонился вперед, но не сводил глаз с человека на носу. – Когда узнаешь правду о некоторых вещах, теряешь невинность. Таким же образом, когда убиваешь, теряешь душу. Каждое убийство забирает по кусочку человечности, пока наконец убийца не превращается в зверя. Дух терзает голод, жажда вернуть утраченное, но, как и в случае с невинностью, назад пути нет – душу нельзя возродить. Из нее навсегда уходят радость, любовь и покой, и на их месте воцаряется жажда крови и смерти.

Себастьян говорил серьезным тоном человека, знающего толк в таких вещах. Его уверенная и легкая манера держать себя свидетельствовала о житейской мудрости, накопленной вместе с опытом. Но если рассуждения Себастьяна хоть отчасти справедливы, то, заглянув в глаза Адриану, пухлый купец из Вернеса никак не должен был по доброй воле сидеть рядом с ним.

– Я скажу вам кое-что еще, – продолжал Себастьян. – Он поднялся на борт в последний момент, и при нем не было ни сумки, ни чемодана.

– И откуда вам это известно?

– Я был на палубе, когда он оплачивал проезд. Почему он явился так поздно и без багажа? Люди ведь не отправляются в долгое путешествие, как на дневную прогулку на лодочке, не так ли? Кому придет в голову просто так запрыгнуть на баржу, идущую далеко на север? Может, он оторвался от погони и решил, что на барже удобнее всего бежать.

– Я тоже поздно прибыл, – возразил Адриан.

– Но у вас хотя бы есть сумка.

– Вот ты где, Себастьян! – Из каюты вышли двое его товарищей.

Один из них, Сэмюэль, выглядел старше Себастьяна. Высокий и страшно худой, он напоминал длинную раскатанную полоску теста. Плащ болтался на его тощем теле, а рукава были

настолько длинными, что почти полностью закрывали кисти рук, оставляя на виду только самые кончики пальцев. Второго звали Юджин. Он был намного моложе, по возрасту ближе к Адриану, и его фигура, судя по всему, до сих пор не определилась, хочет ли она походить на Сэмюэля или же сделаться круглой и пухлой, как у Себастьяна. Он тоже был одет в изысканный плащ цвета красного вина, перехваченный на плече красивой золотой пряжкой.

Оба выглядели измученными, словно всю ночь тяжело трудились, а не только что встали с постели. Сэмюэль заметил человека в капюшоне на носу баржи и толкнул локтем Юджина.

– Он что, вообще никогда не спит?

– Всею виной нечистая совесть, – ответил Юджин.

– У такого человека вообще нет совести, – решительно заявил Себастьян, если можно о чем-либо решительно заявить шепотом.

В синем небе над баржей с гоготом пролетел неровный клин гусей. Все подняли головы и проследили за их полетом, а затем плотнее запахнули плащи, словно гуси предупреждали о скором приближении зимы. Юджин и Сэмюэль разместились рядом с Себастьяном, и все трое прижались друг к другу в поисках тепла.

Себастьян кивнул на собеседника.

– Это Адриан... э... Адриан... – он щелкнул пальцами в поисках помощи.

– Блэкуотер. – Адриан пожал протянутые ему руки.

– И откуда же вы родом, Адриан? – спросил Юджин.

– В общем-то из ниоткуда.

– Человек без дома? – Сэмюэль говорил гнусавым голосом, в котором сквозила подозрительность. Адриан подумал, что такой человек, наверное, станет пересчитывать даже те деньги, которые ему вручил священник.

– О чем ты? – удивился Юджин. – Он же из Калиса. Прибыл на корабле. Мы же вчера ночью это обсуждали.

– Не говори глупостей, Юджин, – поморщился Себастьян. – Разве у калианцев бывают светлые волосы и голубые глаза? Калианцы – темнокожие верзилы, а какие хитрые! Никогда им не доверяйте.

– И чем же вы занимались в Калисе? – Тон Юджина сделался подозрительным и злобным, как будто это Адриан обвинил его в глупости.

– Работал.

– Полагаю, старался сколотить состояние, – сказал Себастьян, указывая на Адриана. – Кошелек у него весьма внушительный. Тебе бы, Юджин, не мешало стать хоть в половину таким успешным, как он.

– Да у него там небось одни калианские медяки. – В голосе Юджина по-прежнему слышалось некое ожесточение. – А иначе он бы носил дорогой шерстяной плащ вроде наших.

– Он носит меч из хорошей стали, даже два. Так что тебе следует поаккуратнее выбирать выражения, – заметил Себастьян.

– Три, – поправил его Сэмюэль. – Еще один меч остался в каюте. Самый большой.

– Вот так-то, Юджин. Человек тратит все деньги на сталь, но тебя это, похоже, не заботит. Что ж, продолжай оскорблять его. Уверен, мы с Сэмюэлем и без тебя отлично управимся.

Юджин сложил руки на груди и стал рассматривать проплывающие мимо холмы.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Сэмюэль, поглядывая на кошелек Адриана.

– Я был солдатом.

– Солдатом? Никогда не слышал о богатых солдатах. В чем войске?

Адриан чуть было не ответил: «Во всех», – но сдержался. Хотя сначала ему это показалось забавным, мгновение спустя разговор о реальном положении дел начал угнетать его, и ему совершенно не хотелось объяснять свое прошлое, от которого он бежал на другой край океана.

– Я много переезжал с места на место, – туманно ответил он.

Простой шаг в сторону, легкий маневр. В сражении подобная тактика ничего не решала, но при довольно частом применении она могла дать неплохой результат: утомить или разозлить противника и заставить его сдаться. Сэмюэль был упрям и, похоже, сдаваться не собирался, однако в этот момент дверь из каютного отделения снова открылась и на палубу вышла женщина.

Ее звали Вивиан, и прошлой ночью Адриан не мог не заметить, как бережно, с каким вниманием относились к ней купцы. Вот и сейчас, стоило ей только подняться на палубу, как все трое мгновенно вскочили на ноги. В отличие от остальных, Вивиан не куталась в шерстяные плащи или накидки. На ней было простое серое платье, которое могла бы носить супруга преуспевающего ремесленника. Впрочем, ее наряд не имел значения. Адриан подумал, что она и в мешковине выглядела бы потрясающе. На его взгляд, Вивиан была красавицей, а ему было с чем сравнивать, ведь он только что вернулся из Калиса, коренные жительницы которого – особенно из племени тенкинов – считались, наверное, самыми красивыми женщинами в мире. Вивиан ничем на них не походила. Именно это, как ему казалось, и поразило его воображение. Хрупкая, белокурая и светлокожая, стоя в окружении мужчин, она напоминала фарфоровую статуэтку. Это была первая западная женщина, с которой Адриану довелось общаться за последние два года.

Сэмюэль помог Вивиан устроиться между собой и Себастьяном, из-за чего Юджину пришлось пересечь к Адриану.

– Вы хорошо спали? – спросил Юджин, наклоняясь к ней куда ближе, чем позволяли приличия.

– Отнюдь. Меня мучили кошмары, ужасные кошмары! Всею виной события прошлой ночи.

– Кошмары? – нахмурился Себастьян. – Милая дама, вам больше не о чем беспокоиться. Вернес и все эти омерзительные преступления остались далеко позади. Кроме того, всем известно, что этот негодяй убивал только мужчин.

– Признаться, меня это мало успокаивает, сэр, к тому же *тот* человек, – она указала на одинокий силуэт на носу корабля, – очень меня пугает.

– Здесь вам нечего бояться, дорогая леди. Только безумец отважился бы совершить какое-либо злодеяние на столь маленькой лодке, – сказал Сэмюэль. – Для преступлений тут слишком мало места, недостает уединенности, и некуда отступить после завершения дела.

– «После завершения дела» – как остроумно, Сэмюэль, – проворчала Вивиан, но купец, похоже, не оценил собственного каламбура.

– И посмотрите на этого человека. – Себастьян указал на Адриана. – С нами на борту молодой солдат. Он только что вернулся из дебрей Дагастана. Вы ведь защитите даму от любого покушения, не так ли?

– Конечно, – искренне ответил Адриан, хотя и тешил себя надеждой, что до этого не дойдет.

Он уже начинал жалеть, что выставил напоказ свои мечи. В Калисе они были столь же обычным зрелищем, как его льняной сауб и куфия. По правде говоря, человек, не имеющий при себе хотя бы одного меча, выглядел бы по меньшей мере странно. Адриан забыл, что в Аврине это редкость, но теперь ему было бы неловко оставлять оружие в каюте. Кроме того, за пять лет он так привык к весу мечей на своем теле, что они стали такой же его частью, как собственные пальцы, а их отсутствие досаждало ему, словно выпавший зуб. Хотя он и полагал, что умозаключения Себастьяна, которыми тот поделился ранее, основаны скорее на услышанных от кого-то историях, нежели на личном опыте, Адриан знал, что в одном купец прав: за убийство всегда приходится расплачиваться.

– Ну вот видите, – сказал Себастьян женщине и хлопнул в ладоши, как будто только что проделал волшебный фокус. – Вы в безопасности!

Вивиан слабо улыбнулась, но ее взгляд снова устремился в сторону носа баржи и человека в капюшоне.

– Может быть, кому-то из нас стоило бы поговорить с ним? – предложил Юджин. – Если мы узнаем его историю, то, возможно, поймем, что бояться нечего.

– Наш юный подмастерье говорит дело! – воскликнул Себастьян. Прозвучавшее в его голосе удивление заставило молодого человека сердито нахмуриться. – Неприятно находиться рядом с тигром, когда не знаешь, голоден ли он. Пойди поговори с ним, Юджин.

– Нет уж, благодарю! Хватит и того, что я выдвинул эту идею.

– Ну, я-то точно не могу, – заявил Себастьян. – Слишком уж я разговорчив. От этого у меня нередко возникают неприятности. Мы ведь не хотим дополнительно провоцировать этого человека. Может, ты сходишь, Сэмюэль?

– С ума сошел? Нельзя посылать ягненка расспрашивать тигра. Пускай идет солдат. Ему нечего бояться. Даже убийца дважды подумает, прежде чем бросить вызов человеку с двумя мечами.

Все посмотрели на Адриана.

– И что вы хотите узнать? – спросил тот.

– Ну, скажем, его имя, – предложил Себастьян. – Откуда он. Чем занимается...

– Не убийца ли он! – выпалила Вивиан.

– Не убежден, что следует начинать с подобного вопроса, – покачал головой Сэмюэль.

– Но разве не это мы все желаем знать?

– Да, но кто же в таком признается? Не лучше ли просто побольше разузнать о нем, чтобы из сложившейся картины сделать определенные выводы и докопаться до правды.

– Но прямой вопрос станет ему предупреждением о том, что мы его раскусили, что мы наheckу. Может, это напугает его и заставит отказаться от своих коварных планов.

– Давайте я лучше буду действовать по обстоятельствам, – вздохнул Адриан, вставая.

Лошади, медленно ступая по бечевнику, плавно тянули баржу вверх по реке. Качки не было, но Адриан все же внимательно смотрел под ноги, пока поднимался по лесенке на переднюю палубу и обходил покрытые брезентом и крепко связанные рыболовными сетями ящики. Отсюда он видел всю ширину реки Бернум. В лицо ударил холодный ветер, пахло запахом сосен. «Одежда из шерсти, – снова пообещал себе Адриан. – Плотная рубаша и тяжелый плащ».

– Прошу прощения, – сказал он, подходя к человеку на носу баржи. Тот слегка повернул голову, но капюшон по-прежнему скрывал его лицо, не видно было даже носа. После разговора с Себастьяном Адриану стало любопытно взглянуть загадочному незнакомцу в глаза. – Меня зовут Адриан Блэкуотер.

– Поздравляю, – последовал ответ, такой же ледяной, как принесший его ветер.

– Э... а как ваше имя?

Человек отвернулся.

– Оставь меня в покое.

– Я просто хотел выказать вам свое расположение. Нам предстоит несколько дней провести вместе на этой барже. Почему бы и не познакомиться...

Ни звука в ответ. Будто разговариваешь со стеной.

Стены обычно надежно защищают всякую крепость. Чтобы проникнуть внутрь, нужно осадить крепость, сделать подкоп либо подослать лазутчика, который откроет ворота. Однако всегда остается еще одна возможность – самоубийственная лобовая атака. Может, Вивиан дело говорила...

– Я просто подумал, что вам неплохо было бы знать: на борту может находиться убийца.

Голова снова повернулась в его сторону, на сей раз чуть больше, и Адриан сумел разглядеть один глаз. Ничего необычного он не заметил: глаз не светился, вертикального зрачка тоже не наблюдалось, но Себастьян, возможно, был прав. В пронзительном взгляде, который

Адриану нередко доводилось видеть раньше, он распознал угрозу, за которой обычно следовал звон клинков.

– И не один, я в этом уверен, – сказал человек в капюшоне. – А теперь уйди.

Ворота оказались накрепко заперты. Адриан отступил и вернулся к своим попутчикам.

Первой заговорила Вивиан:

– Ну что?

Адриан передернул плечами.

– Не слишком разговорчивый человек. Слова из него не вытянешь.

– А глаза его вы видели? У него глаза волка, правда? – спросил Себастьян.

– Ну, тип он, конечно, неприятный, это точно. А что до глаз... Я бы не считал это убедительным доказательством.

– Он убийца! – торжественно изрек Себастьян. – Я так и знал!

– По крайней мере, теперь мы в этом убедились, – согласился Сэмюэль, пытаясь закатать рукава так, чтобы они не сползали. – И мы можем кое-что предпринять, чтобы обезопасить себя.

– Ни в чем мы не убедились, – возразил Адриан. – То, что он избегает общества и не желает разговаривать, еще не делает его убийцей.

– А я, пожалуй, соглашусь с Сэмюэлем, – проговорила Вивиан. – Мы должны действовать. Что мы можем предпринять?

Она прижалась к Себастьяну, словно от него исходило тепло, как от костра на привале. Скрестив руки на груди, она сунула ладони под мышки, чтобы согреть их.

– Ну, в любом случае не стоит оставаться с ним наедине, – посоветовал Адриан. – На дверях кают крепкие замки. Запирайтесь, когда вы у себя.

– Почему бы нам просто не запереть весь спальный отсек? – спросил Юджин.

– Сдается мне, ему не очень понравится, если он лишится возможности пройти к своей койке, особенно учитывая, что он заплатил за нее, как и все мы, – возразил Адриан.

– Но мы-то не убийцы! – воскликнул Юджин.

– Про него можно сказать то же самое.

– Мы могли бы связать его, – предложил Себастьян.

– Вы что, шутите? – Адриан не поверил своим ушам.

– Прекрасная идея! – согласился Сэмюэль. – Вместе мы сумеем его одолеть. Ростом он невысок. Мы могли бы повалить его, связать по рукам и ногам и запереть в трюме до конца рейса. А в Колноре сдадим его городской страже. Они отвезут его вниз по реке обратно в Вернес и передадут тамошним властям. Может, нас даже вознаградят за поимку убийцы.

– Вы не можете так поступить, – нахмурился Адриан. – Мы не знаем, он ли совершил все те преступления.

– Но вы же видели его глаза! Неужели вы всерьез полагаете, что этот человек невиновен? Да пусть даже не он убил тех людей в Вернесе, наверняка за ним числится какое-то... какое-то страшное злодеяние.

Адриан раньше уже поступал, как велели люди вроде Себастьяна, и всегда потом себя за это ненавидел. Когда никто не говорит правду, человеку свойственно верить в то, во что он захочет.

– А как бы вы себя чувствовали, если бы с вами так поступили? – спросил Адриан Себастьяна.

– Не говорите глупостей! Я не такой, как он. Я приличный человек.

– Неужели? Откуда мне это знать?

– Потому что я вам это говорю.

– А если бы он сказал то же самое?

– А он сказал?

– Я не спрашивал.

Обращаясь скорее ко всем остальным, нежели к Адриану, Себастьян изрек с самодовольным видом:

– И не нужно было. Достаточно на него посмотреть, и все становится ясно. У него руки в крови. Это страшный человек, говорю вам.

Адриан переводил взгляд с одного лица на другое и на каждом видел необъяснимую убежденность в собственной правоте. Поведение этих людей лишено было всякой логики, и Адриан терялся в догадках, что бы это значило, пока ему в голову не пришла мысль о том, что ими движет исключительно страх. Только страх стирал грань между здравомыслием и безумием, а иногда даже выдавал одно за другое. Но когда стадо обращается в паническое бегство, на пути у него встает только глупец.

Теперь уже сожалея, что Пиклз не смог его сопровождать, Адриан поднялся.

– Куда вы? – спросила Вивиан.

– Я не могу с вами согласиться. Так что прошу вас ни во что меня не втягивать. – Сделав пару шагов, он повернулся. – И вот еще что: если вы попытаетесь связать его, бросить за борт или что-то в этом духе, будьте уверены, я помогу ему, а не вам.

Наступила тишина. Слышался только скрип деревянной баржи. Лица попутчиков изумленно вытянулись. Адриан отошел на корму, надеясь скрыться от их взоров за возвышением кают. До него донеслись слова Себастьяна:

– Он молод и наивен.

Да, Адриан был молод. Этого он не мог отрицать, но каждый год, проведенный в Калисе, сошел бы за несколько лет обычной жизни. Он многое познал и слишком рьяно брал у жизни уроки, страстно желая навсегда избавиться от отцовской кузницы с его щипцами и молотом.

Он взобрался на корму и прислонился к борту, глядя на восток. В низинах в большинстве мест трава все еще оставалась зеленой, но на склонах холмов листья уже меняли цвет. Где-то вдалеке, упрятанная в холмах, скрывалась крошечная поместная деревушка, которую Адриан не видел пять лет и в которой вряд ли что изменилось. В таких местах, как Хинтиндар, где люди из поколения в поколение жили и умирали в изоляции от остального мира, перемены происходили крайне медленно. Некоторые жители были прикреплены к земле и не могли покинуть ее, другие – как его отец – не желали этого. Вдоль дороги между каменным мостом и поместьем его светлости – дороги, которая возникала из ниоткуда и уходила в никуда – располагалось всего несколько хижин. Адриан сбежал из деревни, когда ему едва исполнилось пятнадцать, и сейчас был совсем близко от дома, ближе, чем когда-либо за прошедшие пять лет... Впрочем, еще ближе он подходить и не собирался.

Представив себе деревню, он вдруг подумал, что кое-какие перемены там все же произошли. Должно было появиться надгробие на холме между двумя южными полями. Скорее всего, просто врытый в землю столбик, а может, и плита с гравировкой. На ней выжжено имя, но нет дат. Деревенские жители не знали календаря.

– Хороший будет денек, а? – сказал рулевой. Одну руку он держал на руле, а ноги закинул на борт.

Адриан кивнул и обнаружил, что уже не дрожит от холода. Сквозь редящий туман пробивался дневной свет. Солнечные лучи проникали сквозь кроны деревьев, разбрасывая блики по воде за кормой. Бернум была глубокой, широкой рекой, особенно вблизи моря. Она выглядела спокойной, лениво виляя меж приземистых холмов, похожих на растопыренные пальцы. Но внешнее спокойствие было иллюзией, за которой скрывалось свирепое подводное течение, ежегодно уносившее немало мужчин, женщин и скота. Весной низины затапливало, поэтому по берегам не было ферм. Баржа то и дело проплывала мимо голого фундамента дома или разрушенного сарая: река Бернум не терпела стеснения, по крайней мере надолго. Отец Адриана говорил о реке так, словно это было живое существо, злая женщина, заманивающая мужчин

охладиться в ее водах. Она позволяла им доплыть до середины, а затем утаскивала на дно. А еще он говорил, что если на реке когда-нибудь задумают возводить плотины – а это, утверждал он, невозможно, – то найдут в ней тысячи скелетов. Река никогда не возвращала своих мертвецов.

Адриан не верил в эти сказки. Даже будучи ребенком, он никогда не принимал на веру то, чего нельзя было увидеть своими глазами. Отец же рассказал ему немало подобных историй.

– А вы молчун, не так ли? – дружелюбно заметил рулевой. Он казался очень земным, словно свежевспаханные угодья. Обветренное лицо с глубокими морщинами свидетельствовало о жизни, проведенной на воде, а руки походили на куски плавучего дерева. – Прошлой ночью я вас почти не видел. Почти как того, другого – на носу. Кстати, меня зовут Фарлан.

– Мое имя Адриан.

– Знаю. Я всегда стараюсь заранее что-то узнать о своих пассажирах. По крайней мере, их имена. Вообще-то не хочется выглядеть слишком назойливым, как некоторые лодочники. Это у нас, знаете ли, издержки ремесла. Когда катаешься вверх-вниз по реке и видишь одни и те же берега, приятно пообщаться с людьми, ну хотя бы во время рейса. Рад с вами познакомиться, сэр. Надеюсь, вам у нас понравится. Я, конечно, не капитан корабля, но стараюсь, чтобы пассажиры были довольны обслуживанием.

Адриан махнул рукой в сторону носа баржи:

– А его как зовут?

– Ох, *его*... Он не представился, а я и не настаивал. Такого человека лучше оставить в покое и надеяться, что он окажет тебе взаимную любезность. Лучше не раздражать, понимаете?

– И что же он за человек?

– И так ясно, правда, сэр?

– Думаете, он убийца?

– Ну, я не знаю... но его присутствие вызывает у меня тревогу.

– Если у вас возникли подозрения, почему вы не донесли на него городской страже?

– Надо было, конечно... Да я бы так и сделал, если бы не дергался из-за задержки. Погрузка всех этих ящиков заняла столько времени, что мы не смогли отплыть по расписанию, а я не люблю заставлять коноводов и их помощников ждать. Патрульные приходили, обыскивали баржу, но этого человека тогда не было в числе пассажиров. Он поднялся на борт в последнюю минуту, когда мы уже отчаливали. Я торопился и просто не обратил на него внимания. А когда мы уже пошли по реке, понял, что свалил дурака. Надо было уговорить коновода подождать, придумать какой-нибудь предлог, например, что я забыл запастись маслом для ламп или что-то подобное. А теперь придется ждать до Колноры.

– И что потом?

– Расскажу шерифу об убийствах и поделюсь своими подозрениями насчет этого типа. Шериф Малет – хороший малый... смекалистый. Он проведет расследование и докопается до истины. На вашем месте я бы не рассчитывал по прибытии в Колнору сразу отправиться в дорогу. Наверняка шериф захочет допросить всех пассажиров.

– Ну, я не тороплюсь. Надеюсь только, что ему с этим парнем повезет больше, чем мне. – Адриан бросил еще один взгляд в сторону носа баржи и стоявшего там в одиночестве человека.

* * *

Пассажиры собрались на палубе, чтобы пообедать. Как и предрекал Фарлан, день выдался чудесный, жаркое полуденное солнце выжгло туман и холод. Баржа сделала остановку у почтовой станции. Фарлан пришвартовал ее, обвязав канат вокруг тумбы, коновод распряг лошадей. Мальчик вывел новую пару лошадей и начал их впрягать.

Фарлан подал обед. Горячей еды не было, однако холодная курица, вчерашний хлеб и свежие яблоки показались Адриану куда вкуснее солонины и галет, к которым он успел привыкнуть за время плавания на «Восточной звезде». Условия на барже были не самые лучшие, но это был довольно быстрый способ передвижения, поскольку она шла днем и ночью. Пассажиры воспринимали почти как груз. За каждую милю брали медяк, что могло показаться чрезмерно высокой платой человеку, привыкшему ходить пешком, но для того, кто обычно ездил в карете, это было очень дешево. Пиклз сделал правильный выбор: по сравнению с подпрыгивающим и трясущимся экипажем ехать на барже было даже приятно.

– Так чем же вы занимаетесь, Себастьян? – спросил Адриан, подсаживаясь к знакомой компании с деревянной тарелкой в руках. По правде говоря, ему это было совсем неинтересно, но он не хотел возвращаться к обсуждению планов своих попутчиков относительно человека в капюшоне.

– Вы хорошо знаете Вернес, Адриан?

– Я? Нет. Да я, в общем-то, с корабля сразу попал на баржу. А что? Вы тамошняя знаменитость?

– В некотором роде. Я владелец самой богатой ювелирной лавки во всем Вернесе.

– Лавка Себастьяна – старейшая в городе, – подтвердила Вивиан, сидевшая там же, где и раньше, но теперь у нее на коленях покачивалась тарелка. Еды она взяла очень мало. Такую порцию мать могла бы дать маленькому ребенку.

* * *

– Вы все ювелиры? – спросил Адриан.

– Сэмюэль – мой двоюродный брат, а Юджин – сын моей сестры. Я обучил их ювелирному делу и одолжил Сэмюэлю денег на открытие собственной лавки. – Себастьян коварно улыбнулся. – Если покупателей не устраивают мои цены или хотя бы покрой моего платья, они в гневе покидают лавку, заявляя, что я упустил выгодную продажу. Из вредности идут дальше по улице и платят больше за тот же товар в лавке Сэмюэля. Думают, что таким образом отомстили мне, но я совладелец обеих лавок, так что они, так или иначе, платят мне.

– А Юджин? – спросил Адриан.

– Вот как раз из-за него мы и едем в Колнору, – кивнул Сэмюэль и пояснил: – Открывать ему лавку.

– Пора мальчику расправить крылья, – прибавил Себастьян.

– Никакой я не мальчик, – недовольно буркнул Юджин.

– Пока не вернешь долг, будешь тем, кем я тебя назову.

Юджин скривился, хотел было ответить, но, передумав, просто отправил в рот кусок курицы.

– А вы, милая леди? – Адриан повернулся к Вивиан, которая деликатно надкусывала отрезанный кусочек яблока. – Что вас сюда привело?

Улыбка сползла с лица женщины, и она уставилась в тарелку с едой.

– Я сказал что-то не то? – смутился Адриан.

Вивиан молча покачала головой. Себастьян положил руку ей на плечо и мягко похлопал.

– Прошу извинить меня. – Она встала и отошла на нос баржи. Сейчас там было пусто – человек в капюшоне разминал ноги, прогуливаясь по бечевнику.

– Я не хотел сказать ничего дурного, – заверил Адриан остальных, чувствуя себя ужасно.

– Это не ваша вина, – поддержал его Себастьян. – Подозреваю, с дамой случилось что-то страшное.

– Что вы имеете в виду?

– Сами посудите: женщины редко отправляются в путь без сопровождения. К тому же вы видели, она почти ничего не ест. Ее явно что-то гнетет.

– Может, она всегда столько ест, а в Колнору едет, чтобы с кем-то встретиться.

– Возможно, но мне кажется, ее терзает страх. Кстати сказать, нас всех изрядно напугали слухи об этих убийствах в Вернесе.

Вивиян, оставив тарелку, сидела на одном из ящиков, созерцая реку. Она подняла руку и отерла слезы.

Адриан вздохнул. С женщинами он всегда чувствовал себя несколько неловко и нередко говорил невпопад. Он хотел бы подойти к ней и успокоить, но был уверен, что сделает только хуже. Адриан не думал, что может почувствовать себя еще более одиноким, чем обычно. Впрочем, в последнее время он часто заблуждался.

После обеда они снова двинулись в путь. Фарлан ушел вниз, чтобы немного поспать, и на смену ему пришел второй рулевой. Его имени Адриан не расслышал. Он был моложе и, несмотря на бороду и насупленные брови, выглядел ребенком по сравнению с Фарланом. Не проронив ни слова, новый рулевой занял свой пост. Ему явно недоставало искренности и доброжелательности старшего товарища.

Как только они отплыли, Вивиян скрылась у себя в каюте. Возможно, она боялась, что человек в капюшоне снова займет место на носу. Однако передняя палуба баржи по-прежнему пустовала.

Адриан провел день, наблюдая за проплывающим мимо пейзажем и затачивая короткий меч. Уход за оружием вошел у него в привычку так же, как у некоторых входило в привычку грызть ногти. Это помогало ему подумать, расслабиться, разобраться с трудностями. Сейчас ему нужно было и то, и другое, и третье.

Вивиян вернулась вскоре после заката. На сей раз она не села, как обычно, рядом с купцами. Увидев, что на носу по-прежнему пусто, она устроилась там в свете покачивающегося фонаря. На небе высыпали звезды. Теперь, когда солнце зашло, вернулся осенний холодок. Заметив, что женщина дрожит, Адриан поднялся на переднюю палубу.

– Возьмите, – сказал он, снимая плащ и закутывая ее плечи. – Он легкий, но хоть немного согреет.

– Благодарю вас.

– Надо было раньше вам его предложить. Я вел себя как дурак. Хотел бы попросить у вас прощения.

Вивиян подняла на него удивленный взгляд.

– За то, что раньше не дали мне плащ?

– За то, что расстроил вас своими вопросами...

Казалось, она не совсем поняла, о чем он говорит, но потом догадалась.

– Неужели это беспокоило вас все это время? – Она мягко коснулась его руки. – Присаживайтесь.

– Вы уверены? Я вел себя не очень-то вежливо.

– Не знай я, что вы солдат, то приняла бы вас за джентльмена – за замаскированного рыцаря.

Адриан усмехнулся.

– Все хотят сделать из меня рыцаря.

– Прошу прощения?

– Да нет, ничего. Я не рыцарь. И не привык к изысканному обществу.

– Значит, меня вы относите именно к такому обществу?

– По сравнению с людьми, к которым я привык? Да.

Вивиян на мгновение опустила глаза.

– Мне далеко до изысканности и утонченности, – тихо сказала она. – Я родилась в бедной семье. Мое положение изменилось только благодаря замужеству, но теперь...

Она замолчала, глядя на палубу.

– Что случилось? – спросил Адриан.

– Я здесь... одна... потому что мой муж мертв. Его убили два дня назад, он один из тех жертв в Вернесе. Я боялась за свою жизнь и... и... бежала. А теперь думаю, что совершила ужасную ошибку.

– Зачем кому-то понадобилось убивать вашего мужа? А тем более зачем убивать вас?

– Дэниэл был весьма состоятельным человеком, а у богатых людей много врагов. Наш дом перевернули вверх дном. Даже гобелены со стен сорвали. Я ужасно испугалась и бежала в том, что на мне было, даже плаща не взяла. За место на барже я расплатилась обручальным кольцом, но, боюсь, мои беды последовали за мной. Мне кажется, убийца не нашел того, чего искал, и последовал за мной сюда, чтобы забрать это.

– И что же ему нужно?

– Не знаю. Да разве это имеет значение? Все равно у меня этого нет, но он мне не поверит – он и спрашивать не станет. Просто убьет меня, как убил моего мужа, а затем обыщет каюту.

Вивиан слегка повернула голову, и Адриан заметил, что она смотрит куда-то через его плечо. Обернувшись, он увидел, что человек в капюшоне вернулся на палубу и стоит у поручней на корме. Адриан гордился тем, что никогда не судит людей по внешнему виду, но сейчас не мог отрицать: от этого человека прямо-таки исходила волна враждебности. У Адриана уже стали вызывать беспокойство его молчание и темный капюшон, который тот ни разу не снял с тех пор, как они отплыли. Это был мрачный и нелюдимый тип.

Если бы Адриан был суеверным, то счел бы его злым духом, призраком или каким-нибудь темным колдуном. Он был уверен, что именно суеверие рождает всякие жуткие небылицы. Когда пассажиры сойдут на берег в Колноре, они расскажут о таинственном безликом незнакомце, и в каждом новом изложении история начнет обрастать немыслимыми подробностями. Пройдет совсем немного времени, и народ станет собираться вокруг очагов, чтобы послушать рассказы о том, как сама Смерть путешествует по реке Бернум в черном плаще с капюшоном.

– Даже не представляю, что мне делать, когда мы прибудем в Колнору, – сказала Вивиан.

– У вас там есть родня? Или какие-нибудь знакомые, кто мог бы вам помочь?

Она покачала головой, и Адриан заметил, что у нее дрожат губы.

– В общем-то это не ваши проблемы, – печально вымолвила она. – Как-нибудь выживу...

– Послушайте, по прибытии в Колнору Фарлан намерен доложить обо всем шерифу. Начнется расследование. Если человек в капюшоне виновен, его будут судить и вынесут ему соответствующий приговор. Тогда вы сможете вернуться домой в Вернес. Вряд ли воры забрали все, что у вас было. Ваш дом все еще на месте, вы могли бы сдавать комнаты внаем или что-нибудь подобное.

Вивиан снова посмотрела на человека в капюшоне и прошептала:

– А если я вообще не доберусь до Колноры? Вдруг он убьет меня прямо здесь, на барже?

– Я этого не допущу.

– Как бы мне хотелось в это поверить! Но вы не сможете его остановить. Он проберется ко мне в каюту, и утром я уже буду мертва, и никому не будет до этого дела.

– Знаете, просто закройте дверь и загородите ее всем, что найдете в каюте. Он не сможет проникнуть к вам, не наделав шума. Я услышу и тотчас же приду на помощь.

Она вытерла глаза.

– Так я и сделаю, спасибо. Остается только надеяться, что этого будет достаточно.

Глава четвертая

«Гадкая голова»

После побоев даже пустые ведра на коромысле казались Гвен неподъемными и причиняли боль спине и плечам. Гру не простил ей вмешательства Итана. Однако следов он не оставил; порченный товар всегда продавался со скидкой.

Дойдя до общественного колодца на Кривой улице, Гвен сняла ведра, присела на край колодца и огляделась по сторонам. Время было еще раннее, солнце едва проглядывало между покатою крышей трактира и покосившейся крышей дома напротив. Эйвон рассказывала, что там когда-то находился постоянный двор, но это было давным-давно. Гвен почти могла себе это представить. Теперь дом пустовал, там никто не жил, кроме крыс и охотившихся на них псов. Состояние постоянного двора отражало состояние всего Нижнего квартала, в особенности Кривой улицы – тупик во всех смыслах слова.

Сколько Гвен себя помнила, мать бесконечно рассказывала ей о Медфорде, который однажды станет для них домом. Гвен представляла себе красивое место, полное каменных зданий и роскошных карет. Она мечтала, что они поселятся в одном из красивых домов с фонтаном, откуда можно будет брать воду, и поющими торговцами, как в Калисе. Даже сейчас, сидя на каменном краю колодца, Гвен не переставала удивляться тому, сколь разительно отличались ее детские мечты от действительности.

«Представляла ли мама на самом деле, куда мы направляемся?» – в который уже раз задавалась она вопросом.

Вся жизнь ее матери была подчинена одной-единственной цели – добраться до Медфорда. Годами она говорила об этом городе. Оглядываясь назад, Гвен видела теперь то, о чем в детстве не задумывалась. Они с матерью путешествовали вдвоем. Женщина с ребенком никогда бы не отправилась в далекое плавание одна, не будь у нее на то веской причины, даже если бы в конце пути ей был обещан рай. Кроме того, тенкинки никогда не путешествовали без сопровождения.

Станным было и имя, которое Иллия выбрала для своей единственной дочери: Гвендолин. Мать родилась в племени ованда и, согласно обычаю, должна была назвать ребенка в честь какого-нибудь предка, но у них в роду точно не могло быть никого по имени Гвендолин. Красивое имя, но не тенкинское. Так могли назвать светлокую, белокурую девочку с голубыми глазами. До прибытия в Вернес Гвен никогда не видела женщин со светлыми волосами, и даже там они были редкостью. Лишь много лет спустя, когда Гвен наконец поселилась на севере, она повстречала других девушек с похожими именами. Однако имени оказалось недостаточно, чтобы ее сочли своей в чужих землях. Все светлокотые путешественники и лавочники смотрели на нее с презрением.

Жители Калиса тоже относились к белым гостям с некоторым подозрением. Большинство калианцев полагали, что чужеземцы приносят болезни, однако это никогда не мешало им налаживать с приезжими деловые отношения. На севере все было иначе. Даже в Вернесе, где, казалось бы, должны были привыкнуть к многоликой толпе иммигрантов, люди избегали общества Гвен и ее матери.

Они умерли бы с голоду, если бы не дар ее матери. В Вернесе было множество приезжих калианцев. Они поселились на холмах за городом, где разбили большой лагерь с красочными шатрами, совсем как в Дагастане или Ардоре, и его обитатели по достоинству оценили талант провидицы. Иллия предсказывала будущее по ладоням своих соотечественников, а те, в свою очередь, были рады иметь рядом с собой столь умелую гадалку.

У тенкинок этот талант всегда передавался от матери к дочери, и Иллия обучила Гвен всему, что знала.

– Свое будущее ты прочесть не можешь, – говорила ей Иллия, – как не можешь увидеть собственное лицо, но точно так же, как ты иногда видишь свое отражение в темном стекле или спокойном водоеме, ты сумеешь отыскать свой путь среди линий жизни других людей.

Мать учила Гвен своему ремеслу, показывая ей ладони клиентов.

– Что ты видишь? – спрашивала она, подставляя обветренную руку мужчины.

– Корабль, большой корабль с парусами, – отвечала Гвен.

– Какого цвета?

– Синего.

– Это, скорее всего, прошлое.

Гвен посмотрела на мужчину, которого мать держала за руку, и тот подтвердил ее слова:

– Я только вчера прибыл на корабле.

– Недавние события прочесть легче всего, – пояснила Иллия. – Они самые яркие.

Вскоре Гвен и сама занялась гаданием. Поначалу она видела только недавнее прошлое, и, чтобы не сердить клиентов, мать заканчивала гадать за нее. Так проходили все их уроки, и Гвен удивлялась, почему мама никогда не показывает ей собственные руки и не предлагает учиться по ним. Сначала Гвен думала, что слишком близкое родство не позволяет видеть будущее друг друга, но по мере того как росло ее мастерство, Иллия все чаще стала носить перчатки.

Спустя какое-то время они покинули лагерь калианцев и примкнули к каравану, который направлялся на север, но в дороге Иллия заболела, и им пришлось отстать от попутчиков. Гвен привезла мать в какой-то городок, где несколько дней пыталась найти врача, готового их принять, но все ее старания оказались тщетными. Предвидя скорую кончину матери, Гвен наконец решилась задать ей все мучившие ее вопросы. «Почему мы покинули Калис? Почему ты дала мне северное имя? – настойчиво спрашивала она. – И самое главное: почему для тебя так важно, чтобы мы добрались до этого таинственного места под названием Медфорд?»

Мать упорно отказывалась отвечать и говорила лишь, что так ей повелел бог. Когда Гвен спросила, какого бога она имеет в виду, мать ответила:

– Того, что ходит в обличье человека.

На оплату тесной комнатухи Гвен потратила почти все имевшиеся у них деньги. На протяжении многих дней ей так и не удалось добиться помощи врача, оставалось только прикладывать к голове матери влажную тряпку, а Иллия тем временем лежала, неподвижная и безмолвная, с закрытыми глазами. Но как-то утром она пошевелилась.

– Обещай мне... – прошептала она, – обещай, что поедешь в Медфорд, как мы всегда того хотели. Поклянись, что не остановишься на полпути, доберешься до этого города и поселишься там. Ты должна осуществить то, что не получилось у меня. Ты должна быть там ради *него*.

Гвен ничего не поняла из предсмертного бормотания матери, и она больше ничего не узнала о *нем*, но обещание дала. В ту минуту она готова была поклясться в чем угодно, даже если бы мать попросила ее выйти замуж за гоблина или поселиться на облаке.

Спустя два дня Иллия скончалась в крошечной комнатке в незнакомом городе, далеко и от Калиса, и от Медфорда. Гвен было всего четырнадцать лет.

Она предоставила матери роскошь умереть в постели, а не в канаве, и это окончательно разорило ее. Денег не осталось даже на еду, не то что на похороны. Мысль о том, что придется отдать тело матери городским стражникам, которые всегда относились к ним с невиданной жестокостью, повергала ее в ужас. Оставшись одна в маленькой комнатке, Гвен сделала единственное, что могла сделать: села и заплакала. Сквозь рыдания она едва расслышала стук в дверь.

На пороге стоял высокий худощавый человек с переброшенным через плечо кожаным мешком.

– Прошу прощения, я пришел к Илли, – вежливо начал он.

– Моя мать умерла.

Гвен вытерла слезы. Тогда ей не пришло в голову спросить, откуда он узнал, где их искать. Мужчина кивнул, не выказав ни малейшего удивления, как будто уже знал об этом.

– Мне очень жаль, – сказал он, глядя на кровать, где лежала закутанная в свою любимую шаль мертвая Иллия, и прибавил: – Твоя мать гадала мне по руке, но тогда у меня не было денег, чтобы заплатить ей. Я пришел отдать долг. – Он положил на ладонь Гвен шесть монет. Увидев их цвет, она раскрыла рот от удивления.

– Этого слишком много, – покачала она головой. – За гадание мама брала три медяка. Это... это...

Гвен никак не могла произнести вслух то, что вертелось у нее на языке. Сжимая монеты, она чувствовала себя так, будто держит в руках лето или солнечный свет. Помнится, она тогда подумала: «Такую силу нельзя держать такими грязными руками».

– Она предсказала кое-что очень хорошее, – пояснил мужчина.

Странная это была встреча. Незнакомец явно не был калианцем, а, насколько Гвен знала, Иллия никогда не гадала жителям севера.

Гвен увидела на лице мужчины улыбку. У него было хорошее, доброе лицо.

Все последующие годы она сотни раз переживала этот момент, спрашивая себя, что тогда произошло. Отчасти дело было в его манящих глазах, которые привлекли ее. Отчасти – в ее отчаянии. Гвен осталась одна как перст и не помнила себя от охватившего ее страха. Ее мучили вопросы – не только о том, кто он такой, но и кто она сама. Что ей делать теперь, когда она лишилась главной и единственной опоры в жизни? Вопросов было столько, что когда она посмотрела на незнакомца, все они явственно читались на ее лице.

Иллия научила Гвен всем премудростям гадания по руке, но она никогда не говорила, что бывает, если тенкинская провидица пристально посмотрит человеку в глаза. Мать объясняла так: линии на ладони – это жизненный путь человека, написанный его душой. Прочитать его почти так же просто, как книгу. Но сейчас Гвен обнаружила, что глаза – это окна, заглянув в которые утрачиваешь способность держать себя в руках. Посмотреть в глаза – это как прыгнуть со скалы в реку, не зная, какая там вода, какая глубина... И, как она поняла в тот день... в глазах можно утонуть.

Она бы и утонула, если бы он не отвернулся. Смотреть ему в глаза было все равно что созерцать вечность. Гвен не сошла с ума только потому, что незнакомец быстро отвел глаза, но того немногого, что она увидела, было достаточно. Силы покинули ее, и она в слезах рухнула перед ним на колени.

Ее головы коснулась ласковая рука, и Гвен услышала слова:

– С тобой все будет хорошо. Возьми эти монеты. Одну из них потрать на погребение матери. Будь щедрой – она заслуживает самого лучшего. Второй монетой оплати дорогу до Медфорда и будь бережлива. Оставшиеся четыре монеты сохрани и спрячь. Ты не должна тратить их, как бы плохо тебе ни было. Береги их, пока не поймешь, что иного выхода у тебя нет.

– Почему? – Теперь она не могла с уверенностью сказать, действительно ли задала этот вопрос или прошедшие годы заполнили провалы в памяти. Гвен с трудом верилось в то, что она сохранила дар речи после того, как посмотрела ему в глаза – после того, что там увидела.

– В Медфорде к тебе придет человек, попавший в беду, – сказал незнакомец. – Он придет ночью, слабый, беспомощный, облаченный в собственную кровь, и помолит о помощи. Ты должна быть там. Ты должна его спасти.

Мужчина подошел к кровати, где лежала покойница, и несколько секунд постоял возле тела. Когда он повернулся, Гвен заметила на его щеках слезы.

– Позаботься о ней. Она была хорошим человеком.

Это произошло целую жизнь назад, далеко отсюда. Четыре спрятанные монеты стали для Гвен священной реликвией. Она хранила их под щербатой доской в маленькой комнате в конце

коридора, там, где была кровать с расшатанной ножкой. Пять лет Гвен берегла их, никому никогда о них не говорила и часто на них молилась.

– Чтоб ты провалился, дурацкий бесполезный кусок дерьма!

Гвен вздрогнула, услышав голос Диксона. Возчик ударил ногой по колесу телеги со сломанной осью, стоявшей возле склада Беннингтона, всем видом напоминая раненое животное. Сам Диксон выглядел не намного лучше. Он был силен, как бык, но лицо со впалыми щеками выглядело изможденным. Кривая улица для многих становилась концом пути. Диксон остановился, заметив, что девушка смотрит на него, и почтительно приподнял шляпу.

Этот жест вызвал у Гвен улыбку, и она кивнула в ответ.

Солнце поднялось высоко над косыми крышами, окрасив улицу в золотой цвет. По небу проплывали хмурые осенние облака, предвещавшие холодные дожди. Гвен с сочувствием посмотрела на Диксона. У нее хотя бы было пропитание и крыша над головой, а это уже немало. Ведь ее жизнь могла сложиться еще хуже... И как только она об этом подумала, жизнь ее и в самом деле стала хуже. По улице шел Стейн, держа в руке молоток, а под мышкой – кусок дерева.

* * *

– Притащил кусок дерева, – сообщила она Гру после того, как Стейн отнес свою ношу вверх по лестнице в «Гадкой голове». – Откуда он взял древесину?

– Не знаю и знать не хочу. Он должен починить дверной косяк. Давно пора. Небось паршиво сделает. Он ведь рыбак или портовый рабочий, что-то вроде того. Уж во всяком случае, не плотник.

Странно, подумала Гвен, неужели Гру не знает, что Стейн занимается рыболовными сетями на судне «Леди Банши»? Может, и знает, но прикидывается несведущим, чтобы подчеркнуть дистанцию между собой и Стейном. Таков был Гру – не из тех, кто поддерживает человека, когда меняется погода. Конечно, вполне возможно, он и правда не знал. В конце концов, Гру только наливал этому мерзавцу выпивку. Не ему же приходилось спать с ним и выслушивать потом его болтовню.

Гру вытирал опивки с обитой сосновыми досками барной стойки. И зачем он только понапрасну тратил время? Никому не было дела до чистоты прилавка. Те, кто являлся сюда по вечерам, с удовольствием расселись бы и возле сточной канавы на задах, лишь бы Гру продолжал им наливать. Не выпуская из рук грязной тряпки, Гру подошел к лестнице и крикнул:

– Постарайся сделать так, чтобы дверь легко открывалась и плотно закрывалась!

– Он что, получил жалованье? – спросила Гвен.

– Похоже на то. – Гру вернулся к барной стойке и потряс бочки, чтобы определить, насколько они полные. – Все, кто работает в порту, получают жалованье в новолуние, а вчера ночь была темная.

– Сколько? Сколько ему заплатили?

– А мне-то почем знать?

– Больше восьмидесяти пяти?

Гру помедлил, повернулся к ней и помахал полотенцем перед ее лицом.

– Это он уже оплатил.

– Я знаю. А теперь у него есть еще деньги...

– И что с того? Нам-то только лучше. У него есть деньги на починку двери и на выпивку.

– И на женщин?

– Ты о чем, безмозглая потаскушка?

– Ты не можешь отдать меня ему, Гру. Не можешь!

– Парень уплатил долг. – Гру подошел к грифельной доске и постучал по ней. Его мокрые пальцы оставили черные пятна на списке имен, напротив которых значилась сумма долга. На месте стертого имени Стейна зияла пустота. – Он больше ничего не должен.

– Если у него есть деньги, он меня убьет. Теперь он знает, что ему это сойдет с рук. Он даже цену знает – сколько ты берешь за это удовольствие.

– Неправда, – фыркнул Гру. – То, что произошло с Эйвон, просто несчастный случай. И не надо делать из Стейна чудовище, которое убивает девочек ради развлечения.

– Так оно и есть!

Гру нахмурился.

– Вовсе нет. Он платил за тебя несколько раз, и ничего, ты до сих пор жива. Да он со всеми здешними девочками развлекался не единожды. Стейн всегда был хорошим клиентом. Ты просто должна понять, что парням вроде него – тем, кто изо дня в день ковыряется в вонючей рыбе и выполняет приказы лодочников и портовых рабочих, – иногда нужна передышка. Им хочется почувствовать себя мужчинами, поэтому они время от времени любят похулиганить. Схватить девчонку за волосы, слегка встряхнуть – это дает им почувствовать, что они тоже чего-то стоят. Вот за чем он приходит. Вот за чем они все приходят – посмотреть, каково это – никому не подчиняться и делать, что вздумается.

Гвен молчала, скрестив руки на груди и слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– Это был несчастный случай, Гвен, – повторил Гру. – Кроме того, неужели ты всерьез полагаешь, что я стал бы терпеть, вздумай он – или кто угодно – убивать моих девочек? Моему заведению от этого один вред. Мало того что теперь придется искать Эйвон хорошую замену, но и народу не понравилась эта выходка. Я начну терять посетителей, да еще пол от крови отмывай! Уж поверь, будь у меня причина подозревать, что смерть Эйвон – не обычный несчастный случай, я бы Стейна и на порог не пустил.

– Но он и раньше это *делал*. Он сказал мне, что была еще девушка в Роу.

Гру недовольно закатил глаза.

– С чего бы он стал тебе об этом рассказывать? Дальше ты обвинишь его в том, что он распространяет чуму и топит щеночков. Великий Мар, Гвен! Я знаю, ты все еще расстроена, но Стейн не убийца. И я с ним уже провел длительную беседу. Больше такое не повторится, поняла?

Гвен, разумеется, в это не верила, но не видела смысла продолжать бесполезный разговор.

– Я сказал ему, что если бы он взял напрокат лошадь и сломал ей ногу...

– Лошадь? Ты сравнил нас с лошадьми?

Гру усмехнулся:

– Ему так понятнее.

Гвен была уверена, что и самому Гру так понятнее.

– Стейн обещал хорошо себя вести, – успокаивающе сказал он.

– Он убьет меня, Рэйнор. – Назвав хозяина трактира по имени, Гвен надеялась достучаться до него, вдруг он воспримет ее слова как личную просьбу, обращенную к старому другу, а не к человеку, принудившему ее заниматься проституцией. – Он затаил злобу и убьет меня за то, что я пошла к шерифу.

– Ну так раньше надо было думать, ты так не считаешь?

Гвен промолчала. Что она могла на это ответить? Будь она мужчиной, избила бы Стейна до полусмерти, однако будь она мужчиной, в этом не было бы необходимости.

Заметив выражение ее лица, трактирщик немного смягчился.

– Послушай, я просто хочу сказать, что ты сама во всем виновата. К тому же, захоти Стейн тебя убить, он бы сюда не пришел, а расправился с тобой в другом месте. Но все это не имеет значения. Он просил оставить ему Джоллин.

– Он просил? И ты согласился? Ты и правда отдашь ему очередную девушку?

– Эль, азартные игры и женщины – вот чем я зарабатываю на жизнь. Вот и все.
– Не смей этого делать! Черт возьми, Гру, ты не можешь! Ты просто не можешь!
– Да угомонись ты! Я тебе уже сказал, он просил не тебя.
– Мне все равно. Он убьет Джоллин. Разве ты не понимаешь?
– Против Джоллин он ничего не имеет.
– Против Эйвон он тоже ничего не имел. Ему просто нравилось видеть страх на ее лице.
– Гвен, твоя болтовня мне порядком надоела! Хватит уже! – Гру грубо оттолкнул ее с дороги и вернулся к бочкам, тряхнув бочонок с темным элем сильнее, чем следовало.
– Мы не твоя собственность.
– Да неужели?
– Итан не позволит тебе держать нас здесь против нашей воли. Шерифы должны докладывать верховному констеблю, а тот – королю, а король Амрат думает о...

– Что, во имя Новрона, ты можешь знать о короле Амрате и о чем он думает? Или о шерифе, если уж на то пошло? Ты просто тупая шлюха, и я вообще не обязан тебя здесь держать. Я тебе это уже говорил. Можешь убираться отсюда! В любое время! – Он схватил Гвен за волосы и, подтащив к двери, вытолкнул на крыльцо. – Вот... иди. Ну давай, проваливай! – Он уставился на девушку. – Куда ты пойдешь? Что будешь делать? Зима на носу, по ночам уже холодно. Где ты будешь спать? Что будешь есть?

– Я могу делать то, что делала и здесь...

– Как в прошлый раз? Как Хильда? Ну давай, попробуй! Мешать не стану. Но второй раз обратно я тебя не приму. Иди-иди! Может, протянешь дольше, чем Хильда. Она продержалась пару недель. У тебя получится лучше. Ты умнее. Готов поклясться, продержишься целый месяц. Хотя... может, и нет. Она-то была местная.

Хильда и Эйвон работали в «Голове» до того, как туда пришла Гвен. Они никогда не говорили, как давно этим занимаются. Хильде не терпелось вырваться, поэтому она скопила немного денег и как-то ночью, после того как ее в очередной раз избили, сбежала от Гру. По слухам, она пыталась найти приличную работу, но ничего у нее не получилось. Она даже обратилась в другую пивную, но ей везде отказали, поскольку всем было известно, что это девочка Гру. И Хильде не оставалось ничего иного, кроме как торговать собой на улице, в переулке за кожевенной лавкой. Продержалась она всего две недели. Ее тело нашел Итан. Хильду ограбили и задушили. Убийцу искать никто не стал. Им мог оказаться кто угодно.

Гру посторонился, демонстративно освобождая Гвен дорогу.

– Хочешь жить? Значит, останешься здесь и будешь делать все, что я велю. – Он подержал свою жиденькую бороденку, состоявшую из разрозненных пучков волос, которые явно не желали расти вместе более чем на три дюйма. – Послушай, – сказал он уже мягче, – не хочу тебя пугать, но даже я знаю, что отдавать тебя Стейну – дерьмовая затея. Поэтому он возьмет Джоллин.

Гвен широко раскрыла глаза.

– Значит, он все-таки просил *меня*!

– Ага, но он тебя не получит. Уж сегодня-то точно. Не получит, пока я не буду уверен, что он оставил свои проделки в прошлом.

– Но он не оставит – у него это в крови, Гру! А даже если и не так, он сделает это от злости, чтобы хоть как-то отомстить мне. Он убьет Джоллин, потому что знает, какую боль причинит мне ее смерть. Если пока он не может покончить со мной за шерифа иным способом, его и это устроит.

Гру провел рукой по лицу и потряс перед девушкой кулаком.

– Гвен, я устал с тобой препираться. Ты здесь ничего не решаешь. Как только он починит дверь, я пошлю к нему Джоллин. Я уже все решил.

– Я тебя предупреждаю, Гру...

Он ударил ее с такой силой, что девушка пошатнулась, еле удержавшись на ногах.

– Сначала ты грозишься уйти, потом угрожаешь *мне*? Тебя погубит эта твоя калианская кровь! Не стоило мне вообще тебя привечать. С тобой хлопот не оберешься. Я знаю, мужчин привлекает твой экзотический вид, усматривают в тебе что-то новенькое, необычное. Но если б я знал, сколько от тебя будет неприятностей...

Гру схватил Гвен за плечи, сдавив их длинными грязными, похожими на звериные когти пальцами.

– Сейчас я скажу тебе, что делать, и ты все сделаешь. Поняла? – Он грубо встряхнул ее. – Я хочу, чтобы *ты* пошла, разбудила Джоллин и подготовила комнату. Приберись в маленькой, Стейна лучше не оставлять в комнате с кровавым пятном, а то неизвестно, что ему в голову взбредет.

Гру затащил девушку обратно в трактир и с силой толкнул к лестнице. По пути Гвен врезалась в стол и чуть не уронила стул.

– И больше я не желаю слышать от тебя ни единого слова! – Он поднял указательный палец. – Ни... единого... слова.

Стук, стук, стук – стучал молоток Стейна.

Гвен вошла в комнату к девушкам, где все они спали на двух матрасах на полу, словно щенята. Работа в «Голове» редко начиналась раньше заката, поэтому днем они обычно дремали. Не считая Гвен, самой старшей среди них была Джоллин, а самой младшей – Роза. Той было, наверное, лет четырнадцать, но Гвен так и не добила от нее прямого ответа на вопрос о возрасте и потому точно не знала. Самой миниатюрной была Мэй, напоминавшая маленькую хрупкую птичку, и Гвен всегда передергивало, когда она видела, как эта девушка поднимается вверх с верзилами, которым даже в трактирном зале приходилось нагибаться, чтобы не задеть головой потолок. Этта никогда не отличалась красотой, а теперь выглядела и вовсе ужасно из-за переломанного сплюсненного носа и двух выбитых передних зубов – следствия побоев, после которых она полтора дня пролежала без сознания. В основном она занималась уборкой и прислуживала в пивной. Кристи и Эбби могли бы сойти за родных сестер, настолько они были похожи, хотя Кристи приехала из Холодной лощины, а Эбби родилась на Кривой улице. Все они были уроженками Медфорда или окрестных ферм и деревень и за всю свою жизнь едва ли проехали больше пары миль – все, кроме Гвен, которая явилась с другого конца света.

Стук, стук, стук.

– Гру, я почти закончил, – крикнул Стейн.

Гвен пересекла океан, проехала через два государства и пять королевств. Она видела горы, джунгли и великие реки. Она побывала на улицах восточной столицы и крупнейшего города на западе, но за время всех ее скитаний не встретила ничего, что могло бы сравниться с увиденным ею в крошечной комнатухе, где скончалась ее мать, – с тем, что она увидела в глазах незнакомца, который вложил ей в ладонь шесть золотых монет.

«Береги их, пока не поймешь, что у тебя нет иного выхода», – вспомнились ей слова незнакомца.

– Вставайте! Просыпайтесь! – Она трясла всех девушек по очереди. – Собирайте вещи, и побыстрее!

Девушки медленно поднялись, потягиваясь, и теперь больше напоминали кошек, нежели щенят.

– Что случилось? – спросила Джоллин, потирая лицо, и, прищурившись, посмотрела на свет за окном.

– Нам нужно уходить.

– Уходить? – удивилась Джоллин. – Что это тебе в голову взбрело?

– Мы больше не можем здесь оставаться.

Джоллин закатила глаза.

- Опять ты за свое, Гвен! Ну, если ты еще раз хочешь попытаться, уходи!
- Я не могу уйти одна. Поодиночке никто из нас не выживет, но вместе может получиться.
- Где выжить? Как?
- У меня есть немного денег, – сказала Гвен.
- У нас у всех есть *немного* денег, – заметила Кристи. – Но этого не хватит.
- Нет, у меня есть *настоящие* деньги.
- Сколько? – спросила Эбби.

Гвен вздохнула.

- У меня есть четыре золотые монеты.
- Врешь! – вскричала Эбби.
- Четыре золотых? – пробормотала Мэй. – Быть не может! Ты никогда бы столько не заработала, даже если бы переспала со всеми мужчинами Медфорда.
- Я их не заработала, – пояснила Гвен. – Мне их дали. Я просто не знала, как их лучше потратить... а теперь знаю.

Джоллин усмехнулась:

- Я подозревала, что у тебя где-то припрятаны деньги, но не думала, что так много. Впрочем, этого все равно не хватит.
- Значит, придется еще заработать, – решительно кивнула Гвен.
- Что ты задумала? – спросила Эбби.

В том-то и беда: Гвен пока ничего не задумала. Она понятия не имела, что делать. Знала лишь, что не хочет окончить свои дни, как Эйвон, но одной ей не выжить. Может, вместе им больше повезет. Она подошла к окну, за которым виднелись грязные улицы Нижнего квартала.

- Я все продумала, доверьтесь мне.
- Нас никто не возьмет на работу, – сказала ей Джоллин. – В более-менее приличный дом, чьи хозяева могут себе позволить нанять служанку, никогда не возьмут человека без рекомендательного письма, даже мыть полы и выливать ночной горшок. А гильдии не принимают женщин в ученики.
- Она права, – согласилась Этта. – Меня-то уж точно никто не возьмет! Кому же захочется каждый день видеть мое лицо? Даже мне противно на него смотреть.
- Тебе все это прекрасно известно, Гвен. Однажды ты уже попробовала уйти, помнишь? Ничего у тебя не вышло! А про Хильду ты забыла?
- Хильда пыталась выжить в одиночку. Я тоже, – отозвалась Гвен. – Вот в чем была наша ошибка. Но если мы будем держаться вместе...
- То составим друг другу компанию, пока будем помирать с голоду? – съязвила Джоллин.
- Может, нам уйти куда-нибудь подальше? – предположила Мэй. – Туда, где нас никто не знает?

Джоллин покачала головой.

- Там захотят все про нас узнать. Никто не возьмет на работу тех, чье прошлое неизвестно. Мы там будем чужими, и никто не предпочтет незнакомца человеку, которого знал годами.
- У меня на глазах мать умерла от голода, – тихо проговорила Роза. – Я не хочу повторить ее судьбу.
- Нет, уйти от Гру слишком опасно, – заключила Джоллин. – Даже если у нас было бы достаточно денег на еду, нам негде спать, разве что на улице. Как скоро нас тоже ограбят и задашат? Гвен, неужели ты думаешь, что, будь у нас выбор, мы бы оставались здесь?

Гвен отвернулась от окна.

- Но у меня есть золото...
- Чудесно, Гвен! Купи себе красивое платье или что-нибудь еще. – Джоллин снова улеглась на матрас и потянулась за покрывалом.

– Но ты не понимаешь...

– Все я понимаю! Ты считаешь, что где-то может быть лучше, чем здесь. Да, Гру часто ведет себя как последний мерзавец, но поверь мне, это еще не самое страшное, что есть в жизни. Уж я-то знаю! Надо смотреть правде в глаза: как бы отвратительно здесь ни было, если мы уйдем, то почти наверняка погибнем. Кому, как не тебе, это знать?

– Ты права, – кивнув, Гвен хлопнула себя руками по бокам. – Ты совершенно права!

– Ну надо же! Оказывается, и ее можно в чем-то убедить.

Джоллин натянула покрывало на голову и зарылась в подушку, чтобы не слышать доносившегося из коридора стука.

– Что, Джоллин, грохот мешает тебе спать? – спросила Гвен. – А знаешь, что это за стук? Стейн чинит дверь, которую я сломала.

– И что? – Джоллин скинула с головы покрывало и покосилась на Гвен.

– А то, что у него появились деньги, и Гру собирается отдать ему тебя.

Джоллин смертельно побледнела и медленно села на матрасе.

– Меня?

– Он же ее до смерти изобьет, – ужаснулась Этта, пришепетывая так, что слово «смерть» прозвучало как «шмерть», и слова, произносимые ее покалеченными устами, казались не просто словами и звучали особо угрожающе.

– Да, изобьет, и это будет не последняя его жертва – если только мы не уйдем... прямо сейчас.

– Но ты же чуть не погибла, когда попыталась, и Хильда...

– Повторяю: и я, и Хильда совершили одну и ту же ошибку... Тогда я этого не понимала. Каждая пыталась выжить в одиночку. К тому же у Хильды было всего несколько медяков, поэтому она оказалась на улице, а когда я бежала, то не взяла свои монеты... Они остались здесь, в тайнике. А на них мы можем приобрести собственное жилье – безопасное жилье. И что с того, что нас никто не возьмет на работу? Какая разница? Гру неплохо на нас наживаетесь, и Хильда правильно решила оставлять всю прибыль себе. Мы можем открыть собственный дом. Если мы будем вместе, у нас есть шанс выжить. Это лучше, чем надеяться на то, что Стейн лишится работы и останется без денег или превратится в нормального человека.

На лицах девушек появилось выражение сомнения. Гвен поняла, что они прикидывают свои шансы.

– Всё, я иду за деньгами! Кто уходит со мной, собирайте вещи! Ждать нам нечего, если решили уйти, надо сделать это немедленно.

Гвен выскочила из комнаты, чтобы избежать лишних вопросов и успеть покинуть трактир до того, как Стейн закончит работу. По правде говоря, эта мысль пришла ей в голову буквально минуту назад, и не все фрагменты мозаики пока что сложились в единую картину.

Стук, стук, стук. Стейн стоял на коленях, прибивая новую доску из светлого дерева к дверному косяку. Увидев Гвен, он гнусно улыбнулся.

– Ну вот, здесь я почти закончил. Потом немного повеселюсь...

Гвен зашла в маленькую комнату напротив и захлопнула за собой дверь. Прислонившись к ней спиной, она выждала какое-то время, чтобы убедиться, что Стейн не последует за ней. Из коридора по-прежнему доносились звуки рубанка и молотка. Значит, ей ничто не угрожает... пока. В маленькой комнате не было запора, как в той, другой, где была убита Эйвон. Это всегда немного беспокоило Гвен. Днем ей никогда не удавалось проверить, на месте ли деньги, но сейчас она явилась сюда не для того, чтобы удостовериться в их сохранности.

Она прошла по комнате, отодвинула стол и, вознося молитву, подняла половицу. То, что ей удалось так долго скрывать эти деньги под самым носом у Гру, само по себе было чудом. Клиенты всегда платили за девушек Рэйнору, но некоторые, те, что подороже, давали девушкам на чай. Не больше пары медяков, и Гру позволял им оставлять чаевые себе. Но он и понятия

не имел, что Гвен хранит под полом в маленькой спальне целое состояние. Если бы знал, сам прикончил бы ее ради этих денег.

Доска легко сдвинулась. Под ней лежал небольшой мешочек, сшитый Гвен из рукава, который Гидеон Хок оторвал от ее платья в ночь, когда выпил восемь кружек вместо обычных четырех. Последний раз, когда она пересчитывала свои сбережения, у нее было сорок пять медяков в дополнение к четырем золотым тенентам. Весомая сумма... Не просто все ее сбережения, но священное сокровище. Она сунула мешочек в лиф и вышла из комнаты.

Стейн, закончивший работу, то открывал, то закрывал дверь, проверяя, плотно ли она прилегает к косяку. Увидев Гвен, он бросил:

– Скажи Джоллин, чтобы причесала волосы и оставила их распущенными.

Когда Гвен вошла в спальню, все девушки уже поднялись и ждали ее – все до единой.

– Гвен, – сказала Этта, – не знаю, что на тебя нашло, когда ты велела нам паковать вещи – ты же знаешь, что у нас ничего нет!

– Великий благословенный Марибор, Гвен! – прошептала Джоллин. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

– Просто идите за мной.

Все девушки были босыми. Гру считал обувь излишней роскошью, но сейчас им это только помогло – они спустились по деревянным ступеням почти бесшумно, как пущенная под гору телега. Однако как раз в тот момент, когда Гвен открыла дверь на улицу, из маленькой кладовой возле кухни вышел Гру. Увидев девушек, он недовольно проворчал:

– Что это здесь происходит?

На секунду Гвен замерла на месте, а потом быстро вытолкнула девушек на крыльцо, где они в замешательстве остановились. Кошки превратились в утят, а Гвен поневоле – в утку-мать, которая встала между своим выводком и злобным псом.

– Я тебя предупреждала, Гру! Мы уходим!

– Господи, ты, тупая потаскуха! Я же тебе только что сказал: некуда тебе идти! Для вас всех это единственное место. Ну идите! Давайте, проваливайтесь! Погуляйте немного по городу. Когда устанете – когда стемнеет, похолодает и брюхо сведет от голода, – вот тогда вы поймете, как вам здесь было хорошо, и вернетесь как миленькие. Но запомните: когда вернетесь, я больше не стану терпеть ваши выкрутасы. Будете делать то, что я велю. И вот еще что: за все те неприятности, что вы мне тут устроили, вас ждет хорошая порка!

Гвен молча вышла на улицу и закрыла за собой дверь.

У нее дрожали руки, ее всю трясло. Ей казалось, она вот-вот упадет прямо на крыльцо.

– *Что* мы будем делать, Гвен? – спросила Эбби.

– Ты не знаешь, ведь так? – Джоллин нервно усмехнулась.

– Ты бы с нами так не поступила, правда же? – спросила Мэй. – Не взбесила бы Рэйнора, если бы не знала, куда пойти?

Роза коснулась руки Гвен и посмотрела на нее своими большими, как у олененка, глазами.

– Пожалуйста, скажи нам. Куда мы идем?

Гвен дрожала, прислонившись к двери. Солнце наконец поднялось достаточно высоко, чтобы стереть тени, которые отбрасывала «Гадкая голова», и напротив нее возвышался полуразвалившийся постоялый двор.

– Туда, – указала Гвен.

– Ты сошла с ума, – прошептала Джоллин.

– Возможно. – Гвен кивнула. – Но это лучше, чем смерть.

Глава пятая

Убийство на реке Бернум

– Мы уж думали, с вами что-то случилось, – сказал Себастьян, когда утром следующего дня Адриан вышел на палубу. – Юджин стучался к вам в каюту, но дверь была заперта и вы не отвечали.

Адриан посмотрел на небо. Солнце уже почти поднялось у них над головами.

На палубе собрались все пассажиры, кроме господина в капюшоне, который по-прежнему избегал общества. Сейчас его нигде не было видно. В центре небольшой группы сидела Вивиан, закутавшись в плащ Адриана. Она одарила его теплой улыбкой.

– Я поздно лег. Должно быть, слишком крепко заснул и не слышал, – пробормотал он виноватым голосом ребенка, которого обвинили в лени.

– Надо же, а я всю ночь глаз почти не сомкнул, – покачал головой Себастьян.

– Не думаю, что кому-то из нас удалось выспаться, – прибавил Сэмюэль.

Адриан набрал из висевшего на поручнях ведра пригоршню воды и плеснул себе в лицо. Потом потянулся и зевнул. После позднего пробуждения он всегда чувствовал себя уставшим и разбитым. Большую часть ночи он просидел с открытой дверью, не отрывая взгляда от маленького коридора, который вел к другим каютам, и часами наблюдая за качающейся лампой, но так никого и не увидел. Наконец, когда уже взошло солнце, запер дверь и улегся в постель, чувствуя себя круглым дураком.

Адриан присел рядом с Юджином. Самый молодой из купцов в восхищении рассматривал свои растопыренные пальцы. У него были обкусанные, грязные ногти, и потому Адриан решил, что юноша любит кольца. Их у него было еще больше, чем у Себастьяна, – по три на каждой руке. Адриан колец не носил. Просто не видел в этом смысла. Однажды богатый военачальник подарил ему перстень, но Адриану не понравилось, что кольцо затрудняет хватку, и он отдал его в качестве чаевых подносице в трактире. Наверное, его попутчики, будучи ювелирами, придерживались иного взгляда на украшения.

Вивиан подтянула колени к груди и совершенно утонула в складках плаща. Адриану никогда не нравилось тонкое одеяние, которое в Калисе называлось бишт. Он купил его у приставучего базарного торговца в Дагастане незадолго до посадки на корабль в Аврин. Торговаться Адриан никогда не умел, поэтому явно переплатил. На востоке с ним такое часто случалось, и плащ служил физическим напоминанием о годах, проведенных в Калисе. Но на Вивиан он смотрелся очень хорошо.

Баржа продолжала двигаться вверх по реке, изредка делая остановки у почтовых станций. Там меняли лошадей и кучеров и взяли на борт сменщика рулевого, чтобы Фарлан мог поспать. За ночь окружающий пейзаж разительно переменялся. Река Бернум стала уже, шумливее, а берега поднялись. Стены каньона погружали реку во мрак, а бечевник из проселочной дороги превратился в узкую тропку, пролежавшую по краю утесов, где из скудной каменистой земли торчали обнаженные корни редких кривых сосен.

Таким Адриан и помнил север: горы и ущелья, лед и заснеженные вершины. За годы, проведенные вдали от дома, с ним столько всего произошло. Сразу за утесами начинались земли королевства Уоррик, расположенного к северу от его родной деревни. Правил там старый Кловис Этельред. Жестокий правитель, но других Адриану встречать и не доводилось. Король Этельред собрал неплохое войско. Адриан считал себя знатоком в такого рода вопросах, поскольку сражался как на стороне этого войска, так и против него. Вот откуда он знал здешние каньоны и утесы: помнил их с того времени, когда, будучи совсем молодым солдатом, вынужден был пробираться в горы и удерживать высоту, сражаясь с врагом, который всего несколько месяцев назад был его другом.

Он снова покосился на Вивиан. Встретившись с ней взглядом, он быстро отвернулся и усталился на берега реки, слишком поздно осознав, что подобное поведение может показаться не только невежливым, но и подозрительным.

– Вы уже решили, где остановитесь в Колноре, господин Блэкуотер? – спросила Вивиан.

– Пока не знаю, – признался Адриан.

– Но вы же солдат, – бросил Юджин небрежным, полным превосходства тоном, который привел Адриана в раздражение.

– А вы купец, – сказал Адриан, хотя на языке вертелось словечко покрепче.

Юджин криво усмехнулся.

– Я имел в виду, что вы остановитесь в каких-нибудь казармах, не так ли?

– Вообще-то... я в отставке.

– В отставке? – усмехнулся Себастьян. – По вашему виду не скажешь, что вы успели хотя бы вступить в армию.

– И все же... – Адриан с улыбкой развел руками.

– Но тогда какие же у вас планы на будущее? – поинтересовался Сэмюэль.

Адриан начинал понимать человека в капюшоне, который предпочитал держаться от них подальше.

– Просто путешествовать.

– И куда вы направляетесь?

– На север.

– Север большой. Куда-либо конкре...

Лодка покачнулась, напоровшись на валун. Буксирный канат ослаб и провис, а затем снова натянулся. Обернувшись, Адриан заметил, что рулевого нет на месте.

– А где Фарлан? – спросил он.

Себастьян наклонил голову и бросил взгляд поверх своих спутников.

– Не знаю.

Все встали и последовали за Адрианом на корму. Рулевого и след простыл. Себастьян указал на веревку, обмотанную вокруг ручки руля.

– Обычно он так делает, когда уходит отдыхать, но он никогда надолго не покидает свой пост. Может, пошел готовить завтрак? Что-то он сегодня припозднился...

Посмотрев назад, Адриан увидел, что река, до сих пор относительно прямая и спокойная, теперь сплошь усеяна торчавшими из воды валунами и змеей извивается меж высоких утесов.

Он бросил взгляд в сторону кают.

– Думаете, Фарлан не вышел бы после такого толчка?

Все выжидающе уставились на дверь, ведущую в помещение, где располагались каюты, но когда она открылась, оттуда выглянул человек в капюшоне. Так и не открыв лица, он осмотрелся, затем, не проронив ни слова, снова ушел вниз.

– Кое-кто вообще ни о чем не беспокоится, – заметил Себастьян.

– А кто-нибудь сегодня видел Фарлана? – спросил Адриан.

Ювелиры и Вивиан переглянулись.

– Дайте-ка подумать... Кажется... нет. Я не видел. А вы? – обратился Себастьян к своим товарищам.

Все покачали головами.

– Сменный рулевой ушел после ужина, так? – спросил Адриан.

– Вроде бы да, – ответил Себастьян. – Когда меняли лошадей.

– Может, Фарлан тоже сошел на берег, а мы не заметили? – предположил Адриан.

– Возможно, возникла какая-то путаница, – сказал Юджин. – Ну, скажем, ошибка в написании... Может, кучер тронул лошадей до того, как Фарлан вернулся на борт?

– Думаю, Фарлан велел бы ему остановиться.

– Сигнализируйте коноводу, – скомандовал Себастьян.

Сэмюэль свистнул. Юджин махал руками до тех пор, пока кучер не остановил лошадей. Адриан отвязал руль и подогнал баржу к берегу, куда ее и так несло течение. Купцы обыскали баржу, но так и не нашли пропавшего рулевого. Все пассажиры сошли на берег, даже человек в капюшоне, который наблюдал за ними издали.

– Сменные рулевые приходят и уходят, но Фарлан никогда не покидает лодку. Он отплыл после того, как я запряг своих девочек, – сообщил коновод. Его звали Эндрю, это был пожилой мужчина с коротко стриженными волосами, который, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке, общаясь с пассажирами. Он смущенно похлопывал лошадей по крупу. – Никогда не видел, чтобы старик Фарлан сходил на берег, разве что погрузить провизию или взять на борт груз.

– Тогда где он? – спросил Себастьян.

– Может, свалился в реку, – предположил коновод. – Всякое бывает... С Фарланом, правда, такого не случалось, но про других я слышал.

– Может, нам следовало бы его подождать? – спросил Адриан. – Не мог он доплыть до берега? А вдруг он сейчас бежит и пытается нас догнать?

Эндрю покачал головой.

– Если упал за борт, то ему конец, утонул. Эта река – воплощение зла, особенно здесь. Течение жуткое, бесполезно с ним бороться, а уж посередине и подавно. До берега не доберешься. А подводное течение в этом месте такое, что утащит даже самого сильного пловца. Схватит и сожмет зубами, как крокодил оленя. Тела никогда не всплывают. Река их глотает.

– Но если он все же выбрался? – настаивал Адриан.

Эндрю пожал плечами.

– Тогда с ним все будет в порядке, если только его не сильно побил о камни. Скорее всего, пошел назад к последней почтовой станции или просто будет сидеть на берегу и дожидаться следующей баржи.

– Почему назад? Почему не вверх по реке?

– Впереди больше остановок не будет. Мы входим в ущелья. Следующая остановка – Колнора. Конечно, он мог бы добраться до города, но под гору идти легче, чем в гору.

– Значит, сменных рулевых больше не будет?

Эндрю опять покачал головой.

– Ни рулевых, ни новых лошадей. Остались только мы с Бесси и Гертрудой.

– И что же нам делать? – спросил Сэмюэль.

– Придется вам ждать тут, пока я схожу обратно на почтовую станцию. Даже если Фарлана там не окажется, мне нужен какой-нибудь другой рулевой до конца путешествия.

– Сколько времени это займет? – спросил Себастьян.

– Думаю, большую часть дня, и то, если у них сейчас имеются свободные рулевые. Если нет, придется ждать следующую баржу, а она будет через три дня.

– Это невозможно! – отрезал Сэмюэль.

– Совершенно невозможно, – поддержал его Себастьян. – Мы сами можем управлять баржей.

Эндрю круговыми движениями погладил лошадей. Судя по его виду, в эту минуту он предпочел бы оказаться где угодно, только не здесь.

– Ну, наверное... сможете... Вот только до Колноры еще целый день, а этот последний отрезок пути...

– Стало быть, так и сделаем! – заявил Себастьян так громко, что его возглас эхом разнесся по утесам.

– Кто сядет за руль? – спросил Юджин.

– Будем меняться. Ты можешь начать, Юджин. Уверен, не так уж это трудно. – Он посмотрел на Эндрю.

– Ну... – пробормотал Эндрю. – Просто держитесь середины реки и старайтесь обходить камни. Вот и все. Всю тяжелую работу выполняют вот эти дамы. – Он снова погладил одну из кобыл по крупу.

* * *

Баржа снова тронулась в путь. Место у руля занял Юджин. Поначалу он действовал довольно неуклюже, и хотя Адриан тоже не умел управлять лодкой, какое-то время он сидел рядом с юношей, пока тот не стал более уверенно обходить камни. Трудно было понять, благодарен ли ему подмастерье ювелиров за опеку или же присутствие Адриана его раздражает, поэтому вскоре Адриан покинул место у руля.

– Его убили, – сообщил Сэмюэль Адриану, когда тот вернулся на палубу, где сидели ювелиры и Вивиан. Человек в капюшоне снова стоял на носу. Видимо, его беспокоило то, что баржей управляет Юджин, и он не хотел оставаться внизу. – Тот тип перерезал ему горло и скинул труп в реку.

– Нам это неизвестно, – возразил Адриан. Судя по лицам попутчиков, только он в этом сомневался.

– Неужели вы считаете, что опытный рулевой мог сам упасть в реку на маршруте, которым ходил, наверное, раз сто? – спросил Себастьян.

– Нет, но мне также не хотелось бы подозревать худшее.

– Очнитесь, глупый мальчишка! – вскричал Сэмюэль. – Человек мертв! И вам отлично известно, кто в этом виноват.

Адриана передернуло.

– А еще громче вы этого сказать не хотите? А то Эндрю с Бесси вас, кажется, не слышали. Вот вы настаиваете, что Фарлана убили, но забыли одну очень важную деталь.

– Это какую же? – поинтересовался Сэмюэль.

– Зачем? – Вопрос Адриана повис в воздухе. – Вы можете мне объяснить, зачем ему понадобилось убивать Фарлана? Мне в голову не приходит ни одна разумная причина, разве что он сумасшедший, но он не производит впечатления безумца.

Казалось, это остудило пыл купцов. Они переглянулись, на лицах читалось непритворное смятение. Пока они молча размышляли над вопросом Адриана, Вивиан проговорила тихим, дрожащим голосом:

– Думаю, я могу объяснить...

Все удивленно уставились на нее.

– Он был здесь вчера, не так ли? – спросила она, глядя в сторону носа. – Когда мы с вами беседовали. Он был поблизости, когда вы сообщили мне, что Фарлан намерен обратиться к шерифу с просьбой начать расследование убийств в Вернесе.

– Это правда? – насторожился Себастьян.

Адриан кивнул.

– Ему нужно было, чтобы Фарлан исчез, – сказал Сэмюэль, тоже переводя взгляд на нос. – Нет Фарлана, нет расследования, проблема решена.

– Ну вот, все ясно, – выдохнул Себастьян. – Не осталось никаких сомнений, и теперь...

– Что теперь? – спросил Адриан.

– Теперь мы просто *обязаны* принять меры, – пояснил Себастьян.

– Что вы хотите сказать?

– Мы всё знаем, не так ли? Нам всё известно.

– И что же нам известно?

– Что он в ответе не только за убийства в Вернесе, но и за гибель Фарлана. Более того – он знает, что мы его раскусили. Если он пошел на убийство Фарлана, неужели вы думаете, он на этом остановится? Да он нас *всех* прикончит – для него это единственный выход спасти свою шкуру!

– Да вы шутите, – нахмурился Адриан. – Нас тут пять человек, даже шесть, если считать Эндрю. Я бы сказал, победа за нами.

– Он застигнет нас врасплох, когда мы ляжем спать или останемся на дежурстве у руля. Перебьет всех поодиночке, словно хищник, прореживающий стадо.

– Значит, решено, – на сей раз Сэмюэль говорил шепотом. – Мы должны его опередить, убить раньше. Мы – или он. Он не крупнее Юджина – даже поменьше будет, – и я не вижу у него никакого оружия. Мы могли бы расправиться с ним прямо сейчас. Адриан, одолжите нам свои мечи и возьмите большой из каюты. Мы вместе нанесем удар, а потом толкнем тело этого мерзавца в воду, как он поступил с Фарланом.

Себастьян кивал с суровой решимостью на лице, будто судья на процессе.

Адриан пролил столько крови, что хватило бы на три жизни. Однако возможно, даже вероятно, что они правы. Господин Капюшон обвинял самого себя. Почему он держится особняком? Ведь наверняка слышал, о чем они говорят. Почему бы не подойти и не опровергнуть обвинения, если он действительно невиновен? Такое поведение вызывало подозрения, а его отношение к делу – беспокойство, но это еще не доказательство.

– Нет, – ответил Адриан. – Я не стану убивать человека только на основании предположений. С Фарланом что-то случилось, что-то необъяснимое, но мы даже не знаем, мертв ли он. Даже если его убили, с чего вы взяли, что это сделал человек в капюшоне? Ну да, парень держится особняком, и что с того? Глаза его вам не нравятся! И что это доказывает? Разве не мог убить рулевого Юджин, или кто-то из вас, или даже я?

Ювелиры в растерянности покачали головами.

– Мы толком ничего не знаем, – продолжал Адриан. – Я думаю, мы должны сделать именно то, что собирался сделать Фарлан. Переживем остаток сегодняшнего дня и ночь, а когда прибудем в Колнору, Эндрю приведет шерифа. Если вас это успокоит, я позабочусь, чтобы никто не сошел на берег, пока шериф не поднимется на борт и во всем не разберется.

– Вы что, серьезно? – воскликнул Себастьян.

– Вполне вероятно, Фарлан жив и здоров и в данную минуту наслаждается горячим супом на предыдущей почтовой станции. А если он объявится в Колноре, и окажется, что вы убили ни в чем не повинного человека?

– Вы действительно полагаете, будто мы станем сидеть сложа руки и ждать, пока нас всех перережут?

– Я полагаю, вам следует уgomониться и дожидаться шерифа. Пусть законные власти решают, что делать. – Адриан встал, подчеркнув огромным ростом серьезность своих намерений. – Если вы хоть пальцем его тронете, я вас уверяю, лишитесь руки.

– Вы защищаете убийцу!

– Вовсе нет. Я защищаю от обезумевшей толпы человека, виновность которого не доказана. Он вам не понравился с первой же минуты, как только поднялся на борт.

– А как же мисс Вивиан? Вы только вчера обещали защищать ее!

– Обещал и защищу. – Он посмотрел на женщину. – Я вас защищу. Обещаю.

– А нас? – спросил Сэмюэль.

– Вам я советую держаться вместе. Вы сами сказали: поодиночке вы уязвимы. Не давайте ему шансов, и я уверен, с вами все будет хорошо.

– Это ничего не изменит, – нахмурился Сэмюэль. – Разве вы не понимаете, в какой мы все опасности? Вы слепец и... дурак!

Адриан спокойно положил руку на рукоять короткого меча, и Сэмюэль замер.

– К вашему списку я добавлю еще и глухоту, но только сейчас, – тихо сказал Адриан и пошел прочь.

На маленькой барже ему было тесно. Он чувствовал, как Сэмюэль сердито смотрит ему в спину. Настроение Себастьяна было сложнее угадать. Адриан готов был поклясться, что не угодил ни одному из купцов, но по их поведению не мог определить, отказались ли они от своей безумной затеи убить человека в капюшоне.

Адриан увидел, что с высокого поручня планширя можно забраться на крышу спального отделения – чуть покатую и сложенную из просмоленных досок. Под прямыми солнечными лучами смола стала мягкой, но не липкой. Он устроился в одиночестве на этом самом высоком месте баржи, откуда хорошо просматривалась вся палуба. На корме расположился, положив ноги на перила, Юджин. Совсем недавно в такой же позе там сидел Фарлан, и Адриан очень надеялся, что старик рулевой благополучно добрался до берега. Хотя они не успели толком познакомиться, Адриану он понравился. Внизу продолжали переговариваться, понизив голос, Себастьян и Сэмюэль. Они сидели близко друг к другу в своих одинаковых плащах, а рядом с ними – Вивиан. На носу стоял, глядя на реку и, казалось, ни о чем не подозревая, человек в капюшоне.

* * *

Ближе к вечеру Адриан вновь занял полюбившееся ему место на крыше кают и стал разглядывать звезды. Сидеть здесь было не так удобно, как на палубе, – не к чему прислониться, но зато, чтобы взобраться на крышу, требовались немалые усилия и ловкость, и это гарантировало уединение. Ни Вивиан, и никто из ювелиров не полез бы на поручни в своих роскошных развевающихся плащах. Оставался только человек в капюшоне, но Адриан сомневался, что он сюда явится.

День прошел спокойно, без потрясений. Лишившись рулевого, пассажиры делали что могли. Себастьян, Сэмюэль и Вивиан готовили обед и ужин. Адриан занял место у руля после Юджина, затем его сменил Сэмюэль, а последний отрезок пути оставался за Себастьяном. Хотя очередность на самом деле не имела значения. Все толклись на корме, и Адриан сомневался, что кто-нибудь из них этой ночью вообще ляжет спать. Они не дадут друг другу уснуть, проследят, чтобы никто не подвергнулся риску, и, если возникнет необходимость, будут меняться. Человек в капюшоне так и бодрствовал на носу баржи, а Вивиан заперлась у себя в каюте.

Русло реки все более сужалось, а стены каньона делались выше. Адриан знал, что судходная часть реки Бернум заканчивается где-то к югу от Колноры у Янтарного водопада. Он понятия не имел, откуда ему это известно, но знал он это так же точно, как и то, что не стоит совать руку в огонь или стоять на вершине холма во время грозы. Должно быть, кто-то ему об этом рассказал, но он не помнил, кто и когда. Таким способом он накопил немало знаний, хотя наверняка многие из них были ошибочными.

Еще мальчишкой в маленькой родной деревушке он слышал немало историй, которые рассказывали гости – в основном странствующие жестянщики. Только они регулярно навещали долину Хинтиндара, а Адриан подозревал, что со времени его отъезда ничего не изменилось. Наиболее частым гостем был Рыжий Пэкер, о появлении которого за милю давали знать дребезг его телеги и ореол огненно-рыжих волос. На закате и впрямь казалось, будто вокруг головы Пэкера полыхает пламя. Жестянщик с изрядной ловкостью продавал свой товар и торговался, но его истории всегда были бесплатными, за что его тепло принимали в любом доме.

Пэкер утверждал, что побывал в самых дальних уголках изученного мира – от непроходимых лесов у реки Нидвальден, которая, по его словам, служила границей древнего эльфийского королевства, до несоизмеримо высоких башен Друмндора – древней гномьей крепости, которая могла изрыгать расплавленные камни на сотни футов. Жители деревни обожали его

рассказы, главным героем которых обычно выступал он сам, оказавшийся посреди ночи на глухой безлюдной дороге. Чаще всего он потчевал благодарных слушателей фантастическими историями о встречах с призраками, гоблинами или феями, которые пытались заманить его к себе и обречь тем самым на безвременную гибель.

В детстве одной из любимых историй Адриана был рассказ о том, как Пэкера окружили гоблины. Он описывал их как маленьких зеленых человечков с острыми ушами, выпученными глазами и рожками на голове. Этот изысканный народец был одет, по словам Пэкера, в одинаковую форменную одежду и цилиндры. В лунном свете они выглядели настоящими щеголями и говорили с калианским акцентом. Гоблины хотели забрать Пэкера к себе в город и женить на своей королеве, но жестянщик перехитрил их. Он убедил гоблинов, что медный горшок обладает волшебными свойствами и, если надеть его на голову, он покажет будущее. Байки Пэкера собирали всех деревенских жителей у очага, и все они – и Адриан в том числе – раскрыв рты следили за каждым поворотом событий. Адриан четко представлял себе гоблинов такими, какими их описывал Пэкер, и верил каждому слову жестянщика. Это было задолго до того, как он покинул Хинтиндар, до того, как отправился в Калис и увидел настоящего гоблина. К тому времени Адриан уже начал сомневаться в жизненном опыте Пэкера, но несусветную глупость его историй осознал, лишь оказавшись в джунглях и встретившись с первым представителем ба ран газели. Стало очевидно, что Пэкер никогда не видел живого гоблина. Иначе не дожился бы до того дня, когда сумел бы рассказать об этом.

Большую часть знаний Адриан приобрел у различных очагов зимой или в тени раскидистых деревьев летом, слушая истории людей, никогда не удалявшихся более чем на несколько миль от дома. Никто в Хинтиндаре не знал, что находится за пределами долины, кроме лорда Болдуина и отца Адриана.

Данбери Блэкуотер родился не в Хинтиндаре. Отец пришел в деревню всего за несколько лет до рождения сына, но никогда не говорил о своей юности. Скорее всего, думал Адриан, и рассказывать-то было нечего. Данбери был простым человеком, его больше заботило, как сделать лемех для плуга, нежели приключения. Адриан считал отца человеком скучным и с презрением относился к его ограниченности. Отчасти поэтому он ушел из дома – слишком велико было желание увидеть мир своими глазами.

Может, Пэкер и лгал насчет гоблинов, призраков, фей и эльфов, но географию он знал превосходно. Судходная часть реки действительно заканчивалась вблизи Янтарного водопада возле крупнейшего из городов Апеладорна – Колноры. Далее она превращалась в несколько быстротечных каскадов, падавших с высокогорья, где Адриан провел большую часть солдатских лет. За все то время Адриан ни разу не бывал в городе.

Он зевнул, сожалея о потерянных часах сна. Ноги затекли. Стоило ему встать, чтобы размяться, как к двери в каютное отделение направился человек в капюшоне. Адриан быстро спустился с крыши, но когда вошел в спальное помещение, понял, что господин Капюшон просто направляется к себе в каюту.

Адриан пошел к своей двери, но звук его шагов, вероятно, напугал Вивиан.

– Кто это? – дрожащим голосом позвала она. – Кто там?

– Не волнуйтесь, мисс Вивиан. Это всего лишь я, Адриан.

– Ох, хвала Марибору! Не могли бы вы минутку подождать?

Адриан услышал грохот, как будто в каюте двигают что-то тяжелое, и после некоторых манипуляций с замком дверь открылась.

Девушка жестом пригласила его войти и широко распахнула дверь.

– Мне нужно вернуть вам плащ, а еще я хотела бы кое о чем попросить.

Все каюты на барже были одинаковые, кроме, разве что, той, которую занимали ювелиры. Та была двойная, как казалось Адриану, и Юджину, вероятно, приходилось спать на полу. Комната Вивиан ничем не отличалась от каюты Адриана: такая же узкая койка, а возле нее

– сундук, одновременно служивший столом. С потолка свисал фонарь, и Адриан задел его головой точно так же, как постоянно задевал у себя в каюте.

Войдя, он с удивлением заметил, что Вивиан жестом просит его закрыть дверь. Он выполнил просьбу, и девушка принялась распускать завязки плаща. Пальцы у нее дрожали.

– Я вам очень за него благодарна, – сказала она, когда ей наконец удалось освободиться от плаща.

Адриан взял плащ. Девушка зябко потерла руки.

– Если вам все еще холодно, можете оставить его себе. Я не возражаю.

Она покачала головой.

– Нет, не нужно. Во всяком случае, я надеюсь, что сегодня он мне не понадобится...

Адриан не понял, что она хотела этим сказать.

Вивиан провела языком по губам и прошептала:

– Я знаю, это прозвучит странно, но все же эту ночь вряд ли можно причислить к разряду обыкновенных... – Она замолчала. Свет фонаря окружал ее изящную фигуру легким ореолом. – Мне не стыдно вам признаться, господин Блэкуотер, что я страшно напугана. Я боюсь, что если сегодня ночью закрою глаза, то никогда больше их не открою.

– Я обещал защитить вас. И пусть вас не смущает то, что я молодо выгляжу, вы вполне можете на меня положиться. Я в соседней комнате. Если что-нибудь...

– В том-то и дело. Вдруг он перегородит вашу дверь и вы не сможете выбраться? Или вдруг заснете и не услышите, как он пробирается ко мне? Сколько нужно времени, чтобы перерезать горло? – Она коснулась рукой шеи, затем медленно провела ею по груди, вздохнула и, закрыв глаза, прибавила: – Я бы чувствовала себя в большей безопасности, если бы эту ночь вы провели в *моей* комнате.

Адриан удивленно поднял брови.

– Вы даже представить себе не можете, – продолжала Вивиан, – как много это для меня значит. Последние несколько дней были самыми страшными в моей жизни. Я потеряла все. Рухнула вся моя жизнь. И я уверена, этот человек собирается меня убить. – Она вздрогнула и шагнула ближе. – Прошу вас, для меня это очень важно. Я позабочусь о том, чтобы ночью вам не было холодно... – Девушка взяла его за руку.

Адриан прищурился. Он был молод, но отнюдь не глуп.

– Хорошо. Я... Я посижу у двери – прислонюсь к ней спиной, и даже если случайно засну, никто не сумеет войти, не разбудив меня. Что вы на это скажете? Согласны?

Адриан и не думал всерьез предлагать нечто подобное, просто ему хотелось увидеть, какова будет реакция на его слова.

И реакция не заставила себя ждать.

Не выказав ни удивления, ни раздражения по поводу его непонимания или необходимости разъяснять, что она имела в виду, ни желания уговаривать или что-либо доказывать, Вивиан спокойно принялась развязывать шнуровку на платье. В отсветах фонаря тень девушки медленно покачивалась из стороны в сторону в ритме мелодичного скрипа деревянного судна. Расшнуровав лиф, она стала вытягивать из-под него атласную ткань, обнажая бледную кожу. Адриан наконец понял, почему ей постоянно холодно: платье было надето на голое тело.

Между тем Вивиан перестала трястись от холода, словно в каюте вдруг стало очень тепло. Ее ловкие пальцы больше не дрожали, она смотрела Адриану в глаза.

– Я хочу отблагодарить вас за то, что окажете мне услугу и проведете ночь в моей каюте, – взволнованно прошептала она. – Знаю, я создаю вам определенные неудобства, но надеюсь, что сумею вознаградить вас за эту жертву.

– Не хотелось бы портить момент, но разве ваш муж не скончался совсем недавно? Вы говорили, его убили...

– И что с того? – Ее руки снова приступили к работе, пальцы забегали по груди Адриана.

- Я так понимаю, верность ему вы не хранили.
- Он мертв. А я жива и хочу жить дальше! – Слегка изогнув спину, Вивиан приподнялась на цыпочках и томно прикрыла глаза.
- Тогда я бы посоветовал вам убрать руки с моего ремня.
- Она открыла глаза.
- Что?
- Не хотите объяснить, что тут на самом деле творится?
- Не понимаю...
- Я тоже, в том-то и проблема. Вашего мужа никто не убивал, не так ли?
- Да, но это не значит, что я не нуждаюсь в защите.
- От чего?
- В этот момент раздались крики.

* * *

Крики резко оборвались еще до того, как Адриан, толкнув ногой дверь каюты и велев Вивиан запереться на ключ, выбежал на палубу с мечом в руке. На палубе никого не было. Он прислушался, но не уловил ни характерного звука драки, ни стука сапог по деревянному настилу палубы, который свидетельствовал бы о бегстве убийцы. Ничего! Только плеск воды за бортом.

Он ждал.

Тишина.

Нет, не совсем тишина – все так же монотонно шептала река. Было, однако, что-то странное в звуке набегавшей на корпус баржи воды. Громкий и напористый во время движения, теперь он изменился, стал мягче, тише и казался каким-то... неправильным. И это была не единственная перемена. Баржа стояла на месте.

Адриан осмотрел открытую палубу.

Никакого движения.

Он медленно подошел к корме и неподалеку от руля увидел Сэмюэля. Ювелир лежал лицом вниз в растекающейся луже крови.

«Где же Себастьян и Юджин?» – подумал Адриан.

Он много раз видел смерть. За свою короткую жизнь он убил людей больше, чем хотелось бы помнить, но убеждал себя, что каждая смерть была необходима. Это было ложью, в которую Адриан так и не смог поверить, сколь бы ни старался убедить себя, что это правда. И все же все его схватки, заканчивающиеся смертью других людей, происходили на поле боя или на арене. Тут же дело обстояло иначе – это была ничем не оправданная резня.

Ночь, еще недавно такая тихая и мирная, приобрела некий грозный оттенок. Покачивающиеся фонари едва освещали палубу, и вкупе с тусклым светом половинки луны рождали тысячи причудливых силуэтов. Адриан не боялся за свою жизнь: то, что здесь произошло, так или иначе закончилось. На палубе он чувствовал себя в безопасности, но оставались еще трюм и каюты. Взяв фонарь, он перебрался на нос и там обнаружил двух других купцов. Оба были мертвы. Себастьян и Юджин с перерезанными горлами лежали в лужах собственной крови.

В нескольких футах от их тел находился люк, ведущий в трюм. Замок был снят, дверца открыта. Адриан заглянул внутрь. Там виднелись плотно сложенные многочисленные ящики, мешки, сумки и коробки. За ними вроде бы никто не таился. Адриан снова прислушался, и снова ответом ему была лишь мертвая тишина. Спустившись, он, держа короткий меч наготове, продвигался по узкому проходу, который доходил до середины баржи. Здесь Адриан обнаружил огромные раскрытые сундуки, принадлежавшие ювелирам. Внутри лежали дорогие плащи, роскошные тарелки, столовое серебро, золотые кубки, ожерелья, подсвечники, блюда

и хрустальные бокалы. Потом он увидел небольшой сундучок и сейф. Оба были открыты и пусты, а неподалеку валялись два замка.

Оставив все в том виде, в каком он это нашел, Адриан вернулся на палубу.

Там по-прежнему царила тишина... мертвая тишина.

Неожиданно Адриан вспомнил о кучере и о том, что баржа стоит на месте. В тусклом сиянии луны он различил лишь силуэты лошадей, освещенные фонарем Эндрю. Адриан пошел назад в каюты.

В коридоре он не обнаружил никаких изменений, дверь в каюту Вивиан была цела. Он знал, что девушка придет в ужас, и на сей раз на то у нее есть веская причина. Единственное, чем он мог ее успокоить, это то, что им теперь ничто не угрожает. Человека в капюшоне и след простыл.

– Отоприте, мисс Вивиан, – сказал он, постучавшись. – Это...

Дверь со скрипом чуть приоткрылась. От изумления и дурного предчувствия Адриан перестал дышать. Сердце яростно заколотилось в груди. Он с силой толкнул дверь и окинул взглядом маленькую каюту, все еще освещенную фонарем. Дверь на что-то наткнулась с глухим звуком, и Адриан увидел руку – только руку с чуть согнутыми пальцами. Вивиан лежала на животе в луже крови, которая, растекаясь по полу, впитывалась в сухое дерево.

«А если я вообще не доберусь до Колноры? – вспомнил Адриан ее слова. – Вдруг он убьет меня прямо здесь, на барже?»

Адриана замутило. Он покачал головой и, отступив, задел фонарь на потолке. По стенам заплясали тени.

Он обещал защитить ее. Заверил, что ей нечего бояться...

Адриан попятился и задом вышел из каюты, оставляя за собой алые следы.

«Что происходит со мной и смертью? – мелькнуло у него в голове. – Я проделал такой путь, сотни миль, чтобы уйти от нее как можно дальше, и все равно оставляю за собой кровавые следы».

Адриан вернулся к себе в каюту и собрал вещи. У него была только одна сумка, вмещавшая все его богатство. Закинув ее на плечо, он вдруг подумал о Пиклзе. Выходит, стражник, задержавший мальчишку на площади неподалеку от речного порта, спас тому жизнь. Большой меч Адриана все еще висел на крючке на стене. Он перекинул перевязь через плечо, поправил меч на спине и выбрался на палубу.

Без лошадиной тяги и должных действий рулевого баржа сама, словно маятник часов, прибилась к берегу. Адриан легко спрыгнул на землю. Когда он подошел к лошадям, подтвердилась его страшная догадка. Эндрю исчез. Труп не было, но кровавый след, тянувшийся к реке, говорил сам за себя.

Адриан обнаружил, что стоит на бечевнике у подножия голого каменного утеса, заслонявшего большую часть неба. Фонарь Эндрю отбрасывал на камень исполинскую тень Адриана. Не считая крови и пропавшего коновода, на берегу было так же спокойно, как на лодке. Привязанные к дереву лошади, Бесси и Гертруда, ждали сигнала к отправлению.

Адриан привязал лодочный канат к другому дереву и распряг лошадей. Конец повода он закрепил между двумя камнями, чтобы сильное течение не унесло баржу в другое место, и снова вернулся к лошадям. Он привязал Бесси – или Гертруду? – к тому же дереву, что и лодочный канат, и запрыгнул на спину второй лошади.

– Нет смысла оставлять тебя здесь, – сказал он кобыле и слегка ударил ее по бокам. Лошадь, не привыкшая к всаднику у себя на спине, плелась очень медленно, что вызывало у Адриана раздражение, но все же это было лучше, чем идти пешком.

Адриан гадал, не встретит ли он человека в капюшоне в каком-нибудь трактире или на постоялом дворе. Он представил, как найдет его, когда тот, расслабившись, будет пить и хва-

статься, как только что прикончил всех пассажиров бернумской баржи, и эта картина придала ему сил.

Адриан устал от убийств, но, несмотря на данное себе обещание, для человека в капюшоне готов был сделать исключение.

Глава шестая

Руины на Кривой улице

На протяжении двух лет Гвен смотрела из окон трактира «Гадкая голова» на заброшенный дом напротив, но до сегодняшнего дня ни разу туда не заходила. Были такие, кто пробовал зайти. Когда окончательно покидали силы и зимний холод пробирал до костей, многие отчаявшиеся люди искали приют в руинах, которые становились последним их прибежищем. Каждый год Итан выволакивал из полуразрушенного здания по меньшей мере одно замерзшее тело. Нижний квартал был подобен городской клоаке, а тупик на Кривой улице – сточной канаве. Сейчас, стоя среди развалин бывшего постоянного двора, Гвен гадала, сколько пройдет времени, прежде чем этот жуткий водоворот засосет их всех.

У дома сохранились только две стены, третья, извиваясь, как набегавшая на берег волна, клонилась внутрь, а от последней вообще почти ничего не осталось. Часть второго этажа обвалилась, равно как и большая часть крыши. Сквозь дыры в ней Гвен видела проплывавшие по небу облака. Из щелей в полу проросли три чахлах дерева, одно из которых возвышалось на четыре фута, и его ствол был толщиной с ее большой палец.

– А здесь не так плохо, – слышался голос Розы.

Гвен оглянулась, но в сумраке руин не увидела ее. Войдя в заброшенный дом, все девушки бесцельно бродили по развалинам, слово призраки.

– Где ты?

– Не знаю... наверное, в гостиной?

В *гостиной*? Гвен едва не рассмеялась. Не столько из-за абсурдности этого слова, сколько от того, как безмятежно и непринужденно прозвучал голос Розы. Гвен заметила Джоллин – та обходила разрушенную лестницу, скрестив руки на груди и наклонив голову, чтобы пробраться сквозь обломки. Их взгляды встретились, и девушки обменялись одинаковыми улыбками. Только Роза могла усмотреть на этой свалке гостиную.

Они пошли на голос Розы и обнаружили единственную комнату, где уцелели все четыре стены. По полу, покрытому толстым слоем пыли, грязи и крысиного помета, были разбросаны обломки старой мебели. Под стропилами семейство ласточек свило гнездо из веток, и пол внизу был густо забрызган белыми и серыми пятнами. Однако все обратили внимание на камин. В отличие от деревянных и гипсовых стен он, сложенный из плитняка, не поддавался разрушительному воздействию времени и выглядел почти нетронутым, даже красивым.

– Смотрите! – воскликнула Роза, поворачиваясь к остальным. В руках она держала железные каминные щипцы. – Я нашла их под рухлядь в углу. Мы можем развести огонь.

До сей минуты Гвен была почти уверена, что совершила самую большую в своей жизни ошибку, которая немногим отличалась от предыдущей – побега от Гру.

В свой первый день в Медфорде, исполнив наконец мечту матери, Гвен считала, что ей неслыханно повезло. Она не просто добралась до города, но и в тот же день получила работу. Гру взял ее поднощицей в «Гадкую голову», предоставил ей комнату и пропитание. В большой спальне с матрасами на полу, конечно, жили и другие девушки, поэтому монеты Гвен спрятала под половицей в маленькой комнатушке напротив – там, где стояла только одна кровать. Следовало бы сразу понять, что скрывается за мнимой добротой Гру. В северных краях она ни от кого не видела доброго к себе отношения. Гвен отличалась от этих людей, и чем дальше она продвигалась на север, тем чаще ловила на себе полные презрения взгляды. В день, когда она обнаружила, что *поднощица* – значит шлюха, Гвен попыталась уйти из трактира.

Гру избил ее.

После этого он не спускал с нее глаз, не давая даже приблизиться к открытой двери. Так продолжалось несколько недель, а потом Гру ослабил внимание и, проявив беспечность,

однажды оставил девушку одну в пивном зале при открытой двери. Гвен сбежала. Драгоценные монеты остались под половицей, но она вырвалась на свободу. По крайней мере, так она тогда думала.

Гвен бродила по городу в поисках работы, подачек, помощи, но повсюду сталкивалась лишь с равнодушием, а иногда и с неприкрытой ненавистью. Ее осыпали оскорблениями, она слышала в свой адрес только дурные слова, которыми обычно называли калианских простолюдинов. Прошло больше недели – она точно не знала, сколько, просто потеряла счет времени. Питаясь лишь объедками, найденными в кучах мусора и отбросов, Гвен вконец обессилела от усталости и голода. В глазах у нее двоилось, она едва держалась на ногах. Как и Хильда, она попыталась устроиться в другие бордели, но везде получила отказ. Тогда-то она поняла, что разговоры о Хильде вовсе не были досужими слухами. Гвен охватил ужас. Она осознала, что скоро умрет.

«Береги их, пока не поймешь, что иного выхода у тебя нет», – вспомнились ей слова таинственного незнакомца.

Трудно было представить более отчаянные обстоятельства, нежели те, в которых она сейчас оказалась. Видимо, пришло время воспользоваться монетами... вот только Гвен оставила их в трактире. Голод погнал ее обратно в «Гадкую голову». Пришлось рискнуть. Она знала, что незаметно пробраться внутрь ей едва ли удастся, и приготовилась к очередным побоям. Возможно, на сей раз Гру ее убьет, но выбора не было. На улице она все равно бы погибла.

К удивлению Гвен, Гру не только не убил ее, но даже пальцем не тронул. Он просто уставился на нее тяжелым взглядом и грустно покачал головой. Затем отправил девушку в постель и велел дать ей поесть – сначала суп, потом немного хлеба. Она говорила себе, что заберет монеты, когда поправится и окрепнет. Шли дни. Она ела и спала, спала и ела. К ней приходили другие девушки, обнимали ее, целовали и плакали, жалея ее и радуясь, что с ней все хорошо. Впервые со дня смерти матери Гвен почувствовала человеческое тепло и ощутила дружеское прикосновение. Она тоже расплакалась.

Вскоре появился и сам Гру.

– Я не обязан был брать тебя назад. Ты ведь это понимаешь? – сказал он, возвышаясь над ней, скрестив руки на груди. – Ты молодая и глупая, но может быть, теперь наконец увидишь мир таким, каков он есть. Никто тебе не поможет. Всем на тебя наплевать. Не знаю, что за ужасы ты себе навоображала обо мне и что ты обо мне слышала, но позволь сказать тебе вот что: большая их часть – правда. Человек я дурной, зато никогда не вру. Благородные, люди с хорошей репутацией – вот кто вечно врет. Плевать я хотел с высокой колокольни, кто что обо мне думает. Мне уже давно до этого нет дела. Так что можешь мне поверить, я не проронил бы и слезинки, если бы ты подохла, и твой побег не лишил меня сна. Однако, по правде говоря, с тобой я заработаю больше, чем без тебя, поэтому получается, что я единственный человек на свете, кому небезразлично, что с тобой произойдет. Я не стану запираить тебя, как раньше. И следить за тобой не буду. Захочешь уйти – уходи. Уходи и подыхай, как прочие. – Он повернулся и взялся за ручку двери. – С завтрашнего дня выходишь на работу.

Той ночью Гвен не спалось. Она могла бы забрать монеты и бежать. Но неделя на улице доказала, что в Медфорде перед ней закрыты все двери, кроме «Гадкой головы». Если она хочет выжить, придется вернуться на юг. Четырех монет вполне достаточно, чтобы добраться до Вернеса или даже до Калиса. Это на севере ее могут обвинить в колдовстве, но среди своих сограждан она могла бы зарабатывать гаданием и скопить небольшое состояние, как сделала ее мать.

Для этого требовалась самая малость – забыть о предсмертном желании матери.

Это ведь так просто... Чего стоит последняя воля покойной перед лицом грозившего Гвен рабства? Может, если бы мать знала... но в том-то и дело. Любой другой счел бы пророчества глупостью, эфемерными, детскими фантазиями, но Гвен с матерью знали, что это не

так. Иллиа бросила все. Отказалась от семьи, дома, от всей своей жизни, чтобы только доставить дочь в Медфорд, – и Гвен знала почему.

Ее матери все было наперед *известно*. Иллиа изучила руку Гвен и поняла, какую цену придется заплатить ее дочери. И все равно отправила ее сюда – заставила дать слово. Если не доверять собственной матери, то кому же тогда верить?

Кроме того, Гвен сама видела *его*. Она посмотрела в глаза того человека, поняла, кто он, и увидела истину. Что бы ни случилось, Гвен должна была оставаться в Медфорде, выжить любым путем. Ничто другое не имело значения: ни свобода, ни безопасность, ни достоинство, ни даже ее жизнь. Эти монеты предназначены для чего-то большего, а не для того, чтобы просто не умереть с голоду.

«Береги их, пока не поймешь, что иного выхода у тебя нет».

Наверное, настал момент, который он имел в виду. Но осень – не лучшее время для того, чтобы заявлять о своей независимости. Как жаль, что она заранее все не продумала, не выяснила, куда можно пойти, не подыскала настоящий дом, а не эту кучу сгнивших досок. Может, сегодня она спасла Джоллин от гибели – Стейн мог бы убить ее, но не исключено, что, уговорив девушек покинуть трактир, Гвен обрекла их всех на верную смерть.

Голос Розы, прозвучавший как музыка, вырвал Гвен из мрачных размышлений.

– Красиво, правда? – спросила девушка, указывая в сторону камина щипцами, которые держала наподобие меча. В ее голосе слышались мечтательные нотки. – Будет просто замечательно.

Гвен посмотрела на радостное лицо Розы и разрыдалась. Подойдя к маленькой девушке, она прижала ее к груди.

– Спасибо, – прошептала она.

Отстранившись, она заметила озадаченное выражение на лице Розы.

– Это всего лишь щипцы...

– Это начало. Раз у нас есть огонь, мы не замерзнем.

– Что мы будем есть? – спросила Эбби, глядя на птичий помет с гримасой отвращения.

– Я куплю нам еды, – ответила Гвен.

– Гру нам не продаст. – Джоллин уныло покачала головой. – И если он велит, никто в Нижнем квартале не станет с нами даже разговаривать.

Гвен кивнула.

– Купим все необходимое в Купеческом квартале. – Она осмотрелась. – Нам нужны одежда и кое-какие инструменты.

– Инструменты?

– Нужно будет привести дом в порядок.

– Какие инструменты? – спросила Этта. Из-за выбитых зубов это прозвучало как «инфтрументы». Она выглядела обеспокоенной, словно Гвен собиралась заставить их за один день починить фундамент.

– Метла бы не помешала, ты так не считаешь? Мы же не хотим спать в этой грязи.

– Мы не можем здесь оставаться, – заявила Джоллин.

Она уперла руки в бока, и от улыбок, которыми обменивались девушки, осталось лишь воспоминание.

До сих пор Гвен так ничего и не решила. Она не думала об отдаленном будущем, зная лишь, что они могут провести тут хотя бы одну ночь, но когда Джоллин сказала это – может быть, из-за того, *как* она это сказала, – Гвен приняла решение.

– Почему нет?

– Нам не позволят.

– *Кто* не позволит? – спросила Гвен.

– Город. Это не наш дом.

– А чей же?

– Я не знаю... но я знаю, что никто не позволит нам просто так здесь поселиться.

– А я и не собираюсь *просто так здесь поселиться*, – разозлилась Гвен. Она устала от того, что перед ней закрывались все двери. Возможно, Джоллин и права, но Гвен не желала сдаваться. Только не теперь, когда наконец мелькнул слабый проблеск надежды на то, что она сможет начать прокладывать в жизни собственную дорогу. В ее последующих словах было больше гнева, чем смысла. – Гру зарабатывал на нас целое состояние. Мы будем делать то же самое, прямо здесь, и нам не придется носить лохмотья. – Она посмотрела на свои покрытые грязью ноги. – И купим обувь, черт возьми!

Джоллин закатила глаза.

– Этим домом никто не пользуется, – напирала Гвен, будто Джоллин только что привела ей четкие аргументы. – Уже много лет. Какое людям до него дело?

– Это не важно. Есть определенные правила.

– Какие?

Джоллин пожала плечами.

– Откуда мне знать! Я всего лишь тупая шлюха.

– Мне надоели правила! – воскликнула Гвен. – Хочешь вернуться? Возвращайся! Уверена, Стейн все еще ждет тебя! Он ведь не за мной туда пришел. Ты забыла об этом? Гру пообещал ему тебя. Я могла бы сидеть внизу и слушать, как твоя голова бьется об пол в спальне. Хочешь превратиться в очередное кровавое пятно, которое Гру будет прятать от посетителей? Ты этого хочешь? Ну же! Ну?!

Джоллин молчала.

– Это я рискую своими четырьмя золотыми, – продолжала Гвен. – А Гру пообещал держать Стейна подальше от меня. Но не от тебя – о нет, не от вас всех. Он каждую из вас готов отдать ему. Почему бы и нет? Посмотрите, сколько он заработал на смерти Эйвон! Вы для него просто грязь, шлюхи, каких полно! Я хочу хоть что-то изменить в нашей жизни, пытаюсь спасти нас всех, а в ответ слышу только жалобы!

Гвен заметила, как у Джоллин подрагивает нижняя губа. Девушка тяжело дышала, втягивая носом воздух, ее грудь поднималась и опускалась вдвое быстрее обычного, глаза наполнились слезами. Все ее возражения объяснялись не капризами или злостью, а обыкновенным страхом. Ее охватил ужас по той же причине, по которой Гвен так рассчитывала на нее: из всех девушек Джоллин была самой рассудительной.

Гвен смягчилась.

– Все хорошо, – сказала она. Взяв Джоллин за руку, она сжала ее пальцы. – Все будет хорошо. Ты просто должна мне довериться.

– Но ты не знаешь, как заводят свое дело. Ты даже не знаешь, можем ли мы... разрешено ли это.

– Вообще-то я немного устала от *того, что разрешено*, – проворчала Гвен. – Мужчинам разрешено избивать и убивать нас, держать нас в рабстве и наживаться на нашем унижении. Ходить босиком и одеваться в лохмотья – вот что разрешено нам. Я устала. Меня от этого тошнит – до смерти, если на то пошло. Нас обучили одному ремеслу, которым мы можем зарабатывать на жизнь, значит, этим и займемся – по крайней мере пока. И мы сделаем это в Медфорде, потому что хорошо знаем этот город. У нас уже есть клиенты, готовые платить, и только один враг. Но ты права. Пока мы не знаем ничего из того, что нам нужно. Стало быть, придется узнать. Когда пойдем в Купеческий квартал, попытаюсь расспросить людей. Там все ведут дела, они нам и расскажут.

– Это будет стоить денег. *Много* денег, Гвен. Даже не представляю сколько.

Гвен подумала о золотых монетах, которые были спрятаны за лифом платья. Она всегда считала их целым состоянием, и каждая из них обладала волшебной силой, исполняющей желания, но хватит ли их?

– Почему бы нам и это не выяснить?

* * *

Город Медфорд был разделен на четыре части, даже пять, если считать королевский замок в центре, но это все равно что считать кость частью мяса. Никому не было пользы ни от замка, ни от короля. Дворянский квартал располагался у главных городских ворот на севере. В Купеческий квартал дворяне ходили за покупками и развлечениями, Ремесленный квартал выполнял главные работы в городе, а Нижний служил сточной канавой.

Гвен никогда надолго не покидала Нижний квартал. За его пределами запруженные телегами, лошадьми и людьми с корзинами на голове или плечах улицы были шире. До слуха Гвен доносились крики людей, визг свиней и непрекращающийся шум торговли. Всем нужно было куда-то, и все спешили. Никто не обращал внимания на нескольких босых, одетых в лохмотья женщин, которые двигались медленнее людского потока, не зная, куда идти. Когда их все же замечали, Гвен ловила на себе хмурые взгляды и усмешки.

Дама за прилавком магазина, торговавшего товарами из шерсти, вообще не удостоила Гвен взглядом, даже враждебным.

– Я бы хотела купить семь одеял, – сказала Гвен.

Женщина никак не отреагировала на ее слова.

– Вон те подойдут... – Гвен указала на стопку одеял, надеясь, что они окажутся самыми дешевыми в магазине.

И снова женщина повела себя так, будто Гвен не существует, не удосужилась даже поднять глаза.

– У меня есть деньги, – проговорила Гвен тихим голосом, уже зная, что это не имеет значения.

Она опустила голову, признав поражение, и отошла в сторону.

– Ну-ка дай мне кошелек, – шепнула Джоллин и подошла к прилавку.

– Что вам угодно? – спросила лавочница, одарив девушку любезной дежурной улыбкой.

– Сколько стоят вон те одеяла?

– Одно за семь динов, два за сес.

– Я дам вам три сеса за семь одеял.

– За три сеса вы можете приобрести шесть одеял.

– Три сеса и три дина за семь, – прищурилась Джоллин. – Неплохо звучит, правда?

– Три сеса и шесть динов звучит лучше.

– Три и пять.

Женщина кивнула и принесла одеяла. Джоллин вынула золотую монету. Лицо лавочницы выразило крайнее изумление. Когда она отсчитала сдачу, Джоллин вернула Гвен кошелек и передала одеяла остальным девушкам.

– У нее есть такие деньги? – Лавочница указала на Гвен.

– Да, у нее полно денег. Как жаль, что вы вели себя так грубо. Сегодня моя госпожа намерена сделать столько покупок, что не хватит нескольких тележек, чтобы все их погрузить. Но, разумеется, не в вашей лавке. Возможно, это вас кое-чему научит. Моя госпожа очень щедра с теми, кто понимает, что истинная красота внутри, и очень жестока с теми, у кого маленькое, черствое сердце и такие извращенные мозги, что...

– Джоллин! – рявкнула Гвен.

– Ах, как видите, моей госпоже не терпится покинуть вашу лавочку и найти место, где ее примут как полагается.

– Но я... – начала лавочница.

– Стерва? – сладко улыбнувшись, спросила Джоллин. – Кто бы спорил...

Девушка гордо вышла из магазина.

Гвен и остальные последовали за ней, смеясь и похлопывая Джоллин по спине. Затем Джоллин и Эбби отправились на поиски еды, а Мэй и Роза пошли за метлой. Остальные ждали вместе с Гвен под навесом гончарной лавки, наблюдая за прохожими. Первыми вернулись Мэй и Роза. Они так гордились своей покупкой, что по очереди подметали улицу. Гвен подумала, что это, наверное, первая вещь, которую они купили в жизни. Вскоре Джоллин и Эбби принесли сыр и хлеб.

– Это все? – спросила Гвен.

– Не уверена, что мы можем позволить себе что-либо еще, – сказала Джоллин.

– Да *сколько* же стоит еда? Мне казалось, должно хватить...

– Не в этом дело. Я разговорила с пекарем, и он сказал, что тебе нужно приобрести королевскую грамоту.

– Что? На еду?

– Нет... чтобы открыть свое дело. Он назвал ее свидетельством о разрешении или как-то так. Без нее свое дело открыть нельзя, иначе тебя арестуют.

– И как ее получить?

– Нужно пойти в приемную городского оценщика на Дворянской площади. Эти грамоты дорогие...

– Сколько?

– Он не знал. Пекарь сказал, что все зависит от рода деятельности. Мне кажется, у нас ничего не получится.

– Зачем же заранее думать о провале? Мы еще ничего не предприняли. Пока что давайте вернемся на постоянный двор, – вздохнула Гвен и добавила с раздражением: – Или существует закон, запрещающий девушкам есть хлеб с сыром в заброшенном крысятнике?

* * *

Когда они вернулись с покупками из Купеческого квартала на Кривую улицу, солнце уже село. Похолодало. Сколь бы ужасно ни выглядело полуразрушенное здание днем, темнота сделала его еще страшнее. В отличие от Купеческого квартала, где лавочники зажигали фонари перед магазинами, Нижний квартал полностью был погружен во тьму. На Кривой улице свет лился только из окон «Гадкой головы» и ложился на улицу растянутыми прямоугольниками. Гвен корила себя за то, что не добавила фонарь в список покупок, но этим можно будет заняться завтра.

Из трактира доносился звон стаканов и приглушенные звуки дудки, на которой играл Диззи. Символом чего была эта мелодия – свободы или изгнания? Трудно сказать... И на улице, и даже в развалинах здания все заглушал вой ветра, стучавшего ставнями и мучившего мертвые листья. Очертания бывшей гостиной едва различались в свете луны, обнажавшем различные дыры и бреши, через которые ветер насвистывал свою мелодию, куда более печальную, чем музыка Диззи.

Эбби и Этта принялись разводить огонь. Они склонились в темноте перед каменным очагом, словно заговорщицы. Гвен понятия не имела, зачем Гру вообще их держал, особенно Этту, которая за год не заработала ни медяка. Обе девушки проводили большую часть времени на кухне. Эбби – из-за своего крепкого, ширококостного телосложения, а теперешняя наружность Этты никак не подходила для их ремесла. Даже Гвен сомневалась, стоило ли брать

девушку с собой. Им нужно выжить, а Этта будет камнем на шее. Но оставь Гвен девушку в трактире, это породило бы обиду и со временем привело к большим проблемам. Сейчас главное – сделать так, чтобы все они чем-то занимались.

Чтобы выжить, ей нужно стать крепче, сильнее. Она посмотрела на огни трактира.

После встречи с человеком, вручившим ей золотые монеты, Гвен обнаружила, что способна увидеть чужую жизнь не только в его глазах. С тех пор она изредка проделывала это и с другими, требовалось лишь немного внимания. Ей приоткрывались фрагменты чужих жизней – редко приятные, – и сам процесс тяготил ее. Потом ей часто снились кошмары. Но за два года, проведенные в «Голове», Гвен ни разу не взглянула в глаза Гру. Не потому что боялась увидеть содеянное им зло, а потому что могла понять, почему он его совершил.

Среди развалин оказалось достаточно обломков досок, сухих листьев и веток, и какое-то время, хоть и недолго, в камине горел огонь. Совсем скоро, однако, они едва не задохнулись от дыма, и Гвен впервые обрадовалась, что в гостиной столько дыр.

– Что не так? – спросила откуда-то из темноты Мэй.

– Камин забит, – ответила Этта глухим голосом, как будто она говорила из печной трубы. – Кажется, тут везде гнезда и листья. Нет тяги.

– Что ж, больше не пытайся разжечь огонь, а не то нам придется спать на улице, – сказала Джоллин и демонстративно покашляла, чтобы доказать справедливость своих слов.

Ели девушки в полной темноте.

Гвен рассчитывала на веселый огонь и горячий ужин. Это могло бы хоть ненадолго преобразить постоянный двор, превратить его во что-то знакомое, что-то ободряющее. Вместо этого они, прижавшись друг к другу в поисках тепла в углу гостиной подальше от дыр, молча жевали хлеб с сыром, слушая призрачную песню ветра.

Джоллин повернулась к Гвен и тихо спросила:

– Думаешь, мы можем себе это позволить?

Ей нужно было подтверждение – Гвен слышала это в ее голосе.

– У нас все еще много денег. – Гвен отщипнула от хлеба, который они передавали по кругу.

– Но нужно будет привести дом в порядок. Как мы это сделаем? – спросила из темноты Эбби.

– Давайте сначала узнаем, сколько стоит это разрешение. – Гвен почувствовала, как ей в руки вложили лопот сыра.

Постепенно дым рассеялся, но запах гари остался. Ветер задул сильнее, и Гвен подумала, уж не предвещает ли это бурю. Воздух был холодным и влажным – видимо, к дождю. Этого только не хватало. Гвен смотрела на небо сквозь дыры в потолке. Девушки теснее прижались друг к другу, кутаясь в тонкие шерстяные одеяла.

– Что это вообще за место? – спросила Мэй.

Она целиком завернулась в одеяло, натянув его на голову, как капюшон. Мэй сидела рядом с Розой, девушки походили друг на друга, словно сестры, разве что у Мэй волосы были светлые, а у Розы каштановые.

– Раньше здесь был постоянный двор, – объяснила Джоллин.

– Что с ним произошло?

Джоллин пожала плечами, на миг показавшись в полосе лунного света, и снова исчезла во мраке.

– Я слышала... – начала Эбби.

– Ничего ты не слышала, – оборвала ее Джоллин.

– Но я...

– Говорю же, ты ничего не слышала.

– О чем вы? – насторожилась Мэй. – Чего она не слышала?

Розу, сидевшую между Мэй и Эттой, уже клонило в сон, но она моргнула и подняла голову.

– Это всего лишь слухи, – отмахнулась Джоллин.

– Что? – На сей раз вопрос задала Роза.

Джоллин бросила на Гвен извиняющийся взгляд.

– Поговаривают, что хозяин убил свою жену, – сказала она. – А потом ее призрак вернулся, чтобы отомстить.

Девушки испуганно начали вглядываться в изрезанную редкими пучками лунного света темноту, скрывавшую так много страшных тайн. Наверху время от времени раздавался стук. Гвен знала, что это грохочут ставни, но стук до ужаса напоминал звук, который издавала голова Эйвон, когда Стейн бил ею об пол. Откуда-то доносилось тихое царапанье... Что это: мышь, белка? А может быть, ногти покойницы?..

– Вот и молодчина! – заявила Роза так громко, что все уставились на нее. – Может, Эйвон так же поступит с Гру и Стейном.

Джоллин посмотрела на Гвен и улыбнулась.

Гвен улыбнулась в ответ.

– Может быть.

Глава седьмая

Колнора

Когда Адриан наконец добрался до города, заморосил мелкий дождик. От пирса, где заканчивался бечевник, вверх по склону каньона шла более широкая и куда более крутая тропа. Перед подъемом Адриан спешил и взял лошадь под уздцы. Несчастное животное весь день тянуло баржу, и он не хотел мучить его дополнительным весом на спине. Когда они достигли вершины, оба тяжело дышали. Из рта вырывались клубы пара, но скорее от влажности, нежели от холодного воздуха. Да и сами они уже не ощущали холода, приложив столько усилий для преодоления крутого подъема.

В городе улицы оказались вымощены неровным булыжником, что создавало при ходьбе определенные трудности. И все же это было лучше немощенной дороги, которая под дождем мгновенно превратилась бы в грязное месиво. Близился рассвет. В городе было много уличных фонарей, но ни один из них не горел. Редкие прохожие, оказавшиеся на улице в столь ранний час, шли медленно, время от времени позевывая и с негодованием поглядывая на небо. Колнора оправдывала свою репутацию самого крупного города всего Аврина, о чем свидетельствовало несметное число разбегавшихся во все стороны улиц и сотни самых разных домов и магазинов. На глаза Адриану попала лавка, где продавали только дамские шляпки. Как можно выжить, торгуя одними шляпами, он не мог понять, особенно если клиентуру составляют только женщины. В другой лавке продавались мужские тапочки – не сапоги, не ботинки, а тапочки! Адриан ни разу в жизни не надевал тапочек. «ОСТАВЬТЕ ГРЯЗЬ НА УЛИЦЕ!» – призывала вывеска над большой витриной. «Интересно, – подумал Адриан, – видел ли хозяин лавки когда-нибудь свою улицу?» Перед входом в магазин было идеально чисто. Адриан чувствовал себя призраком на кладбище или вором, залезшим в чужой особняк. Все здания и улицы тонули во мраке, ничто не нарушало тишины, кроме звонкого стука дождевых капель, падавших с крыш домов на каменную мостовую.

После тяжелого восхождения на гору Адриан окончательно выбился из сил. Сейчас ему больше всего хотелось найти постоянный двор, да пусть даже сухое крыльцо под крышей – что угодно, лишь бы не мокнуть под дождем и на несколько часов закрыть глаза. Заснуть ему, конечно, не удастся – в этом он был уверен. Его преследовало навязчивое видение – мертвая Вивиан. Он вспоминал и о других убитых, но именно она, лежавшая ничком на полу каюты в темной луже крови, постоянно возникала перед глазами. Согнутая рука, голова повернута так, что он не видел лица – хоть на том спасибо.

Он бродил по улицам. За ним, цокая копытами, следовала его огромная лошадь. От реки город поднимался вверх, будто его построили на вершине горы. Чем выше Адриан поднимался, тем красивее становились здания, и ему вспомнилось замечание Пиклза: «Все остальное бежит под гору, но золото течет наверх». Дома здесь были построены из обработанного камня, высотой в три-четыре этажа, со множеством застекленных окон, рельефными бронзовыми воротами и даже башенками, словно каждый дом являл собой замок в миниатюре. Адриан понятия не имел, что это за квартал, но чувствовал себя тут крайне неудобно. Ему никогда не доводилось видеть такой роскоши. Здесь имелись тротуары и канавки для стока дождевой воды, чтобы поддерживать чистоту на улице. *Улица.* Адриан усмехнулся. Слово «улица» не очень подходило для описания ведущих к вершине холма дорог. Это были красивые бульвары, вымощенные роскошным шлифованным камнем, вдвое шире любой обычной улицы. Ряды деревьев, садов и фонтанов образовывали по центру великолепные островки. Самым удивительным Адриану показалось полное отсутствие лошадиного навоза, и он предположил, что по ночам каменные плитки моют и полируют.

Он шел дальше, сворачивая наобум, разглядывая вывески в поисках подсказок. Добравшись до невысокой стены, он посмотрел вниз и понял, как высоко забрался. Далеко внизу протекала река, тонкая лента на дне каньона, а то, что он принял за крышу лодочного сарая, казалось не больше медного дина, если держать монетку на расстоянии вытянутой руки.

Убедившись, что на вершине он не найдет того, что ему нужно, Адриан спустился другим путем. Наконец он заметил вывеску с изображением короны и меча, которая висела на здании, похожем на оружейную башню замка, сложенную из крупных каменных блоков и увенчанную зубчатым парпетом на высоте двух этажей. Адриан привязал лошадь к столбу, поднялся на крыльцо и забарабанил в дверь у подножия башни. После четвертого удара он задумался, не достать ли большой меч – головку его рукояти можно было использовать как молоток, – но тут дверь открылась. На пороге стоял крепкий мускулистый мужчина со щетиной на разукрашенном свежими синяками лице. Он окинул Адриана сердитым взглядом опухших глаз.

– Чего надо?

– Вы из городской стражи? – спросил Адриан.

– Шериф Малет, – прохрипел тот в ответ.

– Совершенно убийство... даже несколько... на реке.

Малет мрачно посмотрел на улицу, оценивая погоду.

– Черт побери!

Он жестом пригласил Адриана в маленькую комнатку, где имелись печь, стол, смятая постель и столько мечей, щитов и прочих военных орудий, что их вполне хватило бы для вооружения небольшой армии.

– Вытри ноги и оставь лужу за дверью. – Малет был один. В руке он держал свечу, пламя которой освещало его лицо снизу, придавая ему гротескный вид каменной горгульи. Он поставил свечу на стол и уставился на Адриана. – Как звать?

– Адриан Блэкуотер.

– Блэкуотер – это где?

– Это не название местности.

Малет, одетый только в ночную сорочку, поднял с пола штаны. Присев на край стола из темного дерева, он сунул ноги в штанины.

– Тогда что это за ремесло?

– Это просто фамилия. Она ничего не значит.

Малет устало и мрачно посмотрел на Адриана.

– И к чему она мне, если она ничего о тебе не говорит?

– Почему бы вам не называть меня просто Адрианом?

– Так и сделаю. – Он встал и застегнул штаны. – Откуда ты, Адриан?

– Изначально из Хинтиндара... Это маленькая деревушка к югу отсюда, в Ренидде.

– Изначально? Это еще что значит? Ты недавно переродился где-то в другом месте?

– Нет. Я просто имел в виду, что много лет там не был.

– Много лет? По твоему виду не скажешь, что ты прожил на свете много лет. – Шериф перевел взгляд на мечи. – Много железа таскаешь, Адриан. Ты, случайно, не оружейных дел мастер?

– Мой отец был кузнецом.

– А ты сам нет?

– Послушайте, я пришел сюда, чтобы доложить об убийствах. Хотите об этом послушать?

Малет почмокал губами.

– Ты знаешь, где сейчас убийца?

– Нет.

– Трупы могут встать и уйти?

– Нет.

– Тогда куда торопиться?

– Понимаете, я немного устал...

Малет вскинул кустистые брови.

– Правда? Как же мне тебя жалко! Знаешь, я тоже слегка вымотался. Весь день угробил на то, чтобы предотвратить кровавую бойню на западной стороне, потому что какой-то недоумок плюнул не туда. Двое моих парней заполучили ножевые ранения в качестве сувениров. А всего несколько часов назад мне врезали по носу, пока я вытаскивал двух пьянчуг из трактира «Серая мышь», которым вздумалось разнести его в пух и прах, потому что они решили, что это будет занятно. И только я рухнул в постель, какой-то мерзавец стал колотить по моей двери, видите ли, не мог дождаться утра. Спал я всего ничего, и башка трещит так же, как когда я лег. Это ведь не я стучался к тебе домой, а, Адриан? Вот и не хнычь мне тут, что устал. – Шериф повернулся к печке. – Кофе будешь?

– Разве вы не хотите увидеть тела?

Малет вздохнул и потер переносицу.

– Они там, снаружи? На улице?

– Нет, на реке, милях в трех отсюда, наверное.

– Тогда нет, я не хочу увидеть тела.

– Почему?

Шериф бросил через плечо взгляд, полный недоверия и раздражения.

– Темно, идет дождь, и я не собираюсь тащиться вниз по грязному спуску до восхода солнца. Поверь моему опыту, мертвецы – народ терпеливый. Не думаю, что они не смогут подождать пару часов, а? Так ты будешь кофе или нет?

– Буду.

– Хорошо. – Он принялся запихивать в печь поленья, сложенные рядом с ней. – Давай, рассказывай свою историю.

Адриан сел за маленький стол и пересказал события последних нескольких дней, пока шериф готовил кофе и одевался. Когда Малет закончил оба эти дела, в окне, за которым раньше была сплошная чернота, проявилась мокрая улица в тусклом размытом свете.

– И эта баржа стоит в трех милях вниз по реке возле бечевника? – спросил шериф, присаживаясь напротив Адриана у окна и держа железную кружку у себя под носом.

– Да, я привязал ее перед тем, как идти сюда. – Кофе оказался горьким и гораздо слабее того, к которому привык Адриан. В Калисе кофе легко можно было найти в каждом доме, но в Аврине он был редкой и, как счел Адриан, дорогой роскошью.

– И раньше ты ни с кем из этих людей знаком не был?

– Нет, сэр.

– И в Колноре никогда не бывал?

– Нет, сэр.

– И ты утверждаешь, что парень в черном плаще с капюшоном убил всех на лодке, а также троих в Вернесе, а затем просто испарился?

– Да.

– Так скажи мне, Адриан, как тебе-то удалось выжить?

– Ну, наверное, потому что я один был вооружен. К тому же я вообще не ложился спать. Вот почему мне бы хотелось поскорее с этим разобраться.

– Ага. А как же этому парню удалось убить всех на крошечной барже, а ты этого не видел? Ты ведь не видел? Он перерезал всех этих людей, включая женщину, с которой ты был – эту Вивиан, – а затем сбежал, и ты даже не видел, как он плыл к берегу?

– Я не знаю, как он это сделал.

– Ага. – Шериф громко отхлебнул кофе. – Говоришь, ты не кузнец... Кто же ты, Адриан?

– В данный момент никто.

- Стало быть, ищешь работу?
- Скоро начну искать. Пока что я еду в Шеридан.
- В университет? Зачем?
- Друг нашей семьи сообщил, что скончался мой отец, и просил меня приехать.
- Я думал, ты родом из Хинтиндара.
- Так и есть.
- Но твой отец умер в Шеридане?
- Нет, он умер в Хинтиндаре... наверное. Но его друг живет в Шеридане. Он должен мне кое-что отдать.
- А откуда у тебя мечи?
- Я был солдатом.
- Дезертир?
- Почему вы меня допрашиваете? – возмутился Адриан.
- Потому что ты явился сюда с рассказом о том, как ты один выжил после массовых убийств, стало быть, ты очевидный подозреваемый.
- Если бы я их убил, разве пришел бы к вам? Почему бы мне просто не скрыться?
- Может, в том и дело. Может, ты считаешь, что если повесишь убийства на Вихря, я не стану тебя подозревать.
- Кто такой Вихрь?
- Шериф недоверчиво усмехнулся и сделал еще глоток.
- Я должен его знать? – спросил Адриан. – Представьте себе, я не знаю...
- Малет смерил его озадаченным взглядом. Затем, приподняв брови, с тихим стуком поставил кружку на стол.
- Год назад, прошлым летом, по городу прокатилась волна на редкость жестоких убийств, совершенных человеком по кличке Вихрь. Судью, адвокатов, купцов, кое-кого из моих ребят и нескольких бунтарей с сомнительной репутацией порезали и подвесили, как украшения. Каждое утро появлялись новые украшения, жутковатые произведения искусства. Опасность грозила всем. Убивали даже членов «Черного алмаза». Это продолжалось все лето. Улицы опустели, народ был так напуган, что боялся нос из дома высунуть. Страдала торговля, и каждый проклятый купец обзывал меня самыми разными словечками.
- И все это из-за одного человека?
- Ходили такие слухи...
- Вы его так и не поймали?
- Нет. Однажды убийства просто прекратились. И с тех пор горожане каждый день возносят хвалу Новрону и Марибору. Так что можешь понять, почему мне не очень приятно выслушивать твою историю.
- С чего вы взяли, что это тот же самый человек?
- Шериф пожал плечами.
- Убийцу мало кто видел, но свидетели говорили, он носил черный плащ с капюшоном. Малет выглянул в окно, допил остатки кофе и снял с крючка плащ.
- Ладно, пошли посмотрим, что ты оставил на реке.

* * *

Лил дождь. Они ехали верхом по скользкому бечевнику, где раскисшую землю прорезали сотни грязных ручейков. Теперь Адриан понял, почему Малет не хотел спускаться к реке до рассвета. С каменистых стен каньона на тропу обрушивались десятки настоящих водопадов. От более мощных путников защищали деревянные навесы, которые Адриан не заметил в темноте. Их можно было обойти. Другие же так затрудняли продвижение, что приходилось то и дело

спешиваться и вести лошадей под уздцы. Адриан все еще был одет в свою калианскую льняную одежду, он вымок до нитки и дрожал от гулявшего по ущелью ледяного ветра.

По узкому бечевнику невозможно было ехать рядом, и Адриан шел первым. Он чуть замедлил ход, а потом и вовсе остановился.

– Что-то не так? – спросил шериф.

– Да. Это то самое место. Она была здесь.

– Баржа?

– Да.

Малет пустил свою лошадь, изможденную гнедую кобылу с жиденькой черной гривой, по кругу.

– Я думал, ты ее пришвартовал.

– Так и было. Прямо здесь. – Адриан соскочил с лошади в грязь.

Он посмотрел вниз по реке и не увидел ничего, похожего на баржу.

– Ну... наверное, течение стало сильнее, и канат развязался. – Он нашел дерево, к которому пришвартовал баржу, и увидел слабую отметину, но ничего, что хотя бы отдаленно напоминало след от веревки.

Малет поджал губы и кивнул.

– Все может быть.

Адриан осмотрел бечевник в поисках каната, крепившегося к упряжи, но он тоже исчез. Еще больше его беспокоило отсутствие лошадиных хомутов и второй кобылы. Не осталось ничего. Он прошел дальше по тропе до небольшой излучины, откуда хорошо обозревалась река. Баржу он так и не увидел.

– Пойдем-ка обратно и поговорим с Беннетом на погрузочной платформе, – сказал Малет, когда Адриан вернулся. – Интересно, что он думает о пропаже своей лодки.

Адриан кивнул.

Между стенами каньона за причалом виднелась деревянная постройка, своей красотой не уступавшая убогой хижине шахтера, но удлиненной формы, как у лодочного сарая. На крыше красовалась вывеска: «ГРУЗОВЫЕ И ПАССАЖИРСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ КОЛНОРА – ВЕР-НЕС».

– Закрыто! Уходите! – раздался голос, когда Малет постучал в дверь.

– Открывай, Билли, – сказал Малет. – Нам нужно поговорить о барже, которая должна была прийти сегодня.

Дверь приоткрылась, и выглянул низкорослый лысый мужчина.

– Что... кто?

– Баржа, которую ты ожидал утром... она не придет. Если верить этому парню, – Малет кивком указал на Адриана, – там всех попереубивали.

Старик прищурился.

– Вы о чем? Какая баржа?

– Что значит «какая баржа»?

– Я не ждал сегодня никакой баржи. Следующая баржа через три дня.

– Да ну? – удивился Малет.

– Честное слово, – ответил Беннет, потирая рукава.

– На тебя работает штурман по имени Фарлан? – спросил шериф. – Это твой рулевой?

Беннет покачал головой.

– Никогда о таком не слышал.

– Может, он на кого другого работает, ты не знаешь? А может, сам по себе, независимый?

Беннет снова покачал головой.

– А коновод? Есть у тебя человек по имени Эндрю?

– И о нем никогда не слышал.

Малет снова повернулся к Адриану. Вид у шерифа был весьма недовольный.

– А вот эта лошадь? – спросил Адриан, похлопав кобылу, которую он считал Гертрудой.

– А что с ней? – удивился Беннет.

– Это одна из лошадей, тянувших баржу.

– Это твоя лошадь? – обратился шериф к Беннету.

Лысый мужчина вытянул шею. На него попало немного воды, и он снова отступил под крышу. Утеревшись рукавом, он скривился и сказал:

– Никогда прежде не видал эту лошадь.

– Но как же ювелиры? – Адриан повернулся к Малету. Ему с трудом удавалось держать себя в руках. Из-за всей этой истории он выглядел сумасшедшим. Хуже того, он и сам начинал сомневаться в здравости своего рассудка. – Вы что-нибудь слышали о скором открытии новых ювелирных лавок?

Малет сверлил Адриана взглядом, с кончика носа у него стекала дождевая вода.

– Нет, не слышал. А ты, Беннет?

– Да что-то не припомню...

– Ладно, Билли, прости, что разбудили тебя. Можешь спать дальше.

Мужчина закрыл дверь, не сказав на прощание ни слова.

Взгляд шерифа стал жестче.

– Ты говорил, что едешь в Шеридан, верно?

Адриан кивнул.

– Мой тебе совет: отправляйся в путь сейчас же, пока я не начал всерьез размышлять, какого черта ты разбудил меня затемно и вытащил под этот мерзкий ливень. Не будь я таким усталым и не выгляди ты столь же погано, как я сам, бросил бы тебя в тюрьму за неоправданное беспокойство.

Адриан смотрел, как шериф, ворча, поднимается обратно по склону. Он пытался найти этому загадочному происшествию хоть какое-то объяснение, но все его старания ни к чему не привели.

Глава восьмая

Медфордский дом

Стоя в очереди на улице перед приемной городского оценщика, Гвен и Роза вымокли до нитки. Даже под проливным дождем Дворянский квартал выглядел красиво. Вода сбегала по каменным тротуарам и исчезала в зарешеченной канализации. Здесь не было грязи; все дороги были вымощены гладким камнем, а вдоль них выстроились высокие красивые дома.

– Наш дом будет выглядеть вот так? – спросила Роза у Гвен.

С мокрыми, зачесанными назад волосами девушка походила на ласку. Она указывала на большое здание через дорогу. Красивый зеленовато-голубой дом окружала невысокая ажурная ограда. Большую часть фронтона занимало большое декоративное окно. С одной стороны возвышалась квадратная башня, на целый этаж выше остального дома, благодаря чему он становился похож на замок. Полукруглое крыльцо с крышей и белыми колоннами опоясывало фасад дома, придавая ему цветистый, женственный вид.

– Если мы так отделаем старый постоялый двор, – сказала Гвен, – констебль велит сжечь нас на костре за колдовство.

– У нас получится. Я знаю, что получится, – уверенно сказала Роза.

Гвен слабо улыбнулась:

– Что ж, посмотрим. Мы пока живы.

Сегодняшним утром она не могла предложить более ободряющих слов. Дождь еще более испортил настроение. Девушки провели ночь в холоде, на рассвете начался ледяной ливень, от которого не спасали дырявые стены бывшего постоялого двора. Лица у всех побелели, губы приобрели синеватый оттенок, а зубы не переставали стучать. Гвен заставила их работать. Мэй подметала пол новой метлой, но с таким же успехом можно было пытаться очистить поле от грязи. Несмотря на дождь, несколько человек из тех, кто доставлял товары в «Голову», остановились посмотреть на них. Хотя это было безумное занятие, работа согревала девушек и не позволяла Гвен кричать.

Она оставила Джоллин за главную и на Дворянскую площадь взяла с собой Розу. Она боялась, что без волшебного разрешения Итан выгонит их, поэтому хотела одной из первых утром встать в очередь. Дождь и в самом деле помог им. В такую непогоду Итану, должно быть, не хотелось совершать обход. Гвен не знала, что потребуется для того, чтобы получить грамоту, и надеялась лишь, что это не слишком дорого.

– Следующий! – Мужчина в длиннополом пальто ударил посохом по деревянному крыльцу.

Гвен схватила Розу за руку и затащила девушку внутрь.

Мир тут же погрузился в тишину. Шум ливня напоминал теперь отдаленный гул, грохот повозок остался снаружи, а внутри царило молчание. За большим столом сидел пожилой мужчина в камзоле с накрахмаленным воротником. Позади него, не произнося ни слова, сновали туда-сюда четверо молодых людей, сортировавших стопки пергамента и книг без переплета.

По другую сторону стола стула не было.

– Я смотрю, дождь все еще идет, – сказал старик.

– Да, сэр, – ответила Гвен и быстро присела в реверансе, как учила ее мать. Она не делала этого много лет и чувствовала себя неловко.

– Чем могу помочь? – Вопрос застал Гвен врасплох. Она была готова к тому, что здесь к ней отнесутся так же, как в лавке шерстяных изделий: прогонят, оскорбят или вообще не заметят. Потому-то она и взяла с собой Розу, посчитав, что никто не сможет сказать «нет», глядя в большие, круглые глаза девушки, но старик даже не смотрел в сторону Розы.

– Э... На Кривой улице, – пролепетала Гвен, – в Нижнем квартале напротив трактира и пивной «Гадкая голова» есть заброшенное здание. Я...

– Постойте. – Старик отклонился назад и бросил взгляд через плечо. – НК, квадрат номер четырнадцать, – крикнул он. Один из молодых людей подбежал к полке и начал рыться в пергаменте.

– Я... – снова заговорила Гвен, но оценщик поднял руку.

– Подождите, пока я не увижу, о чем мы говорим. Медфорд – город большой, нельзя ожидать, что я помню каждый его уголок, особенно такой маленький, как квадрат номер четырнадцать в НК. Там мало что происходит.

Гвен кивнула. Вода стекала со лба ей в глаза, но она не решалась вытереть лицо, не будучи уверенной, что это позволяют приличия, и только часто моргала. Удивительно, насколько громким может быть звук капель, падающих с одежды, в полной тишине.

– Вы ведь не из этих мест? – спросил оценщик.

– Я родилась в Калисе.

– Это я вижу. Как вас зовут?

– Гвен ДеЛэнси.

– Ага. А кто это с вами? Не сестра. – Он кривовато улыбнулся.

– Нет. Это Роза.

– Откуда вы будете?

Роза очаровательно улыбнулась. Она превосходно справлялась с отведенной ей ролью – именно потому, что не играла.

– Я родом из Холодной лощины, это между Королевской дорогой и...

– Я знаю, где это.

– Мы... – Гвен помедлила, – деловые партнеры.

– Правда? Молодые девушки редко ведут дела.

– Мы в этом отношении необычны.

– Действительно.

Клерк положил стопку пергаментных листов на стол перед оценщиком. Тот стал осторожно их просматривать.

– Вы говорите о лоте четыре – шестьдесят восемь. Постоялый двор «Заблудший путник».

– Это больше не постоялый двор... просто куча полусгнивших досок.

Оценщик кивнул.

– Теперь понятно, почему с этого лота вот уже... восемь лет семь месяцев и шесть дней не поступали налоги. Что вам там нужно?

– Я бы хотела купить его, – сказала Гвен.

– Купить? – удивился оценщик.

– Да.

– Вы не можете его *купить*.

Спина Гвен ссутулилась. Его слова прозвучали весьма категорично.

– Но им никто не пользуется, – попыталась возразить она.

– Это не имеет значения. Вся земля в королевстве Меленгар находится в собственности его величества. Он не расстанется ни с одной ее частью – никогда. Так что если у вас нет армии, которая может вторгнуться сюда и удерживать... – он снова посмотрел на пергамент, – лот четыре – шестьдесят восемь силой, он остается владением короля.

– Но постойте... а как же «Гадкая голова» напротив? Ведь ею владеет Рэйнор Гру.

Старик со вздохом покачал головой.

– Я только что вам сказал: все в этом королевстве принадлежит королю. Рэйнор Гру не владелец... – оценщик снова посмотрел на пергамент, – лота четыре – шестьдесят семь. Ему всего лишь дана привилегия держать на этом месте трактир и пивную.

– *Привилегия?* То есть разрешение?

– Королевское свидетельство о разрешении.

– Тогда я хочу такое же.

– Какое дело вы намерены там открыть?

– Бордель.

Оценщик наклонил голову и пристально посмотрел сначала на Гвен, потом на Розу.

– Ясно.

– Это нельзя?

– У вас есть родственники в Холодной лошине? – обратился он к Розе.

– Да, – ответила Роза. – Мама... я ее там похоронила в прошлом году.

– А отец?

– Будь у меня отец, наверное, и мама до сих пор была бы.

Мужчина кивнул. Лицо его приобрело серьезное выражение.

– А у вас? – спросил он у Гвен.

– Мои родители тоже мертвы. Поэтому нам нужно открыть дело.

Старик поджал губы и покачал головой.

– Свидетельство будет стоить вам два золотых тенента плюс регистрационный сбор в размере восемнадцати медных динов. У вас есть такие деньги?

– Ах... да. Да, есть! – радостно воскликнула Гвен. – *Всего два!*

Оценщик, казалось, удивился и одарил ее легкой улыбкой. Он взял пергамент и, обмакнув перо в чернила, начал писать.

– С момента выдачи свидетельства вы облагаетесь налогом относительно вашего дохода. Если вы не сумеете ничего заработать в течение шести месяцев с момента выдачи свидетельства или же не сумеете заплатить требуемые налоги в течение одного месяца после последней оценки, которая далее будет проводиться дважды в год, вы будете выселены без компенсации вложений. – Он говорил быстрым речитативом, в котором слышалась скука. – У вас имеются при себе два тенента и восемнадцать динов?

– О... да. – Гвен вытащила кошелек из-за лифа.

– Свидетельство будет действительно в течение одного года. По прошествии этого срока вам нужно будет приобрести новое.

– Мы можем поселиться там прямо сейчас – сегодня, так?

– Вы можете делать что угодно до тех пор, пока это законно, не угрожает безопасности города и королевства, обеспечивает облагаемый налогом доход и одобрено королем.

– Король нанесет нам визит? – изумленно спросила Гвен.

Оценщик поднял голову и усмехнулся.

– Нет. Его величество не станет наносить вам визит. Но кто-нибудь из купеческой гильдии Нижнего квартала непременно явится с проверкой.

– И если он одобрит то, что мы делаем, мы сможем оставить здание себе? – Гвен протянула монеты.

– Вы сможете *использовать* его, – поправил старик. – Помните, что любые изменения, выполненные на этом месте, становятся собственностью короля, а ваше свидетельство может быть в любой момент отозвано королевским указом.

Гвен быстро убрала монеты.

– Что это значит?

– Если король захочет, он может вас выгнать.

Девушка нахмурилась.

Старик наклонился вперед.

– Будьте успешны, но не *слишком*.

Гвен кивнула так, словно поняла его слова, и вручила ему монеты, чувствуя смесь облегчения и ужаса. Она приобрела дом для них всех. И только что отдала большую часть имевшихся у них денег в обмен на разрушенную лачугу.

* * *

– Дом наш, – сообщила Гвен девушкам, когда они с Розой вернулись.

Все еще лил дождь, но Гвен уже не обращала на него внимания. Дом принадлежал им, весь, до последней гниющей балки! Стало теплее, а непрекращавшийся дождь Гвен посчитала преимуществом. Из-за ливня многие люди, в том числе и Итан, останутся дома. Пока дом не отремонтирован, девушки будут уязвимы, словно мыши в открытом поле. Дождь очень мешал им, но он сдерживал ястребов, давая время вырыть норку. Щенки, котята, уточки, а теперь вот мыши – она и сама не могла понять, почему все время сравнивает девушек с маленькими зверьками, разве что они были такими же милыми, хотя часто становились обузой.

– Через несколько дней к нам зайдет человек, и если он одобрит, все это станет нашим.

– Все это? – кисло спросила Джоллин.

В отсутствие Розы и Гвен девушки смогли вычистить только небольшую часть мусора и закрыть дыры полусгнившими досками. Ветер гулял на улице, дождь перестал заливать гостиную, но дом так и оставался свалкой старой рухляди со сломанными стенами.

– Все будет выглядеть лучше, – заверила их Роза. – Просто нужно сделать ремонт.

– Сегодня будет холодно и мокро, – сказала Мэй. – Можно подметать сколько угодно, но это не поможет.

Гвен кивнула.

– Надо до темноты расчистить печную трубу и камин. Сожжем обломки дерева, чтобы убрать лишний мусор. У меня осталось немного денег, хватит на покупку древесины, но нужно использовать все, что сможем.

– Мы не разбираемся в плотницком деле. – Этта шмыгнула носом. – Мы ни за что не сможем это отремонтировать.

– Мы с Эбби пытались сдвинуть те балки, что побольше. – Кристи указала на огромную балку, которая, упав, перегородила лестницу. – Не вышло.

– Нам понадобится помощь. – Гвен медленно кивала, внимательно разглядывая развалины.

– Никто нам не поможет, – сказала Джоллин. – Никому нет дела до кучки беглых шлюх, которым не хватило ума уйти куда-нибудь подальше, а не на другую сторону мерзкой улицы.

Гвен в который раз порадовалась дождю, который своим грохотом заполнил повисшую тишину. Пришло время принять серьезное решение. Вчера они покинули заведение Гру, руководствуясь исключительно страхом. Ни у кого не было времени все обдумать. Проведя целый день в холоде, занимаясь физической работой после того, как всю жизнь зарабатывали деньги лежа на спине, и предвидя очередную холодную и мокрую ночь, они наконец получили возможность как следует обдумать ситуацию.

Гвен не сделала ничего, чтобы дать им уверенность или надежду на будущее. Она лишь выбрала место для ночлега и купила немного еды и тонкие одеяла. Прямо напротив «Гадкая голова» навевала мысли о тепле. У Гвен были только идеи и планы, но что значат идеи по сравнению с сухими постелями?

– Нам нужен кто-нибудь сильный, – подала голос Роза. – Тот, кто станет работать за денежку.

«Благослови ее Марибор», – подумала Гвен и добавила:

– Или бесплатно.

– Размечтались! – Джоллин села на деревянную ступеньку лестницы, которая вела в никуда, оканчиваясь кучей деревянных щепок. – Почему бы нам просто не встать на колени и помолиться о том, чтобы кончились все наши беды? Успех будет тот же.

– Посмотрим, – сказала Гвен. – Проследи, чтобы все начали расчищать печную трубу и убрали мусор подальше от камина, а я пойду посмотрю, что можно сделать.

– Гвен собирается превратить это место в дворец, – мечтательно проговорила Роза.

Поначалу ее слова прозвучали как жестокая шутка, но сказано это было без малейшего намека на юмор.

– Мы видели дом на Дворянской площади, – безмятежно продолжала Роза, – и мы собираемся сделать наш таким же. Какой это был дом! С башенкой... и все такое.

Гвен грустно улыбнулась. Тот дом наверняка принадлежал барону или капитану дальнего плавания. Он, должно быть, стоил несколько сундуков золотых слитков, а может, даже милостей со стороны дворянства. У них не осталось ничего, кроме одной золотой монеты и денег, накопленных каждой из них за всю жизнь, а это было несколько динов и сесов. Прекрасная мечта, но неосуществимая. Роза, как все невинные люди, верила в невозможное.

– Медфордский дом, – сказала Роза.

– Что? – спросила Джоллин.

– Мы назовем его Медфордский дом. Можно, Гвен? Это будет лучшее заведение в городе.

Никто не рассмеялся. А следовало бы. Джоллин первой должна была хохотать до слез и колик, но она молчала.

– Пусть будет Медфордский дом, – согласилась Гвен. – Но прежде здесь нужно прибратся. Мы должны открыть наше заведение как можно скорее.

– Как думаешь, сколько у нас времени? – спросила Мэй.

– Не знаю. – Гвен смотрела на проливной дождь, из-за которого лужи на улице казались кипящей водой. – Девочки, помогите Джоллин. Я вернусь через несколько минут.

Гвен покинула убогое укрытие в развалинах постоянного двора и снова вышла под ливень.

В отличие от Дворянского квартала, на Кривой улице не было зарешеченных стоков, и в такие дни, как этот, она всегда превращалась в темно-бурый пруд. Если дождь не прекратится в ближайшее время, вода поднимется выше уровня грязной сточной канавы, и улицы затопит смесь лошадиного навоза и мочи пьяниц.

Вымокнув до нитки, Гвен даже не пыталась прикрыть голову или пройти по сухим местам. Она шлепала по лужам, поднимая волны, и, несмотря на отчаянную неопределенность и даже опасность теперешнего их положения, испытывала небывалое до сей поры радостное чувство. Она впервые шла по Кривой улице, не ощущая себя так, будто ее засасывает вонючая сточная канава. Теперь ее ничто не сковывало, кроме рамок, которые она сама установила. Она могла пойти куда вздумается и оставаться там столько сколько пожелает. Неожиданно улыбнувшись, Гвен прыгнула в самую большую лужу и с удовольствием прошлепала по ней.

Миновав общественный колодец, она оказалась возле сломанной телеги Диксона. Сам Диксон, оперевшись локтями в колени и положив подбородок на руки, сидел рядом. По его лицу стекала вода, словно он был скульптурой в фонтане.

Гвен опустилась рядом с ним прямо в грязную лужу. С минуту она молчала, затем сказала:

– Хороший день для того, чтобы созерцать телегу.

Диксон повернул голову и посмотрел на нее. С полы его шляпы обрушился целый водопад.

– Я тоже так решил, – мрачно ответил возчик.

– Послушай, я знаю, ты человек занятой, но видишь вон то старое здание? – Она указала на бывший постоянный двор. – Мы с девочками, которые раньше работали в «Гадкой голове», собираемся его отремонтировать.

– Да ну? А я смотрю, гадаю, что вы задумали. Собираетесь там что-то устроить?

– Хотим открыть бордель.

– Неплохо...

– Знаешь, мы скоро собираемся ужинать. Может, даже будет что-нибудь горячее, если удастся прочистить камин. – Гвен пожала плечами. – Ужин небогатый, сам понимаешь, но если разведем огонь – это уже что-то, да?

– Звучит здорово.

– Мы бы хотели пригласить тебя составить нам компанию.

– Меня? – удивленно спросил Диксон.

– Надеяться особо не на что. Даже хлеб промок.

– Как ни странно, именно такой хлеб я и люблю.

– Значит, придешь?

Он опустил голову, сливая со шляпы накопившуюся там воду.

– У меня ни гроша за душой, Гвен. Честно говоря, будь у меня монетка, я бы ее подбросил, чтобы решить, что мне купить: еду или выпивку. Бутылка крепкого алкоголя кажется самым разумным решением. Еда лишь продлевает страдания.

– Нам не нужны твои деньги. Мы пока не работаем. Я просто приглашаю тебя поужинать, вот и все. – Гвен смахнула с лица мокрые волосы. – Вернее, это не совсем правда. Я бы хотела предложить тебе работу.

– Какую работу?

– Каторжную. – Она не видела смысла лгать. – У нас осталось немного монет на провизию, и если мы сможем немного прибраться в доме – обустроить пару комнат, купить кровати, – то сумеем заработать еще денег. – Задумавшись на мгновение, Гвен рассмеялась. – Роза хочет превратить этот дом в дворец. Сделать его изящным и красивым, как здания на Дворянской площади. Она хочет назвать его Медфордским домом и надеется, что он станет лучшим борделем в городе.

– Мы ведь говорим о старом постоялом дворе? О том, на который ты сейчас указала – который заваливается, словно пьяница, и пытается опереться на соседний трактир?

– О нем самом.

– Ты знаешь, что тебе понадобится разрешение, а оно стоит...

– Я его уже получила.

Диксон удивленно раскрыл глаза.

– Правда?

– Да, сэр, честное слово! – Она похлопала себя по груди, где хранила свою копию свидетельства. – Всего час назад его подписал городской оценщик. – Гвен покивала и улыбнулась. – Может, сейчас дом ничего собой и не представляет и, наверное, никогда не станет таким роскошным, как мечтает Роза, но это уже что-то.

– А я тебе зачем?

– Ты когда-нибудь видел Мэй?

– Худенькая такая, да?

– Размером с певчую птичку. Ты когда-нибудь видел, как певчая птичка поднимает грубо вытесанную дубовую балку и закидывает ее на плечо?

– Не сказал бы.

– И не увидишь. – Она коснулась его руки. – Для такой работы нужен бык.

– Ты хочешь, чтобы я помог тебе построить дом?

– Я хочу, чтобы ты помог мне построить *Дом*.

Диксон улыбнулся.

– А то, что я уже неделю не могу починить свою телегу, не заставит тебя передумать?

– Если встретишь хорошего плотника, готового работать за кусок размокшего хлеба, пожалуйста, укажи мне на него. А пока я готова довольствоваться просто сильной спиной.

– Это у меня есть.

– Могу я передать дамам, что ты зайдешь в гости?

Диксон посмотрел на телегу так, словно это было тело покойника.

– Если у тебя есть веревка, я могу прочистить ваш камин.

– Попробую достать веревку.

– Не покупай. Одолжи у Генри Рыбака в южных доках. Она ему сегодня не нужна. Скажи, что это для меня. Он... – Диксон посмотрел на нее и усмехнулся. – Давай-ка я лучше сам схожу.

– Как сочтешь нужным.

– Женщине с твоей внешностью не стоит тащиться через весь город и искать в пивной угрюмого рыбака. – Возчик внимательно посмотрел на нее и покачал головой.

– Что? – не поняла Гвен.

– Ты красивая, Гвен.

– Спасибо, Диксон.

– Я только хотел сказать, что никто никогда не примет тебя за мужчину.

– Не думаю, чтобы кто-то когда-либо принимал.

– Начнут, если и дальше будешь так себя вести. Я вот на секунду решил, что разговариваю с женщиной.

– Для женщины моего ремесла это дурные новости.

– А как, по-твоему, я себя чувствую? Только что получил новую работу и вдруг выяснил, что ослеп.

– Главное, чтобы не оглох и не онемел.

– Ничего не могу обещать. Получишь меня таким, каков есть.

– Сойдет.

* * *

Гвен отправилась с Диксоном к Генри Рыбаку. Генри работал на лодке, расставляя сети на реке Галевир, а затем продавал улов в рыболовные хозяйства Риверсайда. Здесь же он держал лодку в ненастную погоду – в паре шагов от пивной «Три паруса». Трактир мог бы составить конкуренцию «Гадкой голове», располагаясь они в одном квартале или будь заведениями одного уровня. «Три паруса» считался трактиром более презентабельным, несмотря на то что обслуживал буйных моряков и портовых рабочих. Стены, потолок и даже полы были выбелены и, скорее всего, регулярно протирались. Войдя, Гвен почувствовала запах щелочи.

– Хозяин – бывший морской капитан, – пояснил Диксон, когда они вошли в зал, украшенный корабельными штурвалами, такелажем и сетями. – Возможно, тебе лучше подождать снаружи.

– Пытаешься защитить меня от разгульной трактирной жизни?

Диксон улыбнулся.

– Нет, но войти сюда с тобой под руку – все равно что идти к барной стойке со своей выпивкой. В «Парусах» работают свои женщины.

Гвен осталась ждать у двери, разглядывая толпу посетителей. В «Голове» никогда не бывало столько народу, даже в дождливые дни. Она не углядела ни одного знакомого лица, хотя все равно не помнила каждого, кого обслуживала. Не считая горстки постоянных посетителей, большинство мужчин оставляли в памяти лишь расплывчатое воспоминание. Незнакомцы в ночи, которых она скорее узнала бы на ощупь. Немногие из клиентов «Гадкой головы» приходили из порта – слишком далеко, когда не терпится выпить, слишком далек путь назад, когда напьешься. И все же среди клиентов ей довелось встретить нескольких лодочников. Разуме-

ется, они не рассказывали ей о своей работе всю ночь, но их выдавал въедливый запах рыбы. К тому же все они были одеты одинаково. Рыбаки и портовые рабочие носили одинаковую шерстяную форму, а их мозолистые руки напоминали наждачную бумагу.

Если она хочет преуспеть, ей понадобятся клиенты, живущие за пределами Нижнего квартала, в таких местах, как это. Гвен примерно представляла себе, сколько берет Гру, хотя он и пытался это скрывать. Зачем же признаваться, как он наживается на их труде? Кроме того, он не брал одинаковую плату за каждую девушку. Если бы девушки знали, что между ними существует разница, это могло бы навлечь дополнительные неприятности. Гвен находила такое поведение умным. У Гру было много недостатков, но глупцом он не был, впрочем, и хорошим предпринимателем тоже. Он кое-как сводил концы с концами, а может, притворялся, изображая из себя бедного, но как хозяин единственного трактира на Кривой улице, он должен был быть гораздо успешнее. Гвен понятия не имела, куда девались все его деньги. Она знала лишь, что в «Голову» он ничего не вкладывает. Гру считал, что мужчинам, которые пили у него, плевать, земляной пол у них под ногами или мраморный. В общем-то он был прав, но ему никогда не приходило в голову, что если в трактире прибраться, то можно привлечь новых посетителей – тех, кому было не все равно, потому что у них водились деньги и они могли себе позволить местечко получше.

Она повернулась лицом к улице и стала ее разглядывать. Речной порт считался самым неприятным местом в городе, но, по мнению Гвен, он выглядел не хуже Кривой улицы. Запах рыбы был немногим сильнее вони мостков, но внешний вид местных жителей убедил Гвен, что обитатели Нижнего квартала куда беднее. Ее заведение должно пользоваться таким же успехом, как «Три паруса».

Мимо прошел мужчина, тащивший свежие доски. Затем девушка с рулоном ткани. Каменщик поставил пустой лоток у двери, прежде чем войти в трактир. Это был Ремесленный квартал. Все, что хотела Гвен, было здесь: рабочие, чтобы построить ей дом, и клиентура, чтобы иметь возможность заплатить за это. Ей просто нужно было взяться за дело.

Диксон вышел один.

– Его нет? – спросила Гвен.

– Да там он! Где ему еще быть? Просто не считает нужным выходить под дождь только ради того, чтобы дать мне веревку. Заберем у его дамы.

– Он женат?

– Я про лодку.

Гвен последовала за ним к деревянному причалу. Всего два дома отделяло «Три паруса» от реки: сарай, куда сдавали рыбу, и здание администрации. Гвен представила себе, как рыбаки швартуются и приносят улов в первое здание, получают деньги во втором и тут же тратят их в третьем.

Гвен редко удавалось увидеть большую реку, да и сейчас не очень-то получилось. Лодки с одной или двумя мачтами загораживали большую часть обзора; остальное скрывала пелена дождя. Привязанные к швартовым тумбам и крепительным планкам лодки покачивались на волнах. Большинство из них были укрыты натянутым брезентом, остальные лежали на причале вверх дном, пряча под собой буйки, сети и весла. На носу каждой лодки было написано ее название: «Госпожа Удача», «Сестра Син», «Плавучая Бьюла».

– Почему лодки всегда называют женскими именами? – спросила Гвен.

Диксон пожал плечами.

– Я назвал свою телегу Долли в честь лошадки, которая ее таскала. Я так привык покривить на нее, чтобы она пошевеливалась, что продолжал это делать и после того, как старушка испустила дух.

Диксон отыскал лодку Генри – «Лорали» – и порылся под брезентом. Пока он этим занимался, Гвен рассматривала кораблестроительные доки, расположенные вверх по реке. Она уви-

дела большую строительную люльку, похожую на эшафот, которая протянулась над стапелями. С нее свисали огромные тали. Даже сквозь шум дождя она слышала стук молотков.

– Ты не знаешь, где тут плотнические мастерские? – спросила она, когда Диксон вернулся. Он обмотал веревку вокруг талии, словно кушак.

– Думаю, начать стоит с Ремесленного ряда.

Гвен улыбнулась. Могла бы и сама догадаться.

Они шли назад по дощатому настилу, когда Гвен увидела в толпе первое знакомое лицо. Стейн смотрел на нее так, как собака смотрит на незваного гостя у себя во дворе.

– Меня ищешь? – спросил он, не обратив на Диксона внимания.

– Нет, – бросила она, не замедляя шага.

Стейн схватил ее за запястье.

– Ты проделала такой долгий путь – должна хотя бы поздороваться, – заявил он.

– Отпусти меня! – Гвен попробовала вырваться, но он только сильнее сжал пальцы.

– Очень грубо себя ведешь, – прошипел Стейн. – Ты пришла извиниться?

– Сдается мне, ей не нравится, как ты в нее вцепился, – сказал Диксон.

– Отвали, – буркнул Стейн, не сводя глаз с Гвен.

– По-моему, ты не понимаешь, – продолжал Диксон. – Моя лошадь сдохла год назад.

Впервые Стейн озадаченно посмотрел на него.

– И что?

– А то, что поскольку у меня больше нет лошади, весь последний год я сам таскал и толкал тяжелую телегу по улицам этого города.

– А мне-то какое дело?

– Ты и вполтину не такой тяжелый, как моя телега, так что я могу что-нибудь тебе сломать, когда буду швырять тебя в реку. – Диксон перехватил руку Стейна, которой он держал Гвен, и тот, вздрогнув, отпустил девушку.

Диксон с силой толкнул его и прижал к стене сарая.

– У меня здесь много друзей, – проговорил Стейн. – На вашем месте я бы сюда больше никогда не приходил.

– А я бы на твоём месте не лез в Нижний квартал, потому что я не люблю мужчин, которые причиняют зло женщинам, а много друзей мне и не потребуется...

Пока они не вернулись на улицу, Диксон так и шел между Гвен и Стейном.

– Спасибо, – выдохнула Гвен. – Но будь осторожен. Это он убил Эйвон.

Диксон остановился. Лицо его побагровело, и он повернул назад.

– Не надо, – попросила она, коснувшись его руки.

– Так вы поэтому сбежали из трактира?

– Он грозился вернуться за остальными, а Гру не возражал.

– Я бы возразил.

Гвен улыбнулась и взяла его за руку.

– Поздравляю, ты такой один. – Она снова зашагала по улице, но Диксон все еще колебался, по-прежнему оглядываясь.

– Оставь его! – сказала Гвен. – Он больше не представляет угрозы.

– Еще раз побеспокоит, и от него вообще мокрого места не останется.

Они шли под дождем обратно в Ремесленный ряд. В каждом квартале были районы получше и похуже, и тот, что граничил с Нижним кварталом, был местным вариантом Кривой улицы. Его называли просто Рядом. Это была цепь узких двухэтажных мастерских и лавок, таких маленьких, что большая часть работ проводилась на улице. Обычно это мешало движению, вынуждая людей маневрировать вокруг столов для резки дерева, станков и подставок, но сегодня дождь загнал всех внутрь. Под крышами, похоже, мало что происходило.

На вывеске на одной из построек было написано: «БРАТЯ УИЛЬЯМС, СТРОИТЕЛИ». Под этими словами были нарисованы молоток и пила.

– Может быть, зайдём сюда? – спросила Гвен Диксона.

– По-моему, они тут все одинаковые.

Она кивнула и остановилась под навесом на крыльце, чтобы, прежде чем войти, отжать воду из волос и юбки. На нее устремились все взгляды. Дождь не давал людям работать. С десяток мужчин стояли, сидели или бродили по дому среди опилок и плотницких инструментов. Гвен подошла к прилавку, выпрямилась и, посмотрев мужчине в глаза, сказала:

– Я хочу нанять вас для постройки дома в конце Кривой улицы в Нижнем квартале.

Никто не ответил.

– С тобой говорит дама, – тихо пророкотал Диксон.

– Не вижу тут дамы, приятель, – фыркнул сидевший на табурете мужчина. Он был тощий, светловолосый, в кожаном фартуке и с заткнутым за правое ухо куском графита.

– Не вижу тут приятеля, – ответил Диксон.

Гвен вынула из-за лифа мешочек, вытащила оттуда последний золотой и подняла его перед собой.

– Сколько я на это могу купить?

Мужчина поднялся с табурета, взял у нее монету и поскреб ее ногтем. Брови у него поползли вверх, голос стал громче.

– Зависит от стоимости дерева, – сказал он. – Что вы хотите?

– Я хочу дом, похожий на тот, что находится напротив приемной городского оценщика на Дворянской площади. Его необходимо построить на месте развалины в конце Кривой улицы. Я хочу два этажа и много спален, а также просторную гостиную, салон и... и небольшой кабинет – да, пожалуй, кабинет на первом этаже. О, и еще полукруглое крыльцо с ограждением из фигурных столбиков по бокам.

Строитель изумленно уставился на нее, словно она напилась краски.

– Это будет стоит гораздо дороже.

– Я так и думала. Но пока мне хватит и одной комнаты.

– Комнаты?

– Постройте мне комнату внутри этой развалины – просто четыре стены и дверь. И почините крышу, чтобы не протекала. Можете использовать все, что удастся оттуда вытащить. За эту монету вы можете сделать такую работу?

Строитель посмотрел на монету, на мгновение задумался, а потом кивнул.

– Вот и хорошо, – сказала Гвен. – Начните с этого, и мы сможем начать зарабатывать. По мере поступления денег у меня будет для вас еще работа. По рукам?

– Ты та калианская шлюха, которая работает в «Голове»? – спросил мужчина.

– Была ею.

– Кем была? Калианкой или шлюхой?

Диксон сделал шаг вперед, но Гвен остановила его прикосновением руки.

– И тем, и другим. Теперь я из Медфорда, и у меня свое дело.

Мужчина прищурился.

– Что за дело?

– Медфордский дом, самый лучший бордель в городе.

– Никогда о нем не слышал.

– Странно... Ты же его строишь.

Глава девятая

Профессор

Дождь лил не прекращаясь, и Адриан пробыл в Колноре пять дней, большую часть которых просто спал. В остальное время бродил по улицам, заглядывая в трактиры и постоялые дворы в надежде увидеть знакомый капюшон. Тщетно! Человек в черном плаще будто сквозь землю провалился, зато Адриану повсюду мерещилось лицо Вивиан. Почти все, что произошло с ним на пути из Вернеса, чудесным образом стерлось из памяти, и если бы не лошадь, он усомнился бы в реальности недавних событий и принял бы их за дурной сон. Когда наконец распогодилось и прекратился ливень, Адриан с радостью покинул Колнору, всей душой желая оказаться как можно дальше от загадочных, не поддающихся объяснению событий последних дней, а заодно и от новых призраков.

Огромную ломовую лошадь он обменял на красивую верховую кобылку по кличке Танцорка с белым ромбиком на лбу и такими же белыми носочками на задних ногах. Купил он и новую одежду из шерсти и кожи, плотную и теплую, которая пришлась как нельзя кстати в дождливую холодную погоду, и Адриан очень быстро к ней привык. В пути он уже был два дня, однако ощущение, что призраки следуют за ним по пятам, так и не покидало его.

Оставив город далеко позади, он, опустив покрытую капюшоном голову, ехал через фермерские угодья, испещренные выкрашенными в яркие цвета амбарами. Чем дальше на север, тем более серыми и невзрачными они становились. Вскоре и амбары, и поля исчезли, и на третье утро он оказался в густом лесу. Росшие по обе стороны дороги дубы образовывали коридор, слегка порушенный недавним ураганом. Дорога казалась выстланной золотисто-красным ковром, сотканным из крупных листьев, ярких и красивых на фоне влажной черной земли. Вода всегда делала любой цвет более насыщенным, подчеркивая его красоту. Стволы и ветви деревьев приобретали чернильно-черный оттенок, а листья, обычно блеклые в сухую погоду, становились желтыми, точно золото, и красными, как кровь.

Адриан придержал лошадь и огляделся по сторонам. Он был один в лесу, но ему постоянно мерещилось чье-то присутствие.

Воздух казался неподвижным. Адриан слышал стук падавших с деревьев капель, шумное дыхание Танцорки и бряцание колец на уздечке, когда лошадь тряхнула головой. Ей явно не нравилось, что они остановились. Видимо, тоже было не по себе.

В историях, которые люди рассказывали у очага или за столом в трактире, именно с этого и начинались все несчастья. Некий молодой человек заезжал на лошади глубоко в лес. Он был один в призрачной тишине и не слышал ничего, кроме капающей воды, шепота листвы, а потом... Потом могло произойти все, что угодно. Он мог увидеть свет среди деревьев и последовать за ним себе на погибель, а мог и услышать, как его преследует чудовище.

– Думаешь, я сошел с ума, да? – спросил Адриан Танцорку. – Скажи об этом шерифу Малету из Колноры, наверняка он с тобой согласится.

Он тихонько ударил ее по бокам, и лошадь снова пошла вперед. Но как только она сдвинулась с места, Адриан краем глаза вновь заметил какое-то движение. Не просто упал очередной лист – мелькнуло что-то большое, темное, притаившееся за яркими красками леса. Он повернул голову и уставился туда. Только деревья. Больше ничего...

– Ты это видела? – прошептал он, обращаясь к Танцорке.

Лошадь, не останавливаясь, продолжала свой путь.

Адриан долго всматривался в заросли, но так ничего и не увидел. Вскоре они отъехали слишком далеко, чтобы можно было что-то разглядеть, но он продолжал бросать через плечо тревожные взгляды. В рассказах преследователь обычно оказывался получеловеком-полуволом, троллем или призраком. Будь это одна из невероятных историй Пэкера, это непременно

был бы гоблин в костюме и цилиндре. В воображении Адриан мог нарисовать злодея в каком угодно обличье, но он точно знал, что это, конечно же, не гоблин. «Может, разбойник?» – предположил он. Всадник в добротной новой одежде да еще с поклажей, несомненно, покажется заманчивой целью для любого грабителя. Адриан ехал дальше, вглядываясь в густую чащу и прислушиваясь к тихому завыванию ветра, но преследователь так и не появился.

Географические познания Адриана, приобретенные во время ночных посиделок у очага с Пэкером, заканчивались неподалеку от Колноры, как, впрочем, и его собственные передвижения в бытность солдатом. Он все еще был в Уоррике, королевстве Этельреда, но уже ближе к северной границе. Шеридан располагался севернее Уоррика – это он знал. Дорогу он выбрал верно, но не имел ни малейшего представления о том, сколько ему еще добираться и как не пропустить поворот на Шеридан, если там не будет указателя. Мимо нескольких троп, бежавших в сторону от главной дороги, он уже проехал, решив, что путь к университету должен быть более людным. Единственным местом севернее Шеридана, которое когда-либо упоминал Пэкер, было государство Трент. Старик-жестянщик описывал его как горное королевство, населенное свирепым народом. Адриан не думал, что проехал нужный поворот, хотя в жизни ему доводилось делать и более глупые вещи.

Поздним утром он въехал в маленькую деревушку с бедными домами, крытыми соломой, косыми заборами и расчищенными от камней полями. Опять моросил мелкий дождь, и на улице было пусто. Адриан хотел было постучаться в дом, где из печной трубы валил дым, но тут заметил человека, тащившего тележку с навозом.

– Что это за деревня? – спросил его Адриан.

Мужчина медленно поднял голову – так медленно, будто она весила слишком много. Адриану было хорошо знакомо это движение, в котором читалась некая обреченность. Ему часто доводилось видеть подобную реакцию местных жителей, когда их войско входило в какую-нибудь деревушку. Страх. Эта реакция была инстинктивной, как бегство оленя, и Адриан был уверен, что если бы мужчина с тележкой мог бежать со скоростью оленя, его бы уже и след простыл. По опыту службы во многих армиях Адриан знал, что право захвата таких деревень было чем-то само собой разумеющимся и даже никогда не обсуждалось. В лучшем из домов командующий обычно устраивал свой штаб. В остальных размещались лейтенанты, выгоняя хозяев на улицу и забирая себе даже их одеяла. Остаться в доме дозволялось только красивым дочерям хозяев. Если командир изволил пребывать в хорошем настроении, то посмеявшегося возражать отца могли всего лишь избить, но у командиров редко случалось хорошее настроение... Адриан не мог припомнить, бывал ли он когда-либо именно в этой деревне. В его памяти все они были похожи друг на друга так же, как поля брани сливались в нечто одинаковое и бессмысленное. Однако было очевидно, что этому человеку уже доводилось сталкиваться с появлявшимися в деревне всадниками, встречи эти не приносили ничего хорошего, и в его душе навсегда поселился страх.

Адриан спешился и мягко сказал:

– Прошу простить меня, господин, я не хотел пугать вас. Я здесь проездом. Надеюсь, что вы сумеете указать мне нужное направление.

Мужчина с опаской покосился на него.

Адриан улыбнулся.

Мужчина улыбнулся в ответ.

– Уиндам.

– Это название деревни или ваше имя?

– Э, название деревни, сэр, – смущенно сказал мужчина. – Меня зовут Пратт, сэр.

– Рад познакомиться, Пратт. А что это за река?

– Галевир, сэр.

– Значит, это какое королевство?

- Мы находимся в провинции Чедвик королевства Уоррик.
- То есть все еще в Аврине?
- Конечно, сэр, – удивленно сказал Пратт. – Но на том берегу уже начинается королевство Меленгар.
- А это тоже еще Аврин?
- Да, сэр.
- Мужчина отставил тележку и вытер лицо рукавом.
- А вы, значит, направляетесь в Трент?
- Нет, в Шеридан. Просто я в пути уже несколько дней и опасался, что заехал слишком далеко.
- В Шеридан? О нет, сэр. Вам еще полдня пути.
- Адриан посмотрел на влажное серое небо.
- Замечательно. Можете мне что-нибудь рассказать о том, какая дальше дорога?
- Я никогда не бывал на том берегу реки, сэр.
- А что, берега враждуют между собой?
- Нет-нет, Этельред и Амрат мирно соседствуют уже много лет. На Входном мосту не было охраны с тех пор, как я тут поселился, а я живу здесь с рождения. Просто мне незачем переправляться на тот берег. Горшечник Биб, вот он был там. Он продает в Медфорде свои глиняные изделия. Ездит туда дважды в год. Это столица королевства Меленгар. Вон там находится. – Пратт указал на противоположный берег, чуть влево от моста. За завесой дождя Адриан разглядел лишь размытые серые очертания каких-то зданий. – В ясную зимнюю ночь, когда деревья голые, отсюда видны огни замка Эссендон, а утром на Праздник зимы слышны колокола Маресского собора. Биб привозит из Медфорда соль и цветные ткани, а однажды даже привез жену. Красивая девушка, но... – он понизил голос, – ленивая, как сурок. Обед не заставишь приготовить, да она, в общем-то, и готовит не лучше сурка. У Биба дома теперь такой кавардак...
- Так вы знаете, куда мне ехать, чтобы добраться до Шеридана? – перебил его Адриан.
- Конечно, знаю. Сам я там не был, но через нашу деревню и в ту, и в другую сторону проезжает немало народу. С некоторыми я разговаривал. Редко, правда, встречаются такие любезные, как вы... Кажется, на том берегу есть развилка. Биб говорит, там нет никаких указателей, но левая дорога ведет в Медфорд – ее называют Королевской. Вам нужно оставаться на правой, проехать всю Восточную окраину, мимо Высоких лугов. Сам-то Биб там никогда не был – он ездит только в Медфорд, – но другие говорят, что школа расположена возле Лугов, немного на восток.
- Что ж, спасибо... Пратт, да?
- Да, сэр. Вы откуда едете, сэр?
- Из Колноры.
- Слышал я о ней. Говорят, большой город. Не понимаю я людей, зачем селиться так близко друг к другу и жить в такой тесноте. Как-то это неестественно. А когда Марибор дает им это понять, они едут сюда, чтобы скрыться от его гнева. Лет шесть назад здесь свирепствовала чума. Это они занесли. Столько хороших людей погибло! Если бы не Мертон с Фэллонской трясины, мы бы, наверное, уже все были на том свете... Как там сейчас дела, в этой Колноре?
- Странно, Пратт. Дожливо и странно.

* * *

Незадолго до заката солнцу удалось продырявить облака, и Шериданскую долину, к которой приближался Адриан, залили его косые лучи. Эта благодатная картина вселяла в Адриана надежду, что теперь удача будет на его стороне, хотя в глубине души он не слишком в это верил.

Адриану не везло с тех пор, как он получил письмо. Сам факт, что оно нашло его в восточных джунглях, можно было считать чудом – или проклятием. В этом он и сам до сих пор не разобрался. В тот памятный день он пребывал в дебрях Калиса в городе под названием Мандалин. На большой арене, окруженной белыми башнями, всегда собирались самые почетные зрители. Той ночью он участвовал в трех схватках, но запомнил только последнюю. Возможно, он испытал бы те же чувства, даже если бы не прочел письма. Ему хотелось так думать, чтобы вернуть себе самоуважение и смягчить чувство вины. Мысль о том, что отцу надо было умереть, чтобы заставить его бросить арену, делала его причастным к отцовской смерти и заставляла чувствовать себя виноватым. Логика в подобных мыслях не было никакой, но иногда именно такие мысли больше всего и помогали. В смерти Данбери его вины не было, но и совсем невиновным он себя не чувствовал.

Пратт дал ему верные указания, и стоило Адриану заметить колокольню на востоке, он решил, что добрался до конечного пункта своего путешествия. Вид долины поразил его, он не помнил, чтобы когда-либо видел такую красоту. Университетские здания окружали тенистую лужайку, словно каменные монолиты в джунглях Гур Эм. Святилища тамошних племен обладали такой же мистической аурой, одновременно священной и непознаваемой. Но эти здания были намного больше. В центре лужайки возвышалась огромная статуя какого-то человека. В одной руке он держал книгу, в другой – меч. Адриан понятия не имел, кто это такой. Может, основатель школы? А может, это и не статуя вовсе, а великан, воздвигнувший эти невероятные дома и каким-то образом окаменевший. По крайней мере это объяснило бы наличие здесь каменных строений. Нигде, на много миль вокруг, Адриан не видел строительного камня, а для того, чтобы передвинуть хотя бы один из каменных блоков, понадобился бы десяток ломовых лошадей и сани со смазанными маслом полозьями, не говоря уж о том, чтобы сложить из них четырехэтажные здания. Если это не работа великана, то как еще объяснить существование этого места?

Ступив на круглую площадку, он заметил с десяток молодых людей, одетых в мантии. Они шли по тропинкам, придерживая полы, чтобы не замочить их в еще не высохших лужах. Некоторые остановились и стали его разглядывать, и Адриан почувствовал себя не в своей тарелке, поскольку ничего не знал об этом месте и понятия не имел, куда ему идти. В его представлении университет должен был располагаться в одном здании, скорее всего, вообще в одной комнате, куда можно будет просто постучаться и спросить профессора. Перед ним, однако, раскинулся целый городок немалых размеров.

Подъехав к скамье, он спешил и привязал к ней Танцорку.

– Ты что, собираешься здесь учиться? – спросил, разглядывая его, один из юношей постарше.

Судя по презрительно сморщенному носу, эта идея ему не очень нравилась. Для такого молодого, низкорослого и безоружного человека у юноши был слишком заносчивый тон.

– Я приехал, чтобы увидеться с человеком по имени Аркадиус.

– *Профессор* Аркадиус в Глен-холле.

– Глен-холл... это который... – спросил Адриан, окидывая взглядом здания с колоннами, которые теперь, когда он стоял на земле, казались еще выше.

– Который большой, – ответил юноша.

Адриан едва сдержал смешок, гадая, какая из этих громадин представляется юноше маленькой.

Ученик указал на здание с колокольней.

– А... спасибо, – поблагодарил его Адриан.

– Ты мне не ответил. Собираешься поступить в школу?

– Нет... школу я уже закончил.

Молодой человек в изумлении уставился на Адриана.

– Ты закончил Шеридан?

Адриан покачал головой и улыбнулся.

– Нет, я закончил другую школу. В нее проще поступить, но выпускные экзамены там просто убийственные. Не последуешь за моей лошадью, а? Только будь осторожен – она кусается.

Оставив юношу и троих его товарищей возле скамьи, он направился к массивным дверям Глен-холла, чувствуя, как озадаченные ученики смотрят ему вслед.

Внутри здание поразило Адриана не меньше, чем снаружи. С тех пор как он сбежал из Хинтиндара, большая часть его жизни проходила в военных лагерях. Он мало что видел, кроме солдатских палаток и костров, лесов и полей. Конечно, довелось ему повидать и несколько замков, но только во время штурма, и он почти ничего не помнил. Когда сотня разъяренных людей размахивает стальными клинками и стреляет из луков, сложно подмечать тонкие нюансы точеного камня и резного дерева. Более всего на то, что он сейчас видел, походили арены – те, на которых он сражался ближе к концу своего пребывания в Калисе, уже после того, как вышел из джунглей. Огромные амфитеатры с восходящими рядами, топот ног и гром аплодисментов. Там был такой же размах, но тонкость работы не шла ни в какое сравнение. Войдя в Глен-холл, Адриан испытал желание снять обувь.

Сразу при входе потолок устремлялся вверх на высоту трех этажей. Под ним висела люстра с двумя дюжинами горевших свечей, зажженных, на взгляд Адриана, непонятно зачем, поскольку сквозь высокие окна на мраморный пол проливался сияющий свет. По центральной лестнице, достаточно широкой, чтобы по ней прошла шеренга из пяти человек, эхом разносились чьи-то голоса. Адриан шагал по отполированному холлу, стуча сапогами и заглядывая во все углы в надежде кого-нибудь встретить. Однако единственным лицом, которое он увидел, было лицо старика на портрете ростом с Адриана. Он остановился, удивляясь, как можно было написать портрет такого размера.

На башне зазвонил колокол, вмиг разрушив тихую сонную атмосферу и наводнив пустоту шумом шагов и взволнованных голосов. По лестнице промчалась толпа молодых людей. Со всех сторон коридора замелькали мантии самых разных цветов. Адриан прижался к стене, словно оказался в ущелье во время панического бегства скота.

– Нет, это неправильно! Профессор Аркадиус говорил, что камень, который светится, это «Утренняя звезда», – доказывал один юноша. То ли он был слишком высоким для своих лет, то ли старше своих товарищей.

– Это была магнезия, – ответил его спутник, прижимавший к груди книгу. Он был ниже ростом и стройный, как молоденькое деревце. Адриан чуть было не принял его за девушку.

– Не согласен.

– Хочешь поспорить? – Юноша с книгой схватил второго за руку. Поток студентов разошелся надвое вокруг них. – Будешь месяц делать за меня работу по хозяйству?

– Я сын барона. Я не могу мыть полы.

– Конечно же, можешь! Я тебя научу. Даже сын барона может научиться мыть полы.

Сын барона молча усмехнулся.

– Ладно, Энгдон, – прищурился юноша с книгой, – тогда, может, на месяц поменяемся обедами?

– Да ты с ума сошел!

– Это не отравы.

– Для меня – отравы. Не представляю, как ты ешь эти помои!

– Ты боишься, потому что знаешь, что я прав.

Сын барона с силой толкнул собеседника, отчего тот упал на пол, и надменно улыбнулся.

– Я ничего не боюсь. Запомни это! – Энгдон круто развернулся, намереваясь гордо уйти, и ему бы это удалось, если бы у него на пути не оказался Адриан, в которого сын барона тут же врезался. – Смотри, куда идешь, болван! – вскричал он.

– Нет, извини, меня не так зовут. Я Адриан. – Улыбнувшись, Адриан протянул парню руку.

Энгдон злобно посмотрел на него.

– Мне плевать, кто ты такой. Уйди!

– С радостью. Не покажешь, как мне пройти к кабинету профессора Аркадиуса?

– Я тебе не слуга! Тоже мне, нашел провожатого!

Юноша злился, глаза его сверкали яростью, но Адриан был старше и явно сильнее, к тому же Энгдон не мог не заметить мечей, а потому, в отличие от ученика возле скамейки во дворе, не стал продолжать разговор.

– Это была «Утренняя звезда», – на ходу бросил Энгдон через плечо.

– Магnezия, – пробормотал второй юноша.

– Твой друг? – Адриан протянул руку и помог студенту подняться.

– Энгдон – дворянин, – объяснил юноша.

– А ты нет?

Юноша удивленно поднял брови.

– Шутишь, что ли? Я сын купца. Шелк, атлас и бархат, которые... – он с несчастным видом потряс свою мантию, – теперь грязные.

– Адриан.

– Бартоломью. – Юноша пожал его руку, забыв про мантию. – Я могу проводить тебя к профессору, если хочешь.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Да мне не трудно! Нам сюда.

Бартоломью взбежал по лестнице, перескакивая через две ступеньки зараз. На втором этаже он свернул в коридор, затем еще в один и, остановившись перед дверью в самом его конце, постучал в нее кулаком.

– Профессор, к вам посетитель, – громко объявил он.

Через некоторое время дверь открылась, и на пороге появился человек весьма преклонного возраста с седой бородой и в очках. Все сведения Адриана об Аркадиусе сводились к детским воспоминаниям о незнакомце, который несколько раз навещал его отца. Он всегда появлялся неожиданно, гостил несколько дней, а затем так же внезапно уезжал, часто даже не попрощавшись. Он показывал волшебные фокусы, чтобы позабавить деревенских детей, мановением руки заставлял распускаться цветы и зажигал свечи, а однажды утверждал, что вызвал дождь, хотя в тот день небо и так было затянуто тучами. Адриану нравился этот старик. Он всегда был весел, учтив и куда дружелюбнее вечно хмурого отца. Вскоре после смерти матери – Адриану тогда было шесть лет – Аркадиус приехал в последний раз. Они с Данбери беседовали до поздней ночи. С тех пор он больше не появлялся, а отец никогда не вспоминал о старике.

Адриан сделал шаг вперед.

– Здравствуйте, я... – начал он.

Аркадиус жестом остановил его, погладил свою бороду и, чуть приоткрыв рот, провел языком по зубам.

– Старики никогда не меняются так сильно, как молодежь. Мы меняемся постепенно, как деревья наращивают новые кольца, – тут появилась новая морщинка, там стало немного больше седины, – но молодые как будто превращаются из гусениц в бабочек. Словно за одну ночь становятся совершенно новыми людьми. – Он покивал, широко улыбаясь. – Адриан Блэкуотер, как же ты вырос! – Затем повернулся к юноше и сказал: – Благодарю, Бартоломью. И кстати, это все же была «Утренняя звезда», но белая, а не красная.

Юноша замер от изумления.

– Но...

– Иди-иди, – выпроводил его старик. – Адриан, когда войдешь, будь добр, закрой за собой дверь.

Адриан сделал шаг и замер. То, что творилось в кабинете профессора, едва ли можно было назвать беспорядком. Это было воплощением хаоса, запертого в комнате. Она напоминала склад причудливых вещей, однако большую часть ее занимали книги. Адриан никогда не видел столько книг в одном месте. Полки простирались до самого потолка, и ни на одной из них не было свободного места. Не поместившиеся там книги были сложены на полу в гигантские стопки, походившие на шаткие, качающиеся колонны. Некоторые из них уже обрушились, и книги валялись по всему полу, будто останки древних руин. Между ними стояли бочки, бутылки и банки самых разных размеров. Из всех видимых щелей торчали камни, перья и засушенные растения. В углу, над клеткой, которую занимала семейка опоссумов, висело старое осиное гнездо. В других клетках обитали птицы, грызуны и рептилии, наполнявшие комнату пискom, щебетом и стрекотанием.

Тем временем старик ловко пробрался сквозь кучи хлама в дальний угол кабинета и уже сидел на высоком табурете за маленьким деревянным столом. Адриан не успел заметить, каким путем воспользовался Аркадиус, и ему пришлось самому прокладывать себе дорогу. Ступая очень осторожно, он, преодолев многочисленные препятствия, наконец приблизился к профессору.

Аркадиус снял очки и начал протирать стекла тряпкой, по виду очень похожей на старый носок.

– Стало быть, ты получил мое письмо?

– Даже не представляю, как оно меня нашло. Я был в Мандалине, в Калисе.

– Ах... древняя столица Восточной империи. Ну и как там дела? Город еще стоит, полагаю.

– Частично.

– Теперь отвечу на твой вопрос: я отправил Трибиана ДеВоула разыскать тебя и передать мое послание. Этот человек не менее настырен, чем куратор церкви, к тому же он там родился и хорошо знает Восток.

– И все равно я не понимаю, как ему удалось меня найти и откуда вы вообще узнали, что я в Калисе.

– Магия.

– Магия?

– Разве отец не говорил тебе, что я волшебник?

– Отец вообще про вас никогда не говорил.

Аркадиус открыл было рот, затем помедлил и кивнул.

– Ах да, конечно. Могу себе представить. – Он подышал на вторую линзу и принялся протирать ее тряпкой-носком.

– Если вы умеете колдовать, почему бы не попытаться исправить себе зрение?

– А я и исправляю. – Аркадиус надел очки. – Вот, так гораздо лучше.

– Ну какая же это магия!

– А разве нет? Если бы я сейчас выстрелил из лука и убил Финеаса, лягушку в клетке позади тебя, ты посчитал бы это магией?

– Нет.

– Но если бы я щелкнул пальцами и бедняга Финеас свалился замертво, это была бы магия, так?

– Наверное...

– В чем разница?

– Ну... обычно люди не могут убить лягушку щелчком пальцев.

– Почти верно. Правильный ответ заключается в том, что это магия, ведь ты не знаешь, как я убил лягушку. Если бы ты знал, что за минуту до того, как ты вошел, я отравил бедного маленького Финеаса, это все еще была бы магия?

– Нет.

– А теперь позволь спросить: каким образом эти очки помогают мне видеть более четко?

– Не знаю.

– Магия! – лучезарно улыбнулся старик, глядя на Адриана поверх очков. – Видишь ли, чем старше я становлюсь, тем сложнее мне видеть. Мир не изменился – изменились мои глаза. Зная, что стекло изменяет восприятие посредством фокусирования, я могу создавать эти маленькие стеклышки, которые помогают мне усиливать зрение. Это и есть магия, понимаешь? Наблюдения в сочетании с логикой, знаниями и рассуждениями помогают такому волшебнику, как я, понять законы природы, что, в свою очередь, дает мне возможность использовать ее силу в своих целях. – Профессор поднял голову, будто что-то услышав. – Не волнуйся, Финеас, на самом деле я не давал тебе яду.

Адриан повернулся и увидел, что у него за спиной в клетке действительно сидит лягушка. Когда он снова посмотрел на Аркадиуса, тот был занят табуретом, пытаясь установить его поудобнее.

– Что касается тебя, – продолжал профессор, – тут дело еще проще: важно было лишь держать ухо востро и собирать новости о великом воине. Я знал, что отец научил тебя отлично владеть оружием, а когда я виделся с ним уже после твоего ухода из Хинтиндара, он рассказал мне о твоём желании стать солдатом. Все эти сведения практически гарантировали, что ты непременно должен прославиться. Определить твоё местонахождение было не так уж трудно.

Адриан кивнул, чувствуя себя дураком. Не надо было спрашивать.

– Я хочу поблагодарить вас за то, что сообщили мне о смерти отца и распорядились его делами в моё отсутствие. Я рад, что у него был кто-то, на кого он мог положиться, особенно после того, как вы вроде бы перестали приезжать к нам в гости.

– Мы с твоим отцом были старыми друзьями. Я познакомился с ним задолго до твоего рождения – примерно тогда, когда он поселился в Хинтиндаре. В те дни я часто ездил к нему, однако со временем... Видишь ли, годы берут свое. Тяжело отправляться в далекие путешествия, когда и по коридору-то ходишь с трудом. Такое бывает... время летит незаметно.

– Как вы узнали о его смерти?

– Я навещал его в прошлом году, и мы вспоминали старые времена. Он был уже сильно болен, и я знал, что ему недолго осталось, поэтому попросил известить меня о любых переменах в его состоянии.

– Значит, вы вернулись в Хинтиндар?

– Нет, и уже, наверное, никогда не вернусь.

– Но вы писали, что должны передать мне какие-то вещи отца.

– Если выражаться точнее, одну вещь. Когда я в последний раз виделся с Данбери, он просил отдать ее тебе.

Адриан с трудом представлял себе, как среди всего этого хлама можно найти какую бы то ни было вещь, если только она размером не меньше собаки. Подняв голову, он заметил сову, которая угнездилась на перилах балкона второго этажа, различные ящики и сундуки и человеческий скелет, болтавшийся на кончике воткнутого в стену васарианского боевого копья.

Аркадиус улыбнулся и снял с шеи амулет на цепочке. Адриан узнал этот медальон. Отец носил его не снимая, даже когда спал или мылся. Амулет был настолько неотъемлемой его частью, что увидеть медальон отца в руках другого человека было все равно что увидеть отсеченный палец. И если до сей минуты Адриан втайне воображал, что отец на самом деле жив, то теперь все его иллюзии окончательно развеялись, и на мгновение он снова увидел окровав-

ленного тигра, который, делая последний вздох, смотрел на него тоскливыми глазами, и в них светился один-единственный вопрос: *за что?*

– Не хочешь присесть? – мягко спросил Аркадиус. – По-моему, тут где-то есть еще один стул. Вообще-то их должно быть пять. Ну, ты можешь воспользоваться моим табуретом. Мне вредно так много сидеть.

Адриан вытер глаза.

– Со мной все хорошо...

Аркадиус предложил ему тряпку-носок, но Адриан покачал головой.

– Он говорил обо мне?

Аркадиус, уже успевший встать, снова уселся на табурет и со стуком положил медальон перед Адрианом.

– Он рассказал мне о твоём отъезде. О том, что вы крепко поссорились, но в детали он не вдавался, а я не настаивал на подробностях.

– Я назвал его трусом. Это было самое оскорбительное, что пришло мне в голову, и последнее, что я ему сказал.

– На сей счет я бы не переживал. Его и более страшными словами называли.

– Но не родной сын! Не единственный человек, оставшийся у него в целом мире. – Адриан склонился над медальоном на столе. Серебряное украшение размером чуть больше монеты было выполнено в форме круга, состоявшего из переплетенных между собою узлов. – Откуда он его взял? Это моя мать ему подарила?

– Нет, подозреваю, что этот медальон – фамильная драгоценность, передававшаяся из поколения в поколение. Он очень ценный. Твой отец просил передать тебе то, что когда-то сказал ему его отец. Ты должен всегда носить этот медальон, ни при каких обстоятельствах не продавать его и передать сыну, если таковой у тебя будет. Это первая часть его предсмертного желания.

Адриан поднял медальон за цепочку, и теперь он качался между его пальцами.

– А вторая?

– К ней мы еще вернемся, но пока достаточно и первой. Ты проделал долгий путь, похоже, вымок до нитки. Полагаю, ты бы хотел высушить свою одежду, возможно, принять ванну, вкусно поужинать и хорошенько выспаться в теплой постели. К сожалению, я могу предложить тебе только три из четырех перечисленных пунктов... Сегодня у нас на ужин... гм... пироги с мясом.

– Спасибо. Я немного... – У Адриана перехватило дыхание, и он смог лишь пожать плечами.

– Я понимаю. – Аркадиус посмотрел в сторону двери и крикнул: – Бартоломью!

Дверь в кабинет приоткрылась.

– Сэр?

– Будь молодцом и проследи, чтобы Адриан получил ужин и постель. Кажется, Винсент Куинн уехал домой, так что в спальне в северном крыле должно быть свободное место.

– Э... конечно, но... э... как вы узнали, что я все еще здесь?

– Магия. – Старый волшебник подмигнул Адриану.

* * *

– Пиклз! – радостно воскликнул Адриан, увидев мальчишку.

Бартоломью проводил Адриана наверх в спальню. Это была вместительная комната, в которой в ряд стояла дюжина аккуратно застеленных кроватей. Все они пустовали, и только на одной сидел Пиклз. Услышав свое имя, уличный сирота из Вернеса подскочил и одарил Адриана знакомой широкой улыбкой.

– Я приехал, любезный сэр. Мчался так быстро, как только мог! Боялся, как бы не упустить вас! Но, как видите, я здесь, прибыл в это замечательное место на два дня раньше вас.

– По дороге у меня возникли кое-какие трудности, и пришлось на некоторое время задержаться в Колноре. А тебе повезло, что ты не попал на ту баржу!

Адриан взял парнишку за руку и крепко сжал ее. Они были едва знакомы, но оба оказались здесь чужаками, которых уже связывало общее прошлое. Хотя они провели вместе не так много времени, пока шли через кишасший крысами город, в эту минуту Пиклз был старейшим и ближайшим другом Адриана.

– Любезный сэр, вынужден снова принести свои извинения за то, что был арестован именно тогда, когда вы более всего во мне нуждались.

– Не нужно за это извиняться, и можешь называть меня просто Адриан.

Пиклз изумленно уставился на него.

– Я ваш преданнейший слуга! Я не могу называть вас по имени.

– Ну а от обращения «сэр» мне не по себе, да и люди могут решить, что я прикидываюсь рыцарем.

Пиклз задумчиво наморщил лоб, затем снова улыбнулся.

– Тогда – господин Адриан.

«Ладно, сойдет», – подумал Адриан, хотя ему это тоже не очень нравилось.

– Это удивительное место, господин Адриан! Я никогда не видел ничего подобного. Здесь так чисто! Не воняет ни рыбой, ни лошадиным навозом.

Лошади, подумал Адриан. *Танцорка*. Он совсем про нее забыл.

– Мне надо найти место для моей лошади.

– Я знаю такое место, – с гордостью заявил Пиклз. – Я видел конюшню. Могу пристроить вашу лошадь. К тому же мне все равно нужно сходить вниз и отнести эту книгу.

На кровати мальчишки Адриан заметил фолиант огромного размера.

– Ты умеешь читать? – удивился он.

Пиклз покачал головой.

– О нет, конечно, нет, но в этой книге много картинок. Профессор сказал, я могу посмотреть их, чтобы занять себя, пока дожидаясь вашего приезда, только нужно обязательно вернуть ее в библиотеку в восточном корпусе, откуда он ее взял. Я занесу книгу, а потом разберусь с вашей лошадей, ладно? Где вы ее оставили?

– Я тебе покажу.

– Не нужно. Я рад служить вам. Вы можете остаться здесь, поваляться на кровати и всласть поленился.

Адриан окинул взглядом суровую комнату, напомнившую о многочисленных солдатских бараках, в которых ему не раз приходилось ночевать.

– Ничего, я уже и так всласть поленился.

* * *

Скрывшись за холмами, солнце оставило после себя лишь слабое сияние в небе. На лужайке какой-то юноша, забравшись на лестницу, зажег фонари. Пиклз, шагавший рядом с Адрианом, с трудом удерживал тяжеленную, словно конкурсная тыква, книгу и с ворчанием перекладывал ее из одной руки в другую.

– Давай я тебе помогу, – предложил Адриан.

– О нет! – Пиклз прибавил шаг и перешел на бег, видимо, желая продемонстрировать свою самостоятельность, а может быть, чтобы добраться до нужного места прежде, чем у него не выдержат руки.

Они вошли в здание поменьше, расположенное рядом с Глен-холлом, и Адриан наконец заметил, что дома здесь действительно разные, хотя все выглядят впечатляюще. Внутри было много отдельных закутков, парт, больших столов и беспорядочно стоявших стульев. Библиотека оказалась не слишком большим помещением, но все стены снизу доверху занимали полки с книгами, хотя их было куда меньше, чем Адриан ожидал увидеть. Многие полки пустовали, и он догадался, что стоявшие там книги сейчас находятся на руках у студентов. Пиклз выпустил книгу из рук над столом в центре, и она грохнула так, что эхо разнеслось по помещению.

– Вот! – сказал он, театрально выдохнув, и рухнул на стол, словно только что получил смертельную рану. – Не выйдет из меня ученого. – Он медленно поднялся, тяжело дыша. – Не знаю, как вам удастся таскать мечи, ведь они наверняка тяжелее книг.

– Плохие мечи – да.

– А что, мечи бывают хорошими и плохими?

– Как и люди.

– Правда? – Судя по тону, Пиклз не очень в это верил.

– Плохие мечи – неудобные и тяжелые, а правильно сделанные – довольно легкие и обла-
дают хорошим балансом.

– Все равно не думаю, что смог бы поднять меч.

Адриан вынул короткий меч и протянул его Пиклзу, рукоятью в его сторону.

Пиклз с сомнением посмотрел на оружие.

– Что-то не похоже на хороший меч. Вы уж меня простите, господин Адриан, но он выгля-
дит каким-то затертым.

– Внешний вид часто бывает обманчив.

Улыбка Пиклза стала еще шире.

Он обхватил рукоять обеими руками, скривившись в предвкушении неудачи. Затем Адриан отпустил лезвие, и оно взлетело вверх так резко, что Пиклз едва не упал навзничь.

– Какой легкий! – вскричал мальчишка. – Конечно, не сказать, что как перышко, но
гораздо легче, чем я думал.

– Два с половиной фунта.

Пиклз разжал левую руку, держа меч только правой.

– А кажется *еще* легче.

– Это из-за баланса, о котором я говорил.

– Разве ему не *нужно* быть тяжелым?

– Чтобы пронзить кожу, вовсе не нужен большой вес. Важнее скорость.

Пиклз опустил руку и махнул мечом в воздухе.

– С ним я чувствую себя почти героем.

– *Почти* – это все, на что можно рассчитывать, когда держишь такое оружие.

Пиклз вытянул меч перед собой и осмотрел лезвие, закрыв один глаз.

– Значит, его выковал прославленный оружейник?

– Его выковал я.

– Вы, господин Адриан? Правда?

– Мой отец был кузнецом. Я вырос рядом с кузницей.

– Ох, – смутился Пиклз. – Приношу самые искренние извинения, господин Адриан. Мне
очень жаль, что я называл его затертым.

– Он и есть затертый, – усмехнулся Адриан. – И уродливый – уродливое орудие для
гадкого дела.

– А вон тот – нет! – Пиклз указал на огромный меч на спине Адриана.

– Тот ковал не я.

Адриан забрал у Пиклза меч и вложил его обратно в ножны, куда он скользнул с громким
хлопком.

Они вернулись на лужайку. Адриан расстегнул ремни, которыми его поклажа была привязана к Танцорке. Пиклз тем временем отвязал уздечку. Закинув вещи на спину, Адриан поднял голову и внезапно увидел то, чего совсем не ожидал. На третьем этаже Глен-холла из последнего окна слева выглядывал человек с баржи – мрачный незнакомец в черном капюшоне. Адриану потребовалось мгновение, чтобы понять, кого он видит, и тут человек отступил назад, растворившись в темноте, словно призрак.

– Ты это видел? – спросил Адриан у Пиклза.

– Что? – не понял мальчишка.

Адриан указал на окно.

– Вот в том окне только что мелькнул человек в капюшоне.

– Нет, господин Адриан, я никого не вижу. Какое окно вы имеете в виду?

– Вон то, – снова указал Адриан.

Пиклз внимательно всмотрелся в окно и покачал головой.

– Вы уверены? Человек, да еще в капюшоне! Зачем кому-то надевать капюшон в комнате?

Там очень тепло.

– Не знаю, – пробормотал Адриан, не отводя взгляда от окна. – Ты точно ничего не видел?

– Да, сэр... то есть, господин Адриан.

Адриан почувствовал себя глупо. Это никак не мог быть человек с баржи. Если там вообще кто-то был, то, скорее всего, какой-нибудь ученик.

– Хотите, я сбегаю и посмотрю, есть ли там человек в капюшоне?

– Нет, давай лучше поставим Танцорку в стойло, – сказал Адриан, но, прежде чем окончательно сдаться, бросил последний взгляд на окно.

* * *

Оставив Танцорку в конюшне, они снова поднялись по ступенькам и вошли в гигантские двери Глен-холла. Теперь, после захода солнца, внутри все выглядело иначе, не столь радужно и гостеприимно. Люстра и настенные фонари не справлялись с освещением огромного вестибюля, лестниц и темных коридоров, и Глен-холл походил на глубокую, мрачную пещеру.

– Профессор сказал, вас ждут в столовой, – сообщил Пиклз, пока Адриан складывал свои вещи и мечи на предоставленную ему свободную кровать.

– А ты?

– Я? Я останусь здесь и буду охранять ваши многочисленные ценности от многочисленных любопытных глаз и многочисленных ловких незанятых пальцев.

– Это школа, Пиклз. Тут не разрешается воровать.

– В Вернесе тоже не разрешается, но вы удивитесь, узнав, сколько вещей исчезает каждый день.

– Это другое. Уж не думаешь ли ты, что какому-нибудь мальчишке придет в голову прихватить мой большой меч? Где он его спрячет?

Пиклз задумался, глядя на огромный меч, лежавший на кровати.

– И все же, – сказал он, – моя задача оберегать ваши замечательные вещи, чтобы их не украли.

– Я настаиваю, чтобы ты пошел со мной.

– Но я...

Адриан со строгим видом скрестил руки на груди.

– Что для тебя важнее? Я или мои вещи? По школе нельзя разгуливать с оружием, но что я буду делать, если кто-нибудь на меня нападет?

Пиклз с любопытством посмотрел на него.

– Мне кажется, с тем, кто на вас нападет, случится что-то не очень приятное, господин Адриан.

Адриан нахмурился.

– Мне все равно нужно, чтобы ты меня прикрывал. Простое предупреждение может спасти мне жизнь.

– О да! Это правда. – Пиклз энергично закивал, и эти движения были настолько полны воодушевления, что их едва ли можно было назвать обычными кивками. – Вы слишком доверчивы! Я пойду с вами и буду следить и предупреждать вас.

Когда Адриан направился к двери, Пиклз схватил его вещи и засунул их под матрас.

– Ну вот, – радостно улыбнулся он, – теперь ничьи незанятые руки не доберутся до замечательных вещей господина Адриана.

– Показывай дорогу, Пиклз.

Они вошли в большую залу с длинными столами, за которыми ужинали студенты. С потолка свисало несколько знамен, весь остальной интерьер состоял только из дерева, камня или олова. Голоса сотен учеников сливались в оглушительный шум.

На лице Пиклза появилось мечтательное выражение.

– Прекрасное место! Просто заходишь и берешь еду.

Он схватил пару пирогов с кухонного стола, где их раскладывали по большим деревянным поддонам; затем они с Адрианом втиснулись на места в самом конце длинного стола. Из всех присутствующих только они с Пиклзом не были одеты в мантии и потому выделялись на фоне остальных.

Несмотря на голод, Адриан не сразу приступил к ужину. Какое-то время он просто смотрел на пирог, снова и снова мысленно возвращаясь к окну на третьем этаже и человеку в капюшоне.

«Это не мог быть он. Откуда ему здесь взяться?» – уговаривал себя Адриан.

И тем не менее Адриан был свидетелем убийств и оставался единственным человеком, который мог опознать убийцу.

«Свидетелем чего? Нет ни лодки, ни ювелиров, ни Вивиан».

Капюшон мелькнул в окне лишь на мгновение. Может, ему просто померещилось? Или это был обман зрения, вызванный светом или, напротив, его отсутствием. Ведь Пиклз стоял рядом, но ничего не увидел.

«Он бы не нашел меня здесь, правильно? – продолжал размышлять Адриан. – Разве на барже я упоминал Шеридан?»

В этом он не был уверен. Возможно. Он много говорил, купцы и Вивиан постоянно задавали вопросы. Все возможно. Но как этот человек проник в школу? Впрочем, самого-то Адриана никто не останавливал и ни о чем не спрашивал. Юношей на лужайке он не брал в расчет. Скорее всего, ни один из них не заговорил бы с таким мрачным типом, а если бы и заговорил, то человеку в капюшоне – Адриан был уверен – это помешало бы еще меньше, чем ему самому.

– Кто вы такие? Вы не студенты! – послышался чей-то сердитый возглас.

Адриан оторвал взгляд от пирога и узнал недовольного студента. Энгдон, сын барона, который врезался в него в коридоре.

– Гости, – ответил Адриан. – И мы с тобой уже встречались. Я Адриан, помнишь? Пару часов назад ты налетел на меня в коридоре.

– Ах да... Болван, который не может вовремя убратся с дороги.

– И все это ты понял, когда столкнулся со мной?

– Ты не уступил мне дорогу и не знал, куда идти, так что я многое понял. А это еще что за существо с тобой?

Сын барона Адриану совсем не нравился.

– Этого замечательного молодого человека, сидящего напротив вас, зовут Пиклз.

– Пиклз? Что это за имя? – заинтересовался другой юноша.

Адриан увидел, как Пиклз поник.

– Запоминающееся, ты не находишь? – весело ответил Адриан.

– Дурацкое, но ему оно явно подходит, – фыркнул Энгдон. – И чьи же вы гости? Или просто пришли красть нашу еду?

– Профессора Аркадиуса. А ты был прав насчет «Утренней звезды». Только она не красная, а белая, – миролюбиво заметил Адриан.

– Думаешь, самый умный? Надеешься добиться похвалы за то, что поддержал меня?

– Нет, просто я подумал, что тебе приятно будет это узнать.

– Я уже знаю. Мне не нужно, чтобы какой-то крестьянский неуч подтверждал мои знания. И присутствие твоей грязной персоны за моим столом мне тоже не нужно. Забирай свой украденный пирог и своего Пикуля и ешь на улице, где тебе самое место, несчастный...

В лицо Энгдона прилетела тарелка Пиклза. Тарелка упала на пол, а вместе с ней отвалившаяся корка пирога. Начинка прилипла к щекам гневливого юноши. Все это могло бы показаться весьма забавным, не будь пирог таким горячим. Энгдон завопил, пытаясь ногтями отскрести содержимое пирога от лица.

Покрасневший Пиклз уже был на ногах и стиснул кулаки. Адриан подумал, что мальчишка готов перепрыгнуть через стол и наброситься на вопившего от боли сына барона. Взяв свой пирог, Адриан схватил Пиклза и потащил его к выходу, пока остальные ученики искали полотенца и воду, чтобы помочь товарищу.

– Не надо было этого делать, – попенял Адриан Пиклзу, когда они покинули столовую.

– Вы совершенно правы! Нужно было избить его ножкой от стула!

– Я не это хотел сказать. Мы же договорились, что ты будешь только следить и предупреждать меня, помнишь? А не швырять пироги или ввязываться в драку.

Возле лестницы они замедлили шаг.

– Ладно, забудем об этом, – вздохнул Адриан. – Разделим мой пирог в спальне. Я все равно не был голоден.

– Вам надо было позволить мне сразиться с ним!

– У тебя из-за этого были бы неприятности. Он сын барона – благородный.

– Не показался он мне особенно благородным.

– Кроме того, Энгдон крупнее тебя.

– Зато я крепче, чем он, – возразил Пиклз.

– У него полно друзей.

– Возможно, – ухмыльнулся Пиклз и, остановившись на лестнице, добавил: – Но у меня есть один друг, который стоит больше всех его друзей, вместе взятых.

Адриан не сумел сдержать улыбку.

– Так и есть. И у меня, судя по всему, тоже.

Глава десятая

Человек в капюшоне

Адриан провел ночь на свободной кровати Винсента Куинна, который, вероятно, был намного ниже ростом или же просто смирился с тем, что его ноги свешиваются с края маленькой койки. Сейчас все кровати были заняты студентами, и это зрелище напомнило Адриану солдатские бараки, в которых он когда-то спал. Много собранных в одном месте мужчин, ведущих аскетический образ жизни, владеющих лишь тем имуществом, которое они способны унести на себе, – цепные псы герцога или короля. Жизнь, в общем-то, неплохая, но совершенно бессмысленная. Именно это более всего и тяготило Адриана. От солдата требовалось, чтобы он был колесом телеги и катился, куда приказано. Адриан же всегда интересовался выбором направления и не любил чувствовать себя мечом, который используют для колки дров.

Пиклз спал на другой свободной постели в дальнем конце комнаты. Накануне вечером никто из учеников не обсуждал с ними происшествие в столовой, но оба они ловили на себе косые взгляды. Время от времени между койками проносился тревожный шепот, и Адриан несколько раз услышал слова «пирог с мясом». Матрас был жесткий, не такой удобный, как на постоялом дворе в Колноре, но лучше холодной земли. Адриан разделся, вытянулся на кровати, закрыл глаза и мгновенно уснул.

Возможно, его разбудил кошмарный сон. Подобные сны нередко посещали его, но по пробуждении они рассеивались, оставляя после себя лишь легкое чувство необъяснимой тревоги. Адриан открыл глаза. Было еще темно, но темнота уже приобрела сероватый оттенок. Он снова закрыл глаза, но заснуть не удавалось, и он просто лежал, уставившись на темные потолочные балки, прислушиваясь к храпу ученика по имени Бенни и думая о человеке в капюшоне, которого видел в окне. Может, это тоже был кошмарный сон?

«Вы видели его глаза? Холодные, уверяю вас. Мертвые», – вспомнились ему слова ювелира.

Попытка снова заснуть превратилась в настоящую битву, которую ему не суждено было выиграть. Адриан решил отступить. Он сел на кровати и коснулся босыми ногами пола. Холодно. Он надеялся, что утро будет теплее, чем те, которые он провел в дороге. Впервые за два дня он проснулся в сухой постели, но без одежды. Сбросив одеяло, Адриан вздрогнул от холода. Двенадцать молодых людей должны были согреть спальню теплом своих тел, как лошади согревают конюшню, но для этого комната была слишком велика. Он взял одежду, немного жесткую, но сухую, и стал одеваться. Маленькая койка издала жалобный скрип.

Адриан не представлял, сколько сейчас может быть времени, и полагался только на то, что мог увидеть. Мрак в комнате рассеялся, оставив лишь неясные тени, а сквозь прежде невидимое окно падал серый свет. Ничто не нарушало тишины, кроме умиротворяющего хора глубоких вдохов и периодического шороха одеял. Кошмар – что бы это ни было – оставил после себя чувство беспокойства, которое заставило Адриана взять с собой оружие. Он застегнул пояс, стараясь разместить мечи подальше друг от друга, и шагнул в сторону двери. Под его весом заскрипела половица. Один из учеников открыл глаза, посмотрел вверх, прищурившись, затем повернулся на бок и зарылся под одеяло.

За пределами спальни Адриана встретили тихие пустые коридоры, царство тускло освещенного дерева и камня. Дойдя до главной лестницы, Адриан остановился и посмотрел наверх. Он стоял на втором этаже. Окно, в котором он видел капюшон, было на третьем.

«Ты еще там?» – мысленно спросил он.

Да нужно быть слегка сумасшедшим, чтобы поверить, что убийца преследовал его аж до самого университета, и уж совсем безумным, чтобы решить, будто он все еще здесь. Однако тогда, на барже, Адриан ошибся в своих выводах, и это стоило жизни шестерым.

Он поднялся по лестнице, замедлив ход, когда вошел в северный коридор. Фонари не горели, и он крался по коридору на ощупь, пока наконец не добрался до его конца. Приподняв щеколду, Адриан слегка толкнул последнюю дверь, ведущую в помещение, которое выходило окнами на лужайку. Дверь с тихим скрипом отворилась внутрь, и в бледно-сером свете Адриан увидел комнату, по размеру чуть больше чулана и, вероятно, используемую как склад. Большую ее часть занимали ящики, ведра и даже уложенные штабелями доски.

В дальнем конце комнаты было окно с полукруглым верхом, которое Адриан запомнил со вчерашнего дня. Вот оно! Последнее окно на третьем этаже.

Адриан подошел к нему и выглянул на улицу. Внизу раскинулась лужайка. Сейчас, на рассвете, там было пусто, спокойно, и он представил, как они с Пиклзом стояли возле скамьи, к которой он привязал Танцорку.

Складское помещение.

Студент бы сюда не зашел.

У него волчьи глаза, не правда ли?

* * *

Все утро Адриан бродил по коридорам, словно призрак. Глен-холл оказался больше, чем ему представлялось, и имел столько разбегавшихся в разные стороны коридоров, что в них можно было заблудиться. Поначалу Адриан даже подумал, что стоило бы разбудить Пиклза – тот, наверное, лучше знает здесь все ходы-выходы, – но потом отказался от этой мысли. Скоро они снова отправятся в путь, и хорошо бы дать мальчишке как следует выспаться.

Поплутав по запутанным коридорам, Адриан спустился на первый этаж, где увидел знакомую огромную картину. Он оказался возле главного входа, а отсюда рукой подать до столовой, путь к которой был ему уже известен. Он уже слышал звон тарелок и стук горшков. В очереди за горячим завтраком вместе с ним стояли только ранние пташки с книгами в руках. Затем они разошлись, чтобы занять за многочисленными пустыми столами места поудобнее. В отличие от вчерашнего дня все разговаривали шепотом.

– Как спалось? – раздался зычный голос Аркадиуса, бесцеремонно нарушивший утреннюю тишину.

Профессор сидел у камина, где собралось большинство присутствующих, желавших погреться у огня, поскольку каменные стены все еще хранили ночной холодок. На столе перед ним стояли кружка и маленькая пустая тарелка. Профессор выглядел так же, как вчера. Пряди седых волос беспорядочно ниспадали во все стороны, как вода на камни. Очки так и висели на самом кончике носа, словно со вчерашнего дня ему так и не пришлось ими воспользоваться. Он по-прежнему был одет в ярко-синюю мантию, только теперь усыпанную крошками.

– Не знаю, я просто опустил голову на подушку и закрыл глаза, – ответил Адриан.

Старик улыбнулся.

– Тебе нужно поступить сюда учиться. Обычно требуется много месяцев на то, чтобы отучить студентов делать необоснованные предположения. Отведай горячего сидра. Алкоголя в нем нет, но если добавить корицы, он придаст твоему утру особенный вкус.

Адриан взял себе сидр, и Аркадиус указал ему на место подле себя. Адриан сел, чувствуя, как от горящих поленьев по его телу растекается приятное тепло. Из кружки в лицо ему ударил пар, и Адриан обхватил ее ладонями, пытаясь согреть руки. Профессор откинулся на спинку роскошного, обитого кожей кресла, одного из четырех в комнате. То ли он явился в столовую одним из первых, то ли профессора пользовались особыми привилегиями.

– Если подумать, в этом и заключается моя главная трудность, – сказал Аркадиус, потирая бока своей кружки.

– В чем именно?

– Как заставить учеников забыть то, что, как им кажется, они знают. Стереть дурные привычки. – Старик осторожно прикоснулся губами к кружке, хотя из нее больше не поднимался пар. – Видишь ли, мы все рождаемся с вопросами. – Аркадиус поднял кружку. – Пустые чаши горят желанием наполниться любой поступающей информацией, даже если это чушь. Вот, например, какого цвета этот стол?

– Коричневый.

– Откуда ты это знаешь?

– Ну... я же вижу.

– Но как описать цвет, не прибегая ни к каким сравнениям? К примеру, как бы ты описал синий цвет в разговоре со слепым от рождения человеком?

Адриан хотел было сказать, что это прохладный или спокойный цвет, похожий на небо или воду, но ничто из этого на самом деле не давало определения синему цвету. Мантия Аркадиуса была синей, и она не походила ни на что из вышеперечисленного.

– Ты не можешь, – наконец попытожил профессор. – Мы знаем цвета лишь по предметам, к которым они относятся. Твой отец, скорее всего, указывал на сотни предметов одного и того же цвета, и со временем ты понял, что цвет выражается тем словом, которое он использовал. Существует много таких вещей, абстрактных идей, никак не выраженных материально. Добро и зло, к примеру. Проблемы начинаются тогда, когда человек, который жаждет наполнить свою чашу, воспринимает идеи тех, кто, фигурально выражаясь, не различает цветов. Когда ты запомнишь идею, когда она укоренится у тебя в голове и осядет там, от нее сложно избавиться, как от старой шляпы. И поверь мне, у меня много старых шляп. Некоторые я не носил годами, но все равно храню их. Сентиментальность встает на пути практичности. С течением временем даже идеи становятся старыми друзьями, а если ты не можешь избавиться от старой шляпы, которую никогда не надеваешь, представь, насколько сложнее отказаться от идей, на которых ты вырос. Чем дольше отношения, тем сложнее их разорвать. Поэтому я и стараюсь заполучить учеников совсем юными, до того как их мозги закоснеют во всей той чепухе, которую они выучили в мире. Пока не различают цвета. Однако на этом поприще меня не всегда ожидает успех.

Он посмотрел на юношу, который сидел напротив, и подмигнул, отчего тот нахмурился и отвернулся.

– Как я понимаю, ты нашел своего друга Пиклза?

– Да. Мы вчера вместе ужинали.

– Слышал, слышал... Брошенный пирог с мясом. Где ты познакомился с этим безрассудным молодым человеком? Не в Калисе же...

– В Вернесе. По пути сюда. Парнишка не очень цивилизован.

– Я так и понял. Но расскажи мне, чем ты занимался после того, как ушел из дома?

– Что-то из этого вы наверняка знаете или угадали, коль скоро сумели меня найти.

– Твой отец сказал, что ты пошел в солдаты.

– Я сказал ему, что ухожу, чтобы вступить в армию короля Урита.

– И как, вступил?

Адриан кивнул, склонившись над пахнувшей корицей кружкой.

– Но ты там не остался? – предположил профессор.

– Видите ли, там у меня возникли кое-какие трудности.

– Понимаю. Солдаты-ветераны редко прощают тех, кто превзошел их в бою, особенно если их унижил пятнадцатилетний мальчишка.

Адриан рассматривал старика сквозь клубы пара.

– Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять это, – сказал он. – Наверное, я полагал, что произведу на них впечатление, они похлопают меня по плечу и будут мне рукоплескать. Но вышло совсем иначе.

– И ты ушел?

– Мне больше повезло в армии Уоррика под предводительством короля Этельреда. Там я уже не старался показать себя и солгал насчет своего возраста, прибавив себе годков. Стал капитаном, но тут Этельред рассорился с Уритом, и оказалось, что я должен воевать против людей, вместе с которыми служил почти год. Я ушел в отставку, надеясь поступить на службу к королю каких-нибудь земель подальше. Так и переходил с места на место, пока в конце концов не оказался в Калисе.

– Идеальное место для того, чтобы исчезнуть.

– Я тоже так подумал, да, собственно, так и случилось... в некотором роде. – Адриан бросил через плечо взгляд на дверь. Вошло еще несколько студентов в небрежно накинутах мантиях. – Часть меня действительно исчезла.

Аркадиус окунул палец в кружку и помешал напиток.

– Что ты имеешь в виду?

– Джунгли меняют людей... или... не знаю, может, они просто выносят на поверхность то, что уже скрыто внутри. Там ничто тебя не сдерживает, не вынуждает следовать установленным в обществе правилам, в которых, конечно, можно запутаться, но которые служат тебе чем-то вроде якоря. Ты видишь себя без прикрас, и мне не понравилось то, во что я превратился. Когда я получил ваше письмо, во мне будто что-то сломалось.

Адриан посмотрел на мечи. Этим утром, надевая их, он думал о них не больше, чем о сапогах, – даже меньше. Сапоги, по крайней мере, были новые.

– Ты обнажал их с тех пор, как покинул Калис?

– Не для боя.

Аркадиус кивнул из-за кружки. На старческом лице его внимательные глаза казались на удивление яркими, словно только что отполированные бриллианты в древней потускневшей оправе.

– Я не могу не думать о том, сколько людей осталось бы в живых, если бы я послушался отца и остался в Хинтиндаре.

– Скорее всего, они бы все равно погибли. Издержки военной профессии.

Адриан кивнул.

– Может быть, но, по крайней мере, их кровь не запятнала бы мои мечи.

Аркадиус улыбнулся.

– Станный взгляд для воина.

– За это можете сказать спасибо моему отцу. Ему и его дурацкой курочке.

– Как это? – не понял профессор.

– На десятый день рождения отец подарил мне только что вылупившегося цыпленка и заявил, что теперь я несу ответственность за жизнь этой птицы и должен оберегать ее. Я старательно заботился о птице. Назвал ее Гретхен, кормил с руки. Даже спал с ней в обнимку. Ровно год спустя отец заявил, что его сын на день рождения должен поужинать жареной курицей. Других кур у нас не было. Я умолял его не делать этого и клялся, что, если он убьет Гретхен, я не съем ни кусочка. Только отец и не собирался убивать Гретхен. Он вручил топор мне. «Научись ценить чужую жизнь, прежде чем отберешь ее», – сказал он. Я отказался. В тот день мы вообще ничего не ели, на следующий тоже. Я был намерен перебороть отца, но старик словно был сделан из камня. Я вытерпел всего два дня, не помогли ни гордость, ни жалость, ни сострадание. Во время ужина я обливался слезами, но съел все до последней крошки. Потом я целый месяц не разговаривал с отцом и так и не простил его. Я ненавидел его то за одно, то за другое, пока наконец не ушел из дома. Мне потребовалось пять лет боев, чтобы осознать

важность того ужина, из-за которого я никогда не наслаждался убийством и не закрывал глаза на чужую боль.

– И все это из-за одной курицы?

– Нет. С курицы все началось. Были и другие уроки. – Адриан бросил взгляд на сидевших поблизости студентов, делавших вид, что не слушают их разговор, и сказал: – Вам повезло, что вас обучает профессор. Есть учителя гораздо хуже.

– Он учил тебя ценить жизнь, – улыбнулся Аркадиус.

– И в то же время тренировал меня, как наиболее эффективно отнять ее? Разве человек станет учить сына летать, одновременно внушая ему страх высоты? Я хотел чего-нибудь *добиться* в жизни. Применить мастерство, которое он вбил в меня. К чему ловко управляться с мечом, если всю жизнь будешь ковать лемехи? Я видел других – богатых рыцарей, которых великие лорды прославляли за их умения, – и знал, что могу одолеть любого из них. У них было все: лошади, шикарные женщины, поместья, доспехи. У меня не было ничего. Я думал, что если только сумею показать им... – Адриан осушил кружку и отвернулся, уставившись на удлинившуюся очередь на завтрак.

– Итак, скажи мне, Адриан, теперь, когда ты вернулся, чем намерен заняться? Полагаю, ты больше не собираешься вступать в войско кого-либо из местных властителей.

– Мои солдатские дни миновали.

– Как же ты будешь жить?

– Пока я об этом не думал. У меня есть деньги, какое-то время продержусь. А потом... не знаю... Пока не хочу об этом думать, мне нравится просто плыть по течению. Не знаю почему... Может, я надеюсь, вдруг что-нибудь подвернется – что-нибудь само найдет меня.

– Правда?

Адриан пожал плечами.

Профессор подался вперед, хотел было что-то сказать, но снова откинулся на спинку кресла.

– Дорога сюда из Калиса долгая. Надеюсь, путешествие было приятным? – спросил он.

– Вообще-то нет – хорошо, что вы об этом упомянули. Вы на днях, случайно, не встречали в школе человека, который не был бы студентом? Человека, который все время носит черный плащ с поднятым капюшоном.

– Почему ты спрашиваешь?

– На барже, которой я добирался в Колнору из Вернеса, были убиты шесть человек. Пятеро за одну ночь, им перерезали горло. Человек в капюшоне скрылся прежде, чем я сумел найти его. Думаю, он мог последовать за мной сюда.

Аркадиус окинул взглядом окружавших их юношей.

– Давай-ка пойдем ко мне в кабинет, – предложил он. – Что-то огонь тут слишком жаркий.

– Я сказал...

Аркадиус жестом прервал его.

– Продолжим этот разговор в моем кабинете, где единственный, кто может распускать слухи, – это белка по имени Сисарус.

Аркадиус поднимался по лестнице медленно, придерживая подол мантии, под которым обнаружилась пара тапочек такого же синего цвета.

«Оставьте грязь на улице!»

Они дошли до двери в кабинет профессора, и там Аркадиус остановился и повернулся к Адриану.

– Помнишь, я вчера упоминал о предсмертном желании твоего отца?

Прежде чем Адриан сумел ответить, профессор открыл дверь. За ней, в дальнем конце кабинета, сидел человек в капюшоне.

* * *

Он сидел в углу под осиным гнездом возле клетки с рептилиями. Как всегда, закутанный в черный плащ. Лицо скрывал капюшон. И все же Адриан был уверен, что это он. Сидя убийца выглядел меньше и напоминал черную лужу или бесплотную тень, но его одеяние ни с чем нельзя было спутать.

Аркадиус шагнул в кабинет, не заметив незваного гостя.

– Профессор! – вскрикнул Адриан.

Обнажив оба меча, он проскочил мимо Аркадиуса. Просто взяв в руки оружие, он почувствовал себя увереннее, нежели раньше, и хотя ему не нравилось то, чего они вместе достигли, мечи оставались его лучшими друзьями.

Человек в капюшоне не сдвинулся с места, даже не вздрогнул.

Адриан встал между Аркадиусом и убийцей.

– Профессор, вам надо уходить!

К его удивлению, Аркадиус продолжал возиться с дверью, пытаясь запереть ее на замок.

– Это он, – тихо сказал Адриан, указывая мечом на человека в капюшоне. – Убийца с баржи.

– Да, да. Это Ройс, – спокойно ответил Аркадиус. – Можешь опустить мечи.

– Вы его знаете?

– Ну конечно. Я послал его в Вернес, чтобы он проводил тебя сюда. Велел ему искать человека с тремя мечами. Таких мало, особенно среди тех, кто едет из Калиса. Он должен был показать тебе дорогу сюда. – Профессор сердито посмотрел на человека в капюшоне и добавил погромче, с явным упреком: – Я рассчитывал, что он подойдет к тебе и *представится*, как это сделал бы любой *цивилизованный* человек на его месте. Надеюсь, что вы познакомитесь по дороге сюда.

– Я привел его сюда живым, а это было непросто, – отозвался Ройс.

– Ты убил тех людей! – Адриан перешел на крик. Он вовсе не собирался убирать мечи в ножны, пока человек в капюшоне был в комнате.

– Да, – кивнул тот небрежно, словно Адриан говорил о погоде. – Вернее, это преувеличение – я убил не *всех*.

– Хочешь сказать, я все еще жив? – оскалился Адриан. – Ты поэтому сюда явился? Довести дело до конца? Думаю, ты скоро поймешь, что совершил ошибку. – Адриан поднял мечи и бросился в атаку.

– Адриан! Остановись! – закричал профессор.

Человек в капюшоне наконец-то сорвался с места – быстрее, чем Адриан когда-либо видел. Он ловко взобрался по полкам и запрыгнул на балкон второго этажа, до которого нельзя было достать. Наверху закричала сова. Перепуганный голубь заколотил крыльями в клетке. Адриана остановило скорее удивление при виде атлетических способностей человека в капюшоне, нежели слова профессора. Он не понимал, что именно увидел. Человек превратился в черное пятно, движущееся с невероятной скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.